

"Танец с дьяволом"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Шеррилин Кеньон

Танец с дьяволом

Темные охотники — 4

OCR: Mist; Spellcheck: Pietra

Шеррилин Кеньон «Танец с дьяволом»: Эксмо, Москва, 2011

Оригинальное название: Sherrilyn Kenyon «Dance with the Devil», 2003

ISBN 978-5-699-52291-1

Перевод: Н. Холмогорова

Аннотация

Пролог

Вертолет оторвался от земли. Зарек устало откинулся на спинку кресла. Он возвращается на Аляску.

Чтобы там умереть.

Если Артемида и пощадит его — не пощадит Дионис. Бог вина и всяческих излишеств ясно дал понять, как недоволен предательством Зарека — и что в отместку намерен сделать с ним.

Ради счастья Саншайн Раннинвульф Зарек посмел пойти против бога — и теперь тот, конечно, заставит Охотника пережить ужасы, рядом с которыми померкнет даже его прошлая смертная жизнь.

Ну и наплевать. Ни в жизни, ни в смерти для Зарека нет ничего такого, о чем стоило бы пожалеть.

И все же он не мог понять, зачем подставил себя, спасая Тейлона и Саншайн. Разве только потому, что нет для него большего удовольствия, чем кого-нибудь позлить?

Его взгляд упал на дорожную сумку.

Не думая о том, что делает, Зарек достал кувшин, подаренный ему Саншайн, взвесил его на руке.

Первый раз в жизни он получил подарок. До сих пор все и всегда доставалось ему слишком дорогой ценой.

Зарек пробежал пальцами по сложным лепным узорам. Простой ком глины, но Саншайн работала над ним много часов. Трудилась, вкладывала в него душу...

Ему вспомнились слова из «Маленького принца»: «Они отдают всю душу тряпичной кукле, и она становится им очень-очень дорога, и если ее у них отнимут, дети плачут....»

Саншайн вложила в этот кувшин много времени и труда, а потом — просто подарила ему. И

понятия не имела, как тронул его этот подарок.

Хватит сопли разводить! — пробормотал он, усмехаясь собственной сентиментальности. — Это ничего для нее не значило. А ты приговорил себя к смерти из-за дерьмового куска глины!

Зарек прикрыл глаза и тяжело вздохнул.

Это правда.

Ему снова придется умереть ни за что.

Ну и что с того?

Можно подумать, он дорожит своей жизнью!

Пусть приходят! Пусть убивают! По крайней мере, он дорого продаст свою жизнь, на Аляске не так уж часто удается хорошенько подраться!

В гневе на весь мир, и особенно на собственную мягкотелость, Зарек взглядом разнес кувшин в мелкую глиняную пыль. Отряхнул штаны.

Затем достал mp3-плеер, надел наушники, включил на полную громкость любимую песню — «Hair of the Dog» группы Nasareth [2]. И стал ждать, когда Оруженосец Майк, подкупленный Дионисом, откроет окна и впустит в вертолет потоки смертоносного света.

Если у Майка есть хоть капля разума, он постарается убить Зарека сейчас, пока может. А иначе — сильно пожалеет, что упустил такой шанс!

Глава 1

Едва ли нашелся бы на земле человек более могущественный и более таинственный, чем Ашерон Партенпей — первый из Темных Охотников и их бессменный вождь. Уже более девяти тысяч лет он возглавлял Темное Братство — и служил единственным посредником между Охотниками и их создательницей — Артемидой, богиней охоты.

Но это высокое положение не радовало Ашерона. Сказать по правде, чаще всего он ненавидел свою работу. словно избалованное дитя, Артемиде больше всего любила проверять его на прочность — дразнить, унижать, выводить из себя, пытаясь понять, как далеко сможет зайти, прежде чем он ее одернет.

Их запутанные отношения основывались на равновесии сил. Лишь Ашерону удавалось удерживать капризную богиню в рамках спокойствия и здравомыслия.

По крайней мере, обычно удавалось.

Но и он нуждался в Артемиде, как в воздухе. У нее он находил единственный источник сил, позволявший ему оставаться человеком, любить и сострадать.

Не будь ее, он давно бы превратился в бездушного убийцу, чудовище, перед которым померкли бы даже даймоны, охотящиеся на человечество.

Не будь его, она не вспоминала бы ни о сострадании, ни о совести.

В ночь Карнавала он обещал ей две недели рабского служения за душу Темного Охотника Тейлона, за позволение ему оставить службу и провести вечность в счастье и покое, наслаждаясь любовью своей вновь обретенной жены.

Много столетий Тейлон без устали охотился на вампиров и других демонических существ, преследующих беспечное человечество.

Он заслужил покой — и обрел его.

Но сам Эш, лишенный большей части своих сил, запертый в храме Артемиды, вынужден был подчиняться теперь всем ее капризам. И хуже всего было то, что он знал: она открыла охоту на Зарека. Знал — и не мог этому помешать.

Эта мысль грызла его днем и ночью. Слишком хорошо он представлял, что чувствует сейчас Зарек — один в целом мире, окруженный врагами, в каждом подозревающий предателя. Это чувство было ему знакомо.

Ни один из его людей не заслужил такого испытания.

— Отзови Таната! — мрачно потребовал Ашерон.

Он сидел на мраморном полу у ног Артемиды. Она лениво раскинулась на троне из слоновой кости, больше напоминающем мягкий шезлонг, — роскошное ложе, созданное для порочных наслаждений.

Превыше всего на свете Артемида ценила комфорт.

Сонно улыбнувшись, Артемида перекатилась на спину. Прозрачный белый пеплос ее больше показывал, чем скрывал; а когда она поворачивалась, Ашерону открылся роскошный вид самых интимных уголков ее божественно прекрасного тела.

Но это зрелище давным-давно ему наскучило.

Страстный, жадный взгляд ее изумрудных глаз скользнул по его обнаженному телу, прикрытому лишь черными кожаными плавками. Удовлетворенно улыбнувшись, она пропустила меж пальцев длинную прядь золотистых волос, прикрывающую свежий укус на его шее.

Артемида была сыта и довольна жизнью.

В отличие от него.

Ты еще слаб, Ашерон, — мягко заметила она, — и не в том положении, чтобы мне приказывать. И потом, твои две недели рабства только начались. Где же обещанное подчинение?

Эш медленно поднялся. Навис над ней, как башня, опершись обеими руками о края трона, наклонился к ней так, что их лица почти соприкоснулись. Глаза Артемиды чуть расширились — и это подсказало ему: она прекрасно понимает, кто из них двоих, даже плененный и лишенный сил, более могуществен.

Отзови своего пса, Арти! Я серьезно. Хватит с меня этих игр. Мы говорили об этом уже давным-давно: я не хочу, чтобы Танат преследовал моих Охотников. Отзови его и запрети!

Ну вот еще! — капризно отозвалась Артемида. — Зарек умрет, это решено! Появившись в

вечерних новостях, он подверг опасности всех Охотников! Человеческие власти не должны ничего о них знать! Если его найдут...

Да кто его найдет? Он пожизненно заключен в ледяной тюрьме за тридевять земель... из-за твоей жестокости!

Меня, пожалуйста, не благодари. Я с самого начала хотела его казнить. Это ты настоял на том, чтобы отправить его на Аляску. Вообще во всей той истории виноват был ты — так что не вини меня!

Эш скривил губы.

Я не собираюсь обрекать человека на смерть только потому, что тебе и твоему брату вздумалось поиграть с его жизнью!

Он не хотел для Зарека такой судьбы. Но пока что все было против него — и боги... и даже сам Зарек.

Чертова свободная воля! Насколько легче было бы жить без нее!

— А ты-то, Ашерон, почему так о нем заботишься? — подозрительно сощурилась Артемида. — Я начинаю ревновать, когда вижу с твоей стороны такие теплые чувства к кому-то другому!

вернуться

2

Назарет (Nazareth) - шотландская рок-группа, созданная в 1968 году.

Ашерон молча отстранился. Обычная для него забота о своих людях в устах Артемиды превратилась во что-то непристойное.

Да, это Арти умеет!

На Зарека Ашерон смотрел как на брата — брата по Темной Охоте. И хорошо понимал его чувства. Он знал, почему Зарек не находит себе покоя, сжигаемый яростью и ненавистью к миру.

Получив столько пинков от судьбы, невозможно не ожесточиться. Даже пес, которого постоянно бьют, однажды взбесится и начнет свирепо грызть всех вокруг, не разбирая правых и виноватых.

Сам Ашерон столько раз бывал на грани срыва, что не мог винить Зарека, взбесившегося много столетий назад.

И все же он не позволит Зареку умереть. Только не так. Не за чужую вину. И полицейские, напавшие на Зарека в темном нью-орлеанском переулке, и заснявшая его видеокамера — все это было дело рук Диониса. Бог расставил Зареку ловушки, чтобы вывести его из игры, заставив Артемиду объявить на него кровавую охоту.

Смерть не принесет Зареку успокоения. Если Танат или Оруженосцы его убьют, он превратится в Тень — призрак, лишенный и тела, и души, вечно скитающийся по земле в

поисках невозможного утешения.

Вечно голодный, вечно страдающий...

При этой мысли Эш тяжело поморщился.

Вскочил и молча направился к дверям.

Куда это ты? — окликнула его Артемида.

К Фемиде. Остановлю то, что ты затеяла.

В одно мгновение фигура Артемиды выросла перед ним, загородив дверь.

Никуда ты не пойдешь!

Тогда отзови своего пса.

Ни за что!

Отлично. — Эш взглянул вниз, на свою правую руку, от плеча до запястья обвитую татуировкой в виде дракона. — Сими, прими человеческий облик! — приказал он.

Драконша поднялась с его руки, взмыла в воздух и плавно опустилась на пол, на ходу превращаясь в юную демонессу ростом не более трех футов.

В сегодняшнем воплощении крылья ее были черными с сизо-стальным отливом. Обычно она предпочитала багровые, и черный цвет крыльев вместе с цветом глаз (багровые радужки, белые зрачки) подсказал Ашерону, что на Олимпе Сими не слишком нравится.

Ее алое платье плотно облегалo стройное сильное тело. Длинные золотистые волосы, заостренные уши, маленькие рожки — все это выглядело скорее красиво, чем зловеще. В человеческом облике Сими могла принимать любой размер от дюйма до восьми футов, в виде дракона — способна была вырасти до восьмидесяти футов в длину.

Нет! — вскричала Артемида. Она пыталась удержать харонтийского демона, но тщетно — Сими подчинялась лишь Ашерону и его матери.

Что пожелаешь, акри? — поинтересовалась Сими.

Убей Таната.

Сими блеснула клыками и радостно потерла руки, свирепо ухмыльнувшись в сторону Артемиды.

Вот здорово! Ух, как эта рыжая стерва-богиня разозлится!

Артемида бросила на Эша отчаянный взгляд.

Верни ее обратно!

Не надейся, Арти. Ты не единственная, в чьем распоряжении есть личный убийца. С большим интересом посмотрю, сколько твой Танат продержится против моей Сими.

Артемида побледнела.

Долго не продержится, акри, — певучим, мелодичным голосом заверила Сими. «Акри» на атлантйском языке означало «господин и повелитель». — Считай, я его уже поджарила! — Она улыбнулась Артемиде. — Люблю хорошо прожаренное барбекю! Как ты думаешь, акри, как мне его приготовить — как обычно или с хрустящей корочкой? Люблю корочку: крошки так прикольно хрустят на зубах! Но тогда надо не забыть сухари...

Артемида звучно сглотнула.

Ты не можешь так поступить! Не отправляй ее за Танатом! Что, если она выйдет из-под контроля?

Сими делает только то, что я ей приказываю.

С тобой или без тебя, но она кровожадное чудовище! Не дай Зевс, она окажется в человеческом мире без присмотра!

Кровожадное чудовище? — усмехнулся Эш. — Чья бы корова мычала... А присмотр Сими не нужен: она часто бывает в человеческом мире одна и прекрасно себя контролирует.

Что? Хочешь сказать, ты просто отпускаешь ее полетать? Ашерон, о чем ты только думаешь?

Пока они бранились, Сими взмыла к потолку и закружила по залу, на лету извлекая из воздуха записную книжку в кожаном переплете.

Так, во-первых, соус для барбекю. Не забыть прихватки: даймон прямо из огня будет очень горячим. На растопку захвачу пару яблонь — для мягкого яблочного вкуса: у даймонов неприятный привкус, его нужно чем-то отбивать...

Что это она делает? — поинтересовалась Артемида, следя за беззаботно порхающей демонессой.

Составляет список: что ей понадобится, чтобы убить и приготовить Таната на ужин.

Она что, его съесть собирается?

Очень может быть.

Я запрещаю этой... этой твоей твари есть Таната! — процедила Артемида.

Попробуй ей помешать, — усмехнулся Ашерон. — Я ее всегда учил не стесняться своих желаний!

Услышав их перебранку, Сими оторвалась от списка.

Сими за здоровую экологию! — широко улыбаясь, пояснила она. — Мой желудок перерабатывает все, кроме копыт! Копыта слишком жесткие, об них зубы сломать можно. — Она обернулась к Ашерону: — У Таната копыта есть?

Нет, Сими, никаких копыт.

Ура, ура, вкусный ужин! — Сими заплясала по залу, словно ребенок в предвкушении дня рождения. — Даймон на открытом огне! Акри, можно мне его убить прямо сейчас? Я хочу

скорее! Ну, пожалуйста! Пожалуйста!

Эш повернулся к Артемиде:

Дело за тобой, Арти. Решай. Жить ему или умереть?

На миг наступило гнетущее молчание: затем Сими завопила, словно малыш, у которого отнимают конфету:

Ну зачем ты опять, акри! Зачем? Не спрашивай ее! Она противная! Она вечно все портит!

Эш знал, как не любит Артемида проигрывать споры. Глаза ее вспыхнули едва сдерживаемой яростью.

Чего ты от меня хочешь?

Ты считаешь, что Зарек — угроза для всех нас, что он не должен жить. Хорошо. Все, чего я прошу, — суда по всем правилам. Пойдем к Фемиде. Если ее Судья сочтет, что Зарек действительно опасен для окружающих, я сам пошлю за ним Сими и положу его жизни конец.

Сими оскалила клыки. Они с Артемидой обменялись ядовитыми взглядами.

Наконец Артемида подняла глаза на Ашерона.

Ладно. Но твоему демону я не доверяю. Как только Зарека признают виновным, я отправлю его прикончить Таната.

Сими! — обратился Ашерон к своей харонтийской спутнице. — Домой.

Девочка-демон надулась.

Ну вот! Опять «Сими, домой!», — передразнила она, неохотно меняя облик. — «Сими, не ешь Таната, Сими, не ешь эту рыжую богиню, Сими, не делай то, не делай это...» — Она фыкнула. — Как мне все это надоело! Я тебе не мячик, акри, чтобы меня швырять туда-сюда. Я Сими. И мне не нравится, когда мне сначала обещают, что можно будет наконец кого-нибудь съесть, а потом говорят: нет, нельзя, домой! Терпеть этого не могу! Я так давно не развлекалась!

Сими! — строго остановил ее Ашерон.

Вздыхнув в последний раз, демонесса превратилась в птичку и улеглась татуировкой на бицепсе Ашерона.

Эш потерял руку: всякий раз, когда Сими покидала его тело или в него возвращалась, он ощущал легкий ожог.

Артемида бросила на новый облик Сими злобный взгляд. Затем подошла к Ашерону сзади, прижалась к нему, прикрыв татуировку ладонью.

Рано или поздно я найду способ избавиться от этой твари у тебя на руке.

Не сомневаюсь. — Он заставил себя не вздрогнуть, когда теплое дыхание богини коснулось его шеи. Ашерон терпеть не мог, когда ему дышали в спину, и Артемида прекрасно об этом знала.

Он обернулся к ней:

А я найду способ избавиться от той, что у меня за спиной.

Лежа в плетеном шезлонге под мраморными дорическими колоннами, Астрид читала «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери. Эту книгу она перечитывала снова и снова — и всякий раз находила в ней что-то новое.

Сегодня она искала в этой сказке что-то доброе. Напоминание о том, что, несмотря ни на что, в мире есть красота. Невинность. Радость. Счастье.

И надежда.

Дуновение ветерка принесло с речного берега аромат сирени. Астрид вздохнула и прикрыла глаза. Сестры пытались ее развеселить, но она сказала им, что хочет побыть одна.

Сейчас даже они ничем не могли ей помочь.

Усталая и разочарованная, она искала утешения в книгах. В них еще осталось добро, кажется, прочно забытое людьми в реальной жизни.

Неужели в мире больше не осталось отзывчивости? Порядочности? Человечности?

Как удалось людям за какие-то несколько тысячелетий истребить в себе все лучшее?

И сестры ее — хоть она и любит их всем сердцем — ничем не лучше остальных. Такие же безжалостные, эгоистичные, глухие к мольбам и страданиям тех, кто для них посторонний.

Их больше ничто не трогает.

А она сама? Когда Астрид в последний раз смеялась? Или плакала?

Она как будто лишилась всех чувств и эмоций.

Бесчувствие — проклятие ее семейства. Сестра Атти давным-давно предупреждала, что эта профессиональная болезнь Судей не минует и ее.

Но Астрид была юна, глупа и тщеславна: она не слушала предупреждений, уверенная, что уж ее-то это не коснется!

Никогда она не станет равнодушной к чужой боли, к страданиям людей!

Но теперь радость сочувствия и сопереживания дарили ей только книги. Лишь герои книг — немые, вымышленные — и их приключения и переживания вызывали в ней какой-то душевный отклик.

Быть может, она даже рыдала бы над прочитанным... если бы не разучилась плакать.

За спиной слышались шаги. Астрид поспешно сунула книгу под подушку: не хотела, чтобы ее спрашивали, что она читает, не хотела признаваться, что утратила сострадание.

Она обернулась. По безупречно подстриженной лужайке, мимо трех пасущихся фавнов к ней шла мать.

Сегодня на Фемиде были приталенная голубая блузка с короткими рукавами и слаксы цвета

хаки. Рыжие кудри мягко обрамляли вечно юное лицо. Никто не дал бы этой женщине больше тридцати — и тем более не признал бы в ней суровую богиню правосудия.

Мать была не одна.

За ней следовали Артемида и Ашерон.

Артемида — в классическом античном пеплосе. Ашерон — в своем обычном наряде: черные кожаные брюки, черная футболка, длинные белокурые волосы свободно падают на плечи.

По спине у Астрид пробежал холодок — как всегда при виде его. Было в Ашероне что-то... неотразимое, властно притягивающее взор.

И пугающее.

Ни среди смертных, ни среди богов Астрид не знала другого, подобного ему. Его притягательность не поддавалась объяснениям, но и отрицать ее было невозможно. Казалось, само его присутствие наполняет воздух чувственной жаждой, так что почти невыносимо смотреть на него — и не желать броситься к нему в объятия, сорвать с него одежду, упасть вместе с ним наземь и любить его без устали много-много столетий...

Но это не все. Кроме сексуальной привлекательности, было в нем и что-то еще — что-то древнее, грозное, хищное. Какая-то таинственная мощь, которой опасались даже боги.

Вот и сейчас в глазах Артемиды читался этот потаенный страх.

Никто не знал, какие отношения связывают ее с Ашероном. На глазах у других они почти не смотрели друг на друга и никогда друг к другу не прикасались. Однако Ашерон часто посещал ее храм.

Когда Астрид была маленькой, Ашерон часто приходил к ней в гости: играл с ней, учил пользоваться ее скромными сверхъестественными силами, приносил ей книги из прошлого и из будущего.

Именно Ашерон однажды познакомил ее с «Маленьким принцем».

Но, едва Астрид стала подростком и начала понимать, насколько привлекателен ее взрослый друг, эта дружба закончилась. Теперь Ашерон появлялся в их доме лишь изредка, а когда приходил, ясно давал понять, что между ними выросла незримая стена.

Чем обязана? — обратилась Астрид ко всем троим.

Милая, у меня есть для тебя задание, — ответила мать.

Астрид поморщилась:

Мне казалось, мы договорились, что ты дашь мне отдохнуть!

Послушай, кузина, — вступила в разговор Артемида, — ты в самом деле нам очень нужна. — Она бросила раздраженный взгляд на Ашерона. — Один Темный Охотник совсем отбил от рук.

Ашерон все с тем же бесстрастным лицом молча следил за реакцией Астрид.

Та вздохнула. Больше всего на свете она желала бы никого и никогда больше не судить. Тысячелетия судов и приговоров выжгли ее изнутри: она боялась, что никогда больше не сможет ощутить чужую боль.

И даже свою собственную.

Что, если ее постигнет та же участь, что и ее сестер, — страшнейшее из проклятий: проклятие равнодушия?

Есть и другие Судьи.

Артемиде нетерпеливо вздохнула.

Другим я не доверяю. Они слишком мягкосердечны, их ничего не стоит склонить на свою сторону. Мне нужен действительно беспристрастный Судья — такой, которого не разжалобишь ссылками на трудное детство и душевную боль! Нужна ты.

Астрид перевела взгляд на Ашерона, и по ее спине вновь пробежал холодок. Стоя неподвижно, скрестив руки на груди, все с тем же бесстрастным лицом, Ашерон смотрел на нее своим немигающим серебристым взглядом.

Не в первый раз ее просили судить Темного Охотника, сбившегося с пути. Но сейчас она чувствовала: что-то не так.

Ты считаешь, что он невиновен? — спросила она Ашерона.

Тот кивнул.

Невиновен? — фыркнула Артемиде. — Да этот тип любого прикончит и глазом не моргнет! У него нет ни сердца, ни совести, он не думает ни о ком, кроме себя!

Ашерон, вздернув бровь, бросил быстрый взгляд на свою спутницу. На его лице ясно читалось: «Кто бы говорил!»

Эта мимолетная сценка едва не заставила Астрид улыбнуться.

Мать отошла в сторону, чтобы дать им поговорить. Ашерон присел возле шезлонга Астрид, встретился с ней взглядом.

Знаю, Астрид, ты устала. Устала и хочешь уйти от дел. Но я не доверяю никому, кроме тебя.

Астрид нахмурилась. Откуда он знает? Она никому не признавалась, что не хочет больше быть Судьей!

Артемиде смерила Ашерона подозрительным взглядом.

Интересно, почему ты так легко согласился с моим выбором Судьи? Ведь Астрид от начала времен ни разу никого не оправдала!

Знаю, — ответил он глубоким проникновенным голосом, еще более соблазнительным, чем его красота. — Но я верю, что Астрид примет правильное решение.

Что ты задумал? — прищурилась Артемиде.

Ничего.

Отвечая ей, Ашерон по-прежнему не спускал глаз с Астрид: взгляд его был бесстрастен, но так пронзителен, что от него перехватывало дыхание.

Никогда прежде Ашерон ни о чем ее не просил; и ради их детских игр, ради светлых дней, когда он был для нее и отцом, и старшим братом, Астрид решила выполнить его просьбу.

Сколько времени это потребует? — спросила она. — Если я сразу увижу, что он виновен и не заслуживает снисхождения, хотелось бы на этом и закончить.

Конечно, — отозвалась Артемида. — Чем быстрее ты признаешь его виновным, тем будет лучше для всех.

Астрид обернулась к ее спутнику:

Что скажешь, Ашерон?

Я подчинюсь твоему решению, — кивнул он.

Что ж, Ашерон, — просияла Артемида, — договорились. Ты обещал согласиться с любым решением избранной мною Судьи.

Легкая усмешка промелькнула в уголках его губ.

Как и ты, Артемида.

Улыбка сошла с лица Артемиды. Она тревожно взглянула на Астрид, затем снова на Ашерона.

Тебе известно что-то такое, чего не знаю я?

Словно пронзая Астрид своим серебристым взглядом, он негромко ответил:

Только то, что Астрид умеет видеть истину.

И что с того? — не унималась Артемида.

«...зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь».

По коже Астрид вновь пробежал мороз. Именно эти слова из «Маленького принца» она только что читала!

Откуда он узнал?

Она бросила взгляд на подушки шезлонга.

Нет, книга была надежно спрятана.

Что за странное существо этот Ашерон Партенопей!

— У тебя две недели, дочь моя, — слышался негромкий голос матери. — Управишься быстрее — тем лучше. Но по истечении четырнадцати дней участь Зарека должна быть решена и скреплена твоей рукой.

До Аляски оставался еще добрый час пути, когда у mp3-плеера сдох аккумулятор.

А как же иначе! Зареку всегда везет.

Теперь придется целый час слушать ворчание и жалобы пилота Майка — пожилого Оруженосца, недовольного своим заданием. Пассажирский отсек, где летел Зарек, — без окон, обитый стальными листами, надежно защищенный от солнечных лучей, — был отделен от кабины пилота целым футом прочной стали; но Зарек слышал все, что происходило в кабине, как ясно, словно сидел на соседнем сиденье.

Это жутко его доводило. Но еще больше доставала теснота. Стоило пошевелиться — и он шмякался локтем или коленом о стенку. Но снаружи было светло, так что пришлось выбирать между тесной тюрьмой и верной смертью.

Сам не зная почему, Зарек отказался выбирать смерть.

Чертыхнувшись, он сдернул наушники, и в его уши ворвался ритмичный рокот винтов, вой свирепого зимнего ветра и голоса по радию, прерываемые треском помех.

— Ну что? Ты это сделал?

Зарек насторожился. Этот нетерпеливый мужской голос был ему незнаком.

Иметь сверхспособности удобно, но порой они чертовски раздражают. Слуху Зарека можно было позавидовать. Из своего бронированного отсека он прекрасно слышал, о чем идет речь в кабине.

О нем.

Точнее, о его безвременной кончине.

За убийство Зарека Майку предложили целое состояние. Все двенадцать часов пути из Нью-Орлеана Зарек гадал, какой способ изберет пилот: попытается ли открыть окна, чтобы его пассажира сожгло безжалостное солнце, или попросту отстегнет пассажирский отсек в надежде, что падение с высоты нескольких километров вышибет дух даже из бессмертного.

И на тот, и на другой случай у Зарека имелась в запасе парочка сюрпризов.

Однако Майк почему-то медлил.

Не-а, — проговорил он и без предупреждения бросил вертолет на левый бок, впечатав Зарека в бронированную стену. Зарек уже начал подозревать, что пилот выкидывает такие штуки просто ради развлечения.

Вертолет накренился в обратную сторону, но на сей раз Зарек был к этому готов.

Хотя, поверь мне, искушение было велико! Но, поразмыслив, я понял: не заслужил этот бешеный псих такой легкой смерти. Пусть с ним разделяются братья Кровавого Обряда — медленно и мучительно. Хотел бы я послушать, как этот выродок будет молить о пощаде — особенно после того, что он сотворил с этими ни в чем не повинными беднягами-копами!

На щеке Зарека задергался мускул — в такт быстрым, яростным ударам сердца. Ни в чем не повинными? Как же! Вспомнить только, как они на него набросились! Не будь он бессмертным — сейчас валялся бы в коме, а то и в могиле!

Снова чужой голос, прерываемый треском помех:

Я слышал от Оракулов, что Артемида выплатит Оруженосцу, который убьет Зарека, двойную премию. Прибавь к этому то, что обещал тебе за то же самое Дионис, — и... по-моему, только идиот откажется от такой награды.

Мне денег хватает. И не забудь: именно мне приходится терпеть выходки этого урода. Этот говнюк считает себя невесть каким крутым, вот посмотрим на его крутизну, когда ему голову отпилят!

В темном пассажирском отсеке Зарек закатил глаза. Фу-ты ну-ты! Да плевать ему на то, что о нем думает этот тип!

Много-много столетий назад он усвоил, что пытаться сблизиться с людьми бессмысленно.

Чем ближе к ним подойдешь, тем больнее тебя укусят.

Он сунул плеер в черную дорожную сумку. При этом снова ударился коленкой о стену и зашипел от боли. Скорее бы выбраться из этого летающего фоба!

Странно, что Совет не отправил за его головой Ника, — заметил незнакомый голос. — Ник провел с Зареком целую неделю — должно быть, теперь он просто мечтает его прикончить!

Майк фыркнул:

Они ему предложили. Но он отказался.

Почему?

Понятия не имею. Ты же знаешь Готье — он терпеть не может, когда им командуют. Не понимаю, как его вообще приняли в Оруженосцы. С ним никто, кроме Ашерона и Кириана, не умеет ладить.

Это уж точно. Этому парню лучше на зубок не попадаться — отбреет так, что жизни будешь не рад! Кстати, о работе: мне звонит мой Охотник. Так что пойду. А ты будь осторожнее с Зареком.

Не беспокойся: высажу его, а дальше не моя забота. Пусть братья Кровавого Обряда с ним разбираются. А я умотаю из Аляски быстрее, чем ты успеешь сказать «Румпельштильцхен»!

И рация со щелчком отключилась.

Зарек сидел неподвижно, прислушиваясь к дыханию пилота.

Итак, этот сукин сын решил его не убивать.

Как видно, за время полета Оруженосец отрастил себе если не яйца, то хотя бы мозги — и сообразил, что покушение на жизнь Охотника выйдет ему боком. За такую сообразительность Зарек, пожалуй, оставит его в живых.

Однако, чтобы выжить, Майку придется побегать!

И да помогут боги тем, кто явится сюда за его головой! На мерзлой земле Аляски Зарек непобедим. В отличие от других Охотников и Оруженосцев, у него за спиной — девятьсот лет тренировок на выживание в арктической глуши. Девять веков наедине с ледяной пустыней, не нанесенной ни на одну карту.

Не совсем, правда, наедине — раз в десятилетие Ашерон заглядывал сюда проверить, жив ли он еще. Но, если не считать этих редких визитов, Зарек был здесь совершенно один.

И кому-то еще непонятно, почему он превратился в «бешеного психа»!

Вплоть до последнего десятилетия он проводил долгие летние месяцы, когда смертоносное солнце не уходило с небес ни днем, ни ночью, запершись в своей хижине, без всякого контакта с внешним миром.

Ни телефона. Ни телевизора. Ни компьютера.

Только тишина, и одиночество, и стопка книг, которые он перечитывал, пока не выучил наизусть. И нетерпеливое ожидание осени, когда ночи станут долгими и Зарек сможет отправиться в Фэрбенкс, где есть магазины, открытые допоздна пивные и вообще идет какая-то жизнь.

Да ведь и Фэрбенкс вырос здесь всего полтора столетия назад, а до того многие столетия Зареку вообще не приходилось общаться с людьми.

Нескончаемые годы прожил он здесь совершенно один. Лишь изредка удавалось обнаружить вдали фигуры индейцев, но, заметив его, они бросались прочь, поскольку огромный белый человек с острыми клыками, обитающий в глуши лесов, пугал их до полусмерти. Достаточно им было взглянуть на его мощную фигуру в парке из шкуры мускусного быка — и они пускались наутек, вопя, что ужасный Иглаак пришел по их души. Суеверные дикари придумали ему имя и сложили о нем свои легенды.

Что еще? Порой навещали его ищущие приключений даймоны — из тех, кто желал похвастаться друзьям, что выстоял в схватке с безумным Темным Охотником. К несчастью, их интересовали не разговоры, а битвы, так что встречи с ними были очень недолгими. Несколько минут драки — и снова Зарек оставался один, среди снегов, в обществе волков и медведей.

Не оборотней, нет, — самых обычных зверей.

Из-за магнитных и электрических полей, создаваемых северным сиянием, никто из народа Катагари не заходил так далеко на север. По той же причине частенько выходила из строя электроника и спутниковые антенны, так что даже сейчас, в наши дни, Зарек порой был отрезан от внешнего мира. И каждый раз одиночество становилось для него пыткой. Может быть, зря он не позволил себя убить?

Но, сам не зная почему, Зарек продолжал держаться за жизнь. Еще один год. Еще одно лето.

Еще один день без Интернета.

Выживать Зарек научился. Жаль только — не умел ничего, кроме этого.

Он вздохнул, вспомнив Нью-Орлеан.

Как же полюбился ему этот город, полный огней, жизни, тепла! Город, в воздухе которого витает смесь причудливых ароматов, на каждом повороте перед тобой открывается новый вид, из распахнутых окон и дверей доносятся музыка и смех! Интересно, понимают ли нью-орлеанцы, как им повезло? Знают ли, как завидна их участь?

Но для него все это позади. Оказавшись на свободе, Зарек, естественно, натворил там дел, — и теперь нечего и надеяться, что Артемида или Ашерон еще хоть раз подпустят его к людям.

Он приговорен к вечному заключению. Можно, конечно, надеяться, что со временем и Аляска станет густонаселенным штатом, но, учитывая суровый северный климат, с той же вероятностью его отправят на Гавайи.

С этой мыслью он принялся распаковывать свое зимнее снаряжение. Когда они прилетят, будет раннее утро — еще темно, но недалеко до рассвета. Ему придется поспешить, чтобы укрыться в своей хижине до восхода солнца.

Зарек смазал лицо и руки вазелином, натянул кожаный, с меховой подстежкой комбинезон, черный свитер с высоким воротом, поверх всего этого — длинную парку из шкуры мускусного быка и влез в высокие зимние сапоги. Тем временем вертолет начал снижаться.

Зарек машинально потянулся к сумке, набитой разнообразным оружием. Много лет назад он научился не выходить из дома без средств самозащиты. Аляска — суровая страна, особенно для отшельника-одиночки: никогда не знаешь, когда дорогу тебе пересечет опасный хищник — или что-нибудь похуже.

Давным-давно Зарек поклялся себе, что станет самым опасным хищником северных лесов.

Едва они приземлились, Майк заглушил мотор. Подождал, пока перестанут вращаться лопасти, вылез из кабины, вполголоса ругая холод, открыл дверь пассажирского отсека и посторонился, чтобы дать Зареку выйти. Лицо его исказилось злорадной ухмылкой.

— Добро пожаловать домой! — ядовито проговорил он. Зарек видел: сукин сын наслаждается мыслью, что Оруженосцы Кровавого Обряда скоро доберутся до Охотника и предадут его страшной смерти.

Зарек этого тоже ждал с нетерпением. Но по другой причине.

Майк переминался на снегу, согревая руки дыханием.

— Ну, как, ничего не изменилось, пока тебя не было?

Конечно, нет. Здесь никогда ничего не меняется.

Зарек поморщился — даже в темный предрассветный час ему резала глаза белизна снежной равнины — и, опустив защитные очки, вышел из вертолета. Закинув сумку на плечо, двинулся по хрупкому снегу к отапливаемому гаражу, где неделю назад оставил свой снегоход, сделанный по личному заказу «Ски-Доо Эм-Экс Зет Рев».

Да уж, здесь все как было: убийственный мороз, пронзительный ледяной ветер, от которого мгновенно защипало лицо и руки. Зарек стиснул челюсти: не слишком удобно стучать зубами, когда у тебя острые клыки.

Добро пожаловать домой.

Майк уже зашагал обратно к дверям кабины пилота, когда Зарек повернулся к нему.

Эй, Майк! — позвал он, и голос его звучно разнесся в ледяном безмолвии.

Майк остановился.

Румпельштильцхен! — негромко проговорил Зарек — и швырнул под вертолет гранату.

Грязно выругавшись, Майк бросился бежать по сугробам прочь от вертолета, надеясь добраться до какого-нибудь укрытия.

В первый раз за долгое, очень долгое время Зарек усмехнулся, слушая, как хрустит снег под сапогами разъяренного Оруженосца.

Вертолет взорвался в тот миг, когда Зарек добрался до снегохода. Перекинув длинную, обтянутую кожаными брюками ногу через черное седло, он наблюдал, как разлетается на куски «Сикорски» стоимостью в двадцать три миллиона долларов.

Зарек всегда обожал фейерверки. Что за зрелище — не уступает северному сиянию!

Майк сыпал проклятиями и прыгал на месте, словно рассерженный мальчишка, видя, как его летучий корабль, сделанный на заказ в одном экземпляре, гибнет в пламени.

Зарек завел мотор и подъехал к Майку. Впрочем, сначала бросил еще одну гранату — в гараж, чтобы Оруженосец не вздумал укрыться там от холода.

Не выключая мотор, он опустил шарф, защищающий лицо, и крикнул, перекрывая рев снегохода:

Город в четырех милях отсюда. Вон там! — И указал на юг. Затем бросил Майку тюбик вазелина: — Смажь губы, чтобы не потрескались.

Зря я тебя не прикончил! — прохрипел Майк.

Вот именно. — Зарек повернул зажигание и снова закрыл лицо шарфом. — Да, если по дороге встретишь волков, имей в виду, это не катагари на охоте, это самые настоящие волки! Охотятся стаями: слышишь одного — значит, где-то рядом еще десяток. Мой тебе совет: лезь на дерево и жди, когда им надоест тебя караулить. И молись, чтобы не появился медведь и не полез за тобой!

Он развернул машину и помчался на северо-восток, где через триста акров дремучего леса стояла его хижина.

Быть может, ему следовало раскаиваться в том, как он поступил с Майком. Но Зарек не раскаивался. Оруженосец получил хороший урок. В следующий раз, когда Артемида или Дионис сделают ему выгодное предложение, трижды подумает, прежде чем отказаться!

Зарек вывернул запястье, до предела ускоряя снегоход, мчащийся по сугробам. Путь неблизок, а время его на исходе.

Скоро рассвет.

Надо было вместо «Эм-Экса» взять «Мак» — он быстрее. И плевать на то, что «Эм-Экс» ему больше по вкусу!

Зарек устал, замерз и проголодался; а еще, как это ни странно, хотел поскорее вернуться в привычную среду.

Оруженосцы хотят выследить его и казнить? Прекрасно. По крайней мере, он предупрежден.

А кто предупрежден, тот вооружен, — и судьба вертолета наглядно это доказала.

Хотят взять его живым? Что ж, пожелаем им удачи. Она им понадобится, и одной удачей они не обойдутся!

Злорадно предвкушая схватку, он мчался на снегоходе по мерзлой пустыне.

Перед самым рассветом Зарек достиг своей отрезанной от мира хижины. Пока его не было, выпал снег, и дверь в его жилище завалило сугробами. Зарек завел машину в сарай, служивший ему гаражом, укрыл ее брезентом. Хотел включить подогрев для мотора — и вдруг обнаружил, что в розетке, обслуживавшей подогревателя для «Эм-Экс» и «Мака», нет электричества.

Зарек яростно выругался. Вот черт! Мотор «Мака», разумеется, давно замерз — и, если не позаботиться об «Эм-Экс», то же случится и с ним.

Зарек бросился наружу, чтобы, пока над холмами не встало солнце, проверить генераторы. Так и есть — замерзли оба!

Снова выругавшись, он со всех сил саданул по генератору кулаком.

Благ цивилизации ему в ближайшее время не видать. Придется обойтись печуркой и дровами.

— Отлично! — проворчал Зарек. Сегодня ему предстоит спать на холодном полу хижины. Что ж, не в первый раз — и определенно не в последний.

Но сегодня это было особенно тяжело — ведь за неделю он успел привыкнуть к мягкому нью-орлеанскому климату. Там было так тепло, что спал он вообще без подогрева.

Ох, как же его тянет обратно в Нью-Орлеан!

Вспомнив, что до рассвета осталось всего ничего, он поспешил назад к снегоходу и укутал мотор паркой, чтобы как можно дольше не давать ему остыть. Затем взял с сиденья сумку и, достав оттуда инструменты, принялся откапывать дверь.

Наконец он вошел — пригнувшись, ибо потолок в хижине был так низок, что, выпрямляясь во весь рост, Зарек доставал до него макушкой. И еще приходилось следить за тем, чтобы вентилятор под потолком не снес ему голову.

Низкие потолки в аляскинском климате — необходимость. Здесь нет ничего дороже тепла; и безумное расточительство — позволять, чтобы драгоценный теплый воздух поднимался вверх и скапливался где-нибудь под потолком в десять футов высотой!

Не говоря уж о том, что девятьсот лет назад, когда его сюда сослали, у него не было времени возводить себе дворец. Работал он второпях, днем прячась в наскоро вырытой берлоге, а по ночам строя свое убежище.

Дом, гребаный дом...

Зарек бросил сумку возле печи. Захлопнул за собой дверь, нащупал в темноте и задвинул огромный старозаветный деревянный засов — необходимая предосторожность против диких зверей, которым вздумается заглянуть к нему в гости.

Протянув руку к бревенчатой стене, он нащупал на полке фонарь и коробок спичек. Хотя зрение Темного Охотника приспособлено к ночным условиям, в полной темноте даже Зареку приходилось передвигаться ощупью. А в избушке, когда он закрыл дверь, воцарилась непроглядная тьма.

Зарек зажег фонарь и, поевшись от холода, осмотрел свои владения. Все здесь было ему знакомо, как свои пять пальцев. Каждая книжная полка на стенах сколочена его руками, каждая причудливая резная завитушка на полках — вырезана им самим в томительные дни полярного лета.

Обстановка здесь была скромной, даже скудной — много мебели ему не требовалось. Два шкафа, один для еды, другой для одежды. Стол, стул, книжные полки да тумбочка для телевизора. Еще в своей смертной рабской жизни Зарек привык обходиться немногим.

Внутри царил страшный холод. Даже сквозь шарф пробивались облачка пара от его дыхания. Зарек тяжело поморщился, взглянув на компьютер и телевизор — оба наверняка замерзли, и, прежде чем включить, их придется отогревать.

Остается лишь надеяться, что влага не попала внутрь.

Ладно, не хватало сейчас еще и об этом беспокоиться! Зарек двинулся к шкафу, где хранил припасы — только консервированные. Он уже давно выяснил, что запах свежей еды привлекает волков и медведей: они начинают бродить вокруг его хижины и напрашиваться на обед. Какой смысл убивать бедолаг только за то, что они хотят есть и не скрывают этого?

Зарек достал из шкафа банку свинины с бобами и консервный нож. Сев на пол, принялся открывать банку. Во время тринадцатичасового перелета из Нью-Орлеана на Аляску Майк его не покормил — сказал, мол, не хочет рисковать, боится случайно подставить Зарека под смертоносные солнечные лучи.

На самом деле, конечно, просто из вредности.

Что ж, Зареку не привыкать. И в смертной жизни, и после смерти ему не раз случалось голодать.

— Ах ты, черт! — пробормотал он, открыв банку и обнаружив, что ее содержимое превратилось в ледышку. Потянулся было за топориком, но махнул рукой. Не настолько он проголодался, чтобы жрать леденцы из свинины с бобами.

Тяжело вздохнув, он распахнул дверь и вышвырнул банку на улицу.

Торопливо захлопнув ее, чтобы не дать просочиться солнечному свету, Зарек пошарил в сумке, извлек оттуда мобильник, плеер и ноутбук. Телефон и плеер сунул в карманы штанов, чтобы согреть их своим телом и предохранить от замерзания. Ноутбук отложил — сначала надо растопить печь.

В углу рядом с печкой лежала груда резных деревянных фигурок — резьбой по дереву Зарек спасался от скуки в долгие летние дни. Пригоршню этих фигурок он теперь взял для растопки, открыл железную дверцу печи...

И замер, словно громом пораженный.

Пока его не было, в хижине появились жильцы. В печурке вывела потомство серебристая норка! Она уставилась на него блестящими темными глазами, оскалила зубки и зло зашипела, предупреждая, чтобы он не трогал троих ее голеньких и слепых малышей.

Зарек оскалился в ответ.

Чтоб тебя! — пробормотал он.

Видимо, норка забралась в хижину через печную трубу. В доме было еще тепло, и мамаша решила, что это самое подходящее место для детской...

Эх! Хоть бы друзей с собой привела — штук пятьдесят на шубу!

Норка протестующе взвизгнула.

Тяжело вздохнув, Зарек осторожно прикрыл дверцу и бросил растопку обратно в угол. Он, конечно, сукин сын, но не настолько. Он бессмертный и как-нибудь переживет холод; а вот мать с детьми не переживут, это точно.

Спрятав ноутбук у себя на груди под паркой, чтобы не замерз, Зарек побрел в дальний угол, где валялся его спальный мешок. Уже укладываясь, подумал о том, что можно лечь внизу — там теплее.

Но, чтобы открыть замаскированный спуск в подземелье, придется двигать печь, снова тревожить семейство норок... Ладно, не стоит.

Дни в это время года коротки. До заката всего несколько часов. А к холоду он за эти столетия привык.

Как только стемнеет, он отправится в город за припасами и новым генератором... Зарек натянул на себя гору одеял, прикрыл глаза, глубоко вздохнул.

«Спасибо тебе, Зарек!»

Зарек стиснул зубы. В голове у него прозвучал голос Саншайн Раннинвульф, перед глазами всплыло ее лицо и фигура. Нежный румянец на смуглых щеках, сияющие темно-карие глаза, роскошное тело, столь непохожее на костлявые тела модных моделей...

Саншайн была невероятно соблазнительна. Зарек, с тех пор как только увидел ее, думал только об одном: склониться к ее шее, дотронуться до нее сначала губами, потом клыками, узнать, какова эта красавица на вкус.

Почему, спрашивается, он этого не сделал? Почему проворонил свой шанс? Зарек не сомневался: воспоминание о крови Саншайн согрело бы его этим холодным утром.

Впрочем, он только и делает, что жалеет о прошлом — и о том, что сделал, и о том, что упустил.

И снова его мысли вернулись к ней...

Саншайн появилась в его нью-орлеанской квартире за несколько часов до отъезда, когда он

ждал Ника, чтобы ехать с ним на аэродром.

Ее черные волосы были заплетены в косу, а глаза лучились теплом. Зарек не помнил, чтобы кто-нибудь прежде смотрел на него так ласково.

— Я ненадолго. Не хочу, чтобы Тейлон, проснувшись, не нашел меня рядом. Но, прежде чем ты улетишь, хочу поблагодарить за все, что ты для нас сделал!

Зарек сам не мог понять, зачем помог им. Почему взбунтовался против Диониса и вступил с ним в борьбу, узнав, что бог хочет погубить Тейлона и его возлюбленную.

Ради их счастья Зарек обрек себя на верную смерть.

И вот что самое странное: вчера, когда он смотрел в ее лучистые глаза, ему почему-то казалось, что дело того стоило.

«Посмотрим, что ты запоешь, — мысленно одернул он себя, — когда сюда явятся Оруженосцы и подожгут твою хижину с четырех сторон!»

И напоследок, перед тем, как провалиться в сон, он подумал: «Что ж, тогда хоть перед смертью погреюсь!»

Зарек не знал, сколько проспал; но, когда он проснулся, снаружи было уже темно.

Что ж, сказал он себе, будем надеяться, снегоход не успел замерзнуть. Иначе придется пилить по сугробам пешком.

Повернувшись, он поморщился от боли. Оказывается, он лежал на ноутбуке! А в место пониже спины чувствительно впивались плеер и мобильный телефон.

Дрожа от ледящей стужи, Зарек заставил себя подняться, достал из шкафа еще одну парку. Одевшись потеплее, он отправился в свой сарай-гараж. Здесь положил ноутбук, плеер и мобильник в рюкзак, закинул его за плечи, оседлал снегоход и завел мотор.

К счастью, машина завелась сразу. Аллилуйя! Быть может, к Зареку вернулась удача? В самом деле, ведь никто не поджарил его, пока он спал; да и бензина достаточно, чтобы добраться до Фэрбенкса, где он сможет поесть горячего и перемолвиться с кем-нибудь хоть парой слов.

Благодарный судьбе за ее скромные милости, Зарек развернул снегоход и помчался по сугробам на юг, к цивилизации.

Против сугробов он не возражал — главное, чтобы было куда ехать!

В город Зарек прибыл вскоре после шести.

Припарковал машину возле дома Шерон Паркер, в нескольких минутах ходьбы от центра. С Шерон он познакомился десять лет назад — поздним вечером на безлюдной проселочной дороге на задворках Фэрбенкса.

У нее сломалась машина, а мороз стоял лютый, градусов под шестьдесят. Шерон вместе с семимесячной дочкой куталась в одеяла и рыдала, ожидая неминуемой смерти.

Дочь Шерон заболела астмой. После тяжелого приступа мать повезла малытку в больницу, но

там отказались принимать ребенка, узнав, что у матери нет ни страховки, ни денег на лечение.

Их отправили в благотворительную клинику, расположенную за городом. Разыскивая ее, Шерон заблудилась.

Зарек отвез их обратно в больницу и оплатил лечение девочки. Из разговора в приемном покое он узнал, что Шерон — мать-одиночка, из-за болезни дочери вынуждена была оставить работу официантки в кафе, что у нее нет денег даже на оплату жилья.

И тогда он предложил Шерон сделку. В обмен на дом, новый автомобиль и приличное денежное содержание она принимает его у себя в гостях, кормит домашними ужинами, дает угощение с собой и болтает с ним о разных пустяках.

Ах да, чуть не забыл: летом, когда темное время суток составляет полчаса в день и он не может носу высунуть из дому, Шерон время от времени приезжает к нему и оставляет на пороге книги и прочее, что он заказывает ей в городских магазинах. Сделка оказалась, пожалуй, самой выгодной в его жизни.

Она ни о чем его не спрашивала, даже о том, почему он не выходит из дома в летние месяцы. Если и удивлялась, то про себя, рот держала на замке. Дареному коню в зубы не смотрят: он обеспечил безбедную жизнь ей и ее дочери — и Шерон готова была смириться с любыми чудачествами своего нового знакомого.

Зарек тоже честно выполнял свою часть сделки: не пил ее крови и не лез в ее жизнь. Чисто деловые отношения.

— Зарек!

Заглушив мотор, Зарек поднял голову. Шерон распахнула дверь своего опрятного домика и смотрела на него. Пока его не было, она постриглась — пышные темно-каштановые волосы теперь едва доходили ей до плеч.

В черном свитере и джинсах Шерон казалась тонкой, как тростинка. Теперь, как и десять лет назад, она была очень привлекательна, и любой нормальный парень на месте Зарека не упустил бы случая за ней ухлестнуть. Года четыре назад она сама ясно дала понять: если он хочет чего-то большего... она не против, о нет, совсем не против!

Но Зарек отказался.

Не хотел, чтобы кто-то подходил к нему вплотную. А у женщин есть один мерзкий предрассудок: секс они почему-то считают поводом для близкого знакомства.

В отличие от Зарека. Для него секс — это... ну, просто секс. Проявление основного инстинкта. Одна из физиологических потребностей: есть, пить, спать — и трахаться. Черт возьми, не приглашаем же мы на свидание бифштекс перед тем, как отправить его в желудок!

Так почему женщинам обязательно нужно выслушать заверения в любви перед тем, как раздвинуть ноги?

Этого Зарек не понимал.

И не собирался спать с Шерон, опасаясь, что это может все осложнить и испортить.

Зарек, это ты?

Опустив шарф, он крикнул:

Да, я!

Зайдешь?

Через пару минут. Надо кое-что купить.

Шерон кивнула и исчезла за дверью.

Зарек направился вниз по улице, к «Универмагу Фрэнка» — магазину, полному всевозможных полезных штучек, в том числе, что особенно важно, разных электронных устройств. Были там и генераторы. К сожалению, от услуг Фрэнка скоро придется отказаться: Зарек ходит сюда уже пятнадцать лет, и как ни туповат старина Фрэнк, он уже начал замечать, что его странный покупатель не стареет.

Рано или поздно заметит это и Шерон, и Зареку придется расстаться с единственным островком тепла в этом насквозь промерзшем мире. Вот в чем недостаток бессмертия: рано или поздно приходится разрывать связи, иначе люди поймут, что с тобой что-то не так. Много раз Зарек просил Совет, чтобы ему выделили Оруженосца для личного обслуживания и защиты, и каждый раз Совет отказывал в этой просьбе.

Судя по всему, репутация Зарека была такова, что Оруженосцы не соглашались работать с ним ни за какие деньги.

Ну и пошли они все!.. Ему никто не нужен.

Зарек вошел в магазин и остановился, чтобы снять перчатки и размотать шарф. За прилавком было пусто; из подсобки доносился голос Фрэнка, что-то втолковывавшего своему помощнику.

— Вот что я тебе скажу, парень! — прислушавшись, различил Зарек. — Плевать мне на то, какой у него жуткий вид и как ты его боишься, пока он платит! Понял? Да, он странный тип, что и говорить, — но этот странный тип уже оставил у меня в магазине целое состояние! Так что изволь ему улыбаться и...

Тут оба они вышли из подсобки — и, увидев Зарека, Фрэнк остановился как вкопанный.

Зарек понимал, почему хозяин универмага пялится на него с таким изумлением. В таком виде — без серебряной серьги в ухе, без стальных когтей на левой руке и, главное, без бороды — торговец его еще не видел.

Зарек прекрасно знал, как выглядит без бороды, — и старался об этом лишний раз не вспоминать. По счастью, видеть свое лицо ему уже очень давно не приходилось. Охотники видят свое отражение лишь в том случае, если сами этого захотят.

У Зарека такого желания не возникало.

Наконец пожилой хозяин универмага улыбнулся — вежливо, но не слишком радостно. Вообще-то жители Фэрбенкса дружелюбны даже к чужакам; но от Зарека они, как правило, старались держаться подальше. Почему-то.

Не умеет он нравиться ближним.

Чем могу вам помочь? — спросил Фрэнк.

Зарек бросил взгляд на его помощника — мальчишку, исподтишка опасливо его рассматривавшего.

Мне нужен новый генератор.

Фрэнк задумался, поцокал языком. Зарек уже знал, что услышит дальше:

Генератор... м-да... с генератором, понимаете ли, есть одна проблемка...

Ну, разумеется! Вечная история: что бы ни понадобилось Зареку в магазине — с этим всегда оказывалась «проблемка». Что в переводе на человеческий язык означало: надо доплатить.

Фрэнк поскреб лохматые седые бакенбарды:

Видите ли, в чем штука: генератор-то у нас только один остался, да и тот обещан семье Уоллаби...

Да-да, конечно.

Зарек слишком устал, чтобы играть в эти игры. Сейчас он готов был заплатить сколько угодно, лишь бы в доме появилось электричество.

Отдайте его мне. Доплачу шесть штук.

Фрэнк нахмурился и, оставив в покое бакенбарды, залез пальцами в бороду:

Тогда, видите ли, проблемка будет уже у меня — Уоллаби очень просили оставить генератор за ними...

Десять штук, Фрэнк. И еще две, если доставишь его к дому Шерон в течение часа.

Фрэнк просиял:

Тони, ты слышал, что сказал этот господин? А ну-ка быстренько на склад за генератором! — Теперь старик смотрел на Зарека почти по-дружески. — Что-нибудь еще?

Зарек покачал головой и вышел.

Сутулясь под пронзительным ветром, быстрым шагом он двинулся к домику Шерон.

Постучал в дверь, затем толкнул ее плечом и вошел. Странно: гостиная была пуста. Не слышно даже голоса Трикси, дочки Шерон. Обычно в это время дня девчонка со смехом и визгом носится по дому, и матери приходится не раз прикрикнуть, чтобы пристроить ее к какой-нибудь домашней работе...

На миг пришла мысль: его выследили Оруженосцы. Да нет, быть не может! О Шерон не знает никто — ни в Совете, ни среди других Охотников. С ними со всеми Зарек не в тех отношениях, чтобы распространяться о своих личных делах.

Эй, Шерон! — позвал он. — Ты где?

Шерон медленно вышла из кухни.

Ты вернулся!

Дурное предчувствие охватило Зарека. Что-то не так. Почему она так напряжена?

Да, а что? Надеюсь, я не помешал свиданию?

И тут он услышал. Дыхание мужчины на кухне, а миг спустя — тяжелый звук мужских шагов.

Мужчина вышел из кухни плавным, пружинистым шагом — походкой хищника, терпеливо выслеживающего добычу посреди необъятной саванны.

Он остановился у Шерон за спиной. На дюйм ниже Зарека, в потрепанной ковбойской куртке. Длинные каштановые волосы собраны в хвост на затылке, лицо словно скроено из острых углов. Взгляд холодный, оценивающий. Едва их взгляды встретились, Зарек понял: он в ловушке.

Это Темный Охотник.

Единственный из тысяч Темных Охотников, знающий его секрет...

Зарек проклял собственную глупость.

Темный Охотник кивнул в знак приветствия.

Вот и свиделись, Зет, — проговорил он. Густой южный выговор был слишком хорошо знаком Зареку. — Выйдем-ка на крылечко, перебросимся парой слов.

Задыхаясь от ярости, Зарек переводил взгляд с Охотника на Шерон и обратно. Джесс по прозвищу Закат — единственный за все эти две с лишним тысячи лет, кому он решился открыть душу.

С ослепительной ясностью он понимал, зачем Закат здесь.

Он один знает Зарека. Знает его привычки, вкусы, увлечения.

Кто сможет выследить его и убить лучше, чем единственный в мире друг?

О чем мне с тобой говорить? — прорычал Зарек, угрожающе сузив глаза.

Закат шагнул вперед и заслонил Шерон собой, словно защищая ее. Боится, что Зарек может причинить ей вред! Эта мысль ранила больше всего.

Зет, ты наверняка понимаешь, зачем я здесь, — мягко проговорил он.

О да, это Зарек понимал прекрасно! Он знал, чего хочет Закат. Быстрая легкая смерть, и вот ковбой рапортует Артемиде и Ашерону, что мир очищен от зла и он возвращается к себе в Рено.

Но однажды Зарек уже позволил обречь себя на казнь. И теперь будет сражаться за свою жизнь, чего бы это ни стоило.

Не дожدهшься, Джесс! — рявкнул он, назвав Заката его настоящим именем.

И, повернувшись, бросился бежать.

Уже во дворе Джесс нагнал его, схватил за плечо. Зарек предупреждающе оскалил клыки, но тот этого словно не заметил.

Зарек ударил его в солнечное сплетение. Удар был силен: Джесс отшатнулся, а сам Зарек упал на колени. Всякий раз, когда Темный Охотник нападает на своего собрата, сам он испытывает боль в десять раз более сильную, чем та, которую он нанес другому. Таково заклятие Артемиды, воспреещающее Охотникам драться друг с другом. Будем надеяться, что с Джесса она это заклятие не сняла.

Задышавшись от боли, Зарек поднялся на ноги. В отличие от Джесса, к физической боли он привык.

Но далеко убежать он не успел, — из вечерних теней вышел Майк и с ним еще трое Оруженосцев. Их решительный вид не оставлял сомнений: они вооружены для охоты на Охотника.

— Дайте мне с ним разобраться! — крикнул Закат.

Но они шли вперед, словно его не слышали.

Развернувшись, Зарек бросился к снегоходу — и тут же увидел, что мотор его разбит. Да, пока он был в магазине, эти ублюдки явно не скучали!

Черт побери, как он мог так сглупить?

Должно быть, это они сломали генератор, чтобы заставить его отправиться в город. Выкурили его из леса, словно зверя из норы. Хотят поохотиться? Что ж, он им покажет опасного хищника!

Протянув руку, он использовал свою способность к телекинезу — сшиб всех четырех Оруженосцев с ног.

Джесса трогать не стал, не желая снова получать «обратку», — просто обогнул его и бросился бежать к центру города.

И снова далеко не убежал: новые Оруженосцы, появившись словно из ниоткуда, открыли по нему огонь.

Пули вонзались в его тело, разносили кожу в клочья. Зарек кривился и шипел от боли.

Но продолжал бежать дальше.

А что ему оставалось?

Если остановится, они отрежут ему руки, ноги и голову. Такую процедуру не может пережить даже бессмертный, а Зарек, хоть жизнь его и была далека от идеала, вовсе не стремился превратиться в Тень. Да еще и дать им позлорадствовать на свой счет.

Он обогнул угол здания.

И в этот миг что-то врезалось ему в грудь.

Внутри взорвалась ослепляющая боль. Зарек рухнул и перекатился на спину: он задышался, перед глазамиплыли красные круги.

Над ним склонилась тень с холодными, безжалостными глазами.

Огромного роста — не меньше шести футов и восьми дюймов. Очень светлые, почти белые, волосы составляли странный контраст с холодными темно-кариими глазами. Неестественно рельефная мускулатура подсказала Зареку: перед ним не человек.

Неведомая тварь оскалилась, блеснув клыками — такими же, как у самого Зарека.

Кто ты? — спросил Зарек. Он уже понял: если это и даймон, то, во всяком случае, даймон очень непростой.

Я — Танат, — ответил тот на классическом греческом, родном языке Зарека. По-гречески это имя означало «смерть». — Я пришел убить тебя, Темный Охотник.

Он схватил Зарека за ворот, поднял и легко, словно тряпичную куклу, швырнул об стену.

Зарек сполз по стене наземь. Боль была невыносимой: руки и ноги тряслись. Он не мог подняться на ноги — и попытался хотя бы уползти от противника...

Но вдруг остановился.

Нет! — прорычал он. — Я не стану снова умирать вот так!

Нет, больше он не будет ползать у ног своих убийц, словно скотина на бойне!

Или словно ничтожный, всеми презираемый раб.

Ярость придала ему сил: он тяжело поднялся на ноги и повернулся к Танату лицом.

Чудовище ухмыльнулось:

О, да у тебя есть стержень! Вот это мне по нраву! Из гордо выпрямленного позвоночника особенно приятно высасывать мозг!

Он потянулся к нему, но Зарек перехватил его руку.

А знаешь, что по нраву мне? — С этими словами он вывернул руку врага из плеча, а затем вцепился ему в горло. — Слушать предсмертные вопли даймона!

Танат расхохотался холодным, злобным смехом.

Ты не сможешь меня убить. Я еще бессмертнее тебя, Темный Охотник.

И, к изумлению Зарека, рука его мгновенно исцелилась.

Кто ты? — снова воскликнул Зарек.

Я же сказал: я — Смерть. Смерть нельзя ни уничтожить, ни перехитрить... и убежать от нее тоже нельзя.

Вот черт! Похоже, он серьезно влип!

Но Зарек не собирался сдаваться без боя. Будь этот ублюдок хоть сама Смерть — пусть потрудится, чтобы его заполучить!

Знаешь что? — неторопливо заговорил Зарек. Он уже ощущал странную отрешенность, неземное спокойствие — то самое, что когда-то, в смертной жизни, помогало ему вытерпеть бесконечные истязания. — Держу пари, большинство людей в штаны бы наделало, услышав твой девиз. Но знаешь, что я тебе скажу, мистер Хочу-Быть-Страшным-и-Ужасным? Я — не большинство. Я — Темный Охотник, и ты даже представить себе не можешь, насколько мало ты для меня значишь.

И, резко выбросив руку вперед, нанес Танату удар в солнечное сплетение. В этот удар он вложил все свои силы. Чудовище отшатнулось.

Можно было бы, конечно, поиграть с тобой... — с этими словами он обрушил на врага второй сокрушительный удар. — Но я не стану тянуть и избавлю тебя от всех твоих несчастий.

Но ударить снова он не успел, в этот миг в спину ему грянул выстрел. Картечь вонзилась в тело Зарека, едва не задев сердце.

Где-то вдалеке завывали полицейские сирены.

Танат схватил его за горло и приподнял над землей.

А может, лучше я тебя избавлю от твоих?

Зарек мрачно ухмыльнулся, почувствовав при этом, как изо рта стекает струйка крови. Во рту ощущался металлический кровавый привкус. Он ранен, но не побежден.

Ядовито улыбнувшись Танату, он пнул ублюдка по яйцам.

Даймон согнулся пополам, выпустив Зарека, и тот бросился бежать куда глаза глядят, прочь от Таната, от Оруженосцев, от полиции.

Куда он помчался? Он и сам не знал. От боли туманилось в глазах, с каждой секундой она становилась все сильнее.

Он испытывал невыносимые муки.

Даже в смертном детстве, когда Зарек служил мальчиком для битья, ему не приходилось так худо! Он сам не понимал, почему еще держится на ногах. Должно быть, лишь из-за природного упрямства.

Где его враги? Гонятся за ним или уже отстали? Этого он понять не мог: шум в ушах заглушал все остальные звуки.

Шаги его становились все медленнее, все неувереннее: наконец он споткнулся и рухнул в снег.

Он лежал, ожидая, когда за спиной послышатся звуки погони. Когда Танат явится закончить то, что начал. Но время шло, и Зарек начал понимать, что сумел убежать от своих преследователей.

Ободренный, он попытался встать на ноги.

И не смог. Измученное тело отказывалось ему повиноваться. Самое большее, что ему удалось, — проползти фута три к видневшемуся вдалеке дому.

Большой дом в деревенском стиле выглядел теплым и уютным. Промелькнула мысль: если он

доберется до дверей, те, кто там живет, обязательно ему помогут...

Зарек горько усмехнулся.

Никто ему не помогал. Никогда.

Такого просто не бывает.

Значит, его судьба — остаться здесь, в снегу, и ждать, когда его сожжет солнце. Бороться нет ни сил, ни смысла — да и, откровенно говоря, он страшно устал сражаться против всего мира.

Прикрыв глаза, Зарек устало вздохнул и покорился неизбежному.

Глава 3

Сидя на краю кровати, Астрид осторожно ощупывала раны своего «гостя». Уже четвертый день он лежал без сознания в ее спальне.

Под пальцами ощущались твердые литые мускулы. Он крупный и, должно быть, очень сильный... Но об этом Астрид могла судить только на ощупь.

Она ничего не видела.

Не случайно Фемиду изображают с повязкой на глазах. Отправляясь на землю судить живых, Судья временно лишается зрения. Это необходимая предосторожность: внешность обманчива, она может очаровать, напугать, сбить с толку, а Судье необходима беспристрастность, он не имеет права поддаваться эмоциям. Поэтому ему запрещено полагаться на свои глаза.

Но сейчас, сколько Астрид ни повторяла себе, что должна отрешиться от эмоций, — горькие, противоречивые чувства бушевали в ней и искали выход.

Сколько раз она спускалась на землю с открытым сердцем, искренне желая найти в своем подсудимом что-то хорошее, — а обнаруживала лишь бездны мерзости и зла? Хуже всего было с Майлзом. Этот Темный Охотник совершенно ее очаровал. Астрид не в силах была понять, как он мог сбиться с пути. Его легкость, неиссякаемый юмор, готовность все обращать в игру... Он без труда проходил все испытания, которые устраивала ему Астрид, и производил впечатление абсолютно нормального, уравновешенного человека, доброго, искреннего и открытого.

На несколько дней она даже позволила себе поверить, что любит его...

А потом он попытался ее убить.

И показал ей свое истинное лицо — лицо психопата, холодного, безжалостного, аморального, неспособного любить никого, кроме себя. Помешанного на обидах, якобы нанесенных ему человечеством, — и убежденного, что в ответ на эти обиды он вправе творить с людьми все, что пожелает.

Вот почему с Темными Охотниками особенно сложно. Как правило, их набирают из казненных, — если и не преступников, то по меньшей мере из людей, отвергнутых обществом и обозленных на весь белый свет. Артемида, обращая нового Охотника, об этом не думает: она просто создает нового воина, отправляет его под начало Ашерона и умывает руки, предоставляя другим держать Охотников в рамках и следить за их поведением.

Пока кто-нибудь из них не нарушит установленные Артемидой законы. Тогда богиня торопливо отправляет нарушителя под суд, а затем на казнь. И Астрид подозревала (хоть доказательств у нее и не было), что эту процедуру Артемиды соблюдает лишь ради Ашерона.

Вот почему много-много раз за прошедшие столетия Астрид отправлялась на землю, чтобы решить, должен ли тот или иной Темный Охотник жить или умереть.

Множество судов — и ни единого оправдания.

Ни разу еще ей не встречался преступник, достойный помилования. Все они — хищники, свирепые и безжалостные, более опасные для человечества, чем даймоны, с которыми они сражаются.

Суд Олимпа работает не так, как человеческий суд. На Олимпе нет презумпции невиновности. Обвиняемый должен сам доказать, что невиновен или по крайней мере заслуживает снисхождения.

На памяти Астрид это еще никому не удавалось.

Только Майлз... она была готова его оправдать — и вот чем это обернулось! И сейчас она содрогалась при мысли, что едва не отдала невинных на растерзание этому жестокому и изворотливому хищнику.

Эта история стала для нее последней соломинкой. После этого Астрид замкнулась в себе и твердо решила покончить со своей работой.

Никогда больше она не попадется на крючок мужского очарования! Ни улыбкой, ни шуткой ее не проймешь, она будет смотреть прямо в сердце преступника.

Артемиды, впрочем, уверяла, что у Зарека вовсе нет сердца. Ашерон молчал — лишь смотрел на Астрид своим пронзительным взглядом, как будто говоря: «Я знаю, ты сделаешь правильный выбор».

Но какой выбор будет правильным?

— Просыпайся, Зарек! — прошептала она. — У тебя всего десять дней, чтобы доказать свою невиновность!

Трудно поверить, чтобы Зарек мог испытывать неопишемую боль. Казалось бы, еще в детстве, когда он был мальчиком для битья, к чему, к чему, а уж к боли-то он должен был привыкнуть! Боль — единственное, что неизменно в жизни раба.

Но сейчас у него жутко болела спина, раскалывалась голова, ныло все тело. Со стоном Зарек повернул голову, рассчитывая ощутить щекой холодный снег. Но снега не было. Наоборот, вокруг было удивительно тепло.

«Наверное, я умер», — подумалось ему.

Так тепло Зареку не бывало уже очень давно, даже во сне.

Однако, открыв глаза и поморгав, Зарек обнаружил, что напротив него в камине горит огонь, а сам он лежит, укрытый горой одеял, на широкой кровати. Нет, он определенно жив! И лежит в чьей-то чужой спальне.

Зарек осмотрелся. Спальня была выдержана в теплых земных тонах — бледно-розовый, золотистый, коричневый, темно-зеленый. Тщательно отшлифованные бревенчатые стены показывали, что хозяин дома хочет создать впечатление близости к природе, но в то же время сделать свою «избушку» теплой, удобной, защищенной от морозов и бурь.

Кровать, на которой лежал Зарек, — копия огромных кроватей конца XIX века. На тумбочке у изголовья старинный графин с водой и чашка из тонкого фарфора.

Кто бы здесь ни жил, ясно одно — денег у него куры не клюют!

А Зарек терпеть не мог богатеньких.

Саша!

Зарек нахмурился, услышав мягкий мелодичный голос. Женский голос. Саму женщину он не видел — должно быть, она в соседней комнате; но неотступная головная боль мешала ему определить, где именно.

В ответ раздалось поскуливание. Должно быть, собака.

Прекрати немедленно! — с мягким упреком сказала женщина. — Я тебе ничего плохого не сделала!

Зарек нахмурился, пытаясь понять, где же он оказался и что вообще происходит. За ним гнались Джесс и прочие — это он помнил. Он бежал от них, пока не упал в снег перед домом...

Должно быть, люди, живущие в доме, нашли его и занесли внутрь. Хотя Зарек не мог взять в толк зачем. С какой стати каким-то незнакомцам заботиться о нем?

Впрочем, неважно. Джесс и Танат появятся здесь с минуты на минуту. Не нужно быть профессором, чтобы найти его по следам, — тем более, кровь из него хлестала, словно из зарезанной курицы. Несомненно, кровавый след приведет их прямо к дверям этого дома.

А это значит, что надо отсюда убираться. И как можно скорее. Джесс не станет трогать ни в чем не повинных людей, но вот насчет Таната Зарек не сомневался: от него можно ждать чего угодно.

Перед его глазами вдруг вспыхнуло ужасное видение: горящая деревня, мертвецы, чьи лица искажены болью и ужасом...

Зарек поморщился. С чего он вдруг об этом вспомнил? Сейчас-то зачем вспоминать?

Быть может, это напоминание самому себе о том, на что он способен. И о том, что надо убираться отсюда. Чтобы не навредить тем, кто ничего дурного ему не сделал — наоборот, хотел помочь.

Как в прошлый раз.

Приказав себе забыть о боли, он медленно, с трудом, сел в кровати.

И в этот миг в спальню вбежала собака.

Да нет, не собака! Едва зверь, подойдя к кровати, издал низкое глухое рычание, Зарек понял — это волк! Матерый седой волчара. И, кажется, настроенный совсем не по-дружески.

Вали отсюда, Тузик! — проворчал Зарек. — Я себе сапоги шил и не из таких, как ты!

В ответ волк оскалился так свирепо, словно понял его слова и готов был проверить их на практике...

Саша!

В дверях появилась женщина — и Зарек замер.

Вот черт!..

Она была невероятно хороша.

Высокая — почти шесть футов, в белом вязаном свитере и джинсах. Волосы цвета светлого меда мягкими волнами ниспадают на хрупкие плечи. Белоснежная, будто фарфоровая кожа, нежный румянец, губы, словно лепестки роз, — как будто суровый аляскинский климат не имеет над ней власти. Но больше всего поразили ее глаза: светло-светло-голубые, почти прозрачные, задумчиво и отрешенно смотрящие куда-то в неведомую даль.

Женщина шла, выставив руки перед собой; и по тому, как, войдя в комнату, она принялась привычными движениями отыскивать на ощупь своего домашнего питомца, Зарек догадался: она слепа.

Рыкнув на него в последний раз, волк потрусил к хозяйке.

Вот ты где! — прошептала она, присев, чтобы его погладить. — Саша, как не стыдно рычать? Ты разбудишь нашего гостя!

Я уже проснулся. Должно быть, поэтому он и рычит.

Она повернула голову на его голос, словно старалась его разглядеть.

Прошу прощения. У нас не так часто бывают гости, и, боюсь, Саша не слишком вежлив с незнакомцами.

Ничего страшного. Я и сам такой.

Все так же вытянув перед собой руки, она подошла к кровати.

Как вы себя чувствуете? — спросила она, проведя рукой по его плечу.

Зарек скривился, ощутив прикосновение теплой мягкой ладони. Нежное. Утешающее... Только этого не хватало! От этого что-то содрогнулось у него внутри — что-то столь глубоко запрятанное, что уже много сотен лет он о нем и не вспоминал. Мало того — некая часть тела, возбужденная близостью красивой женщины, восстала и властно потребовала внимания.

Да и вообще он терпеть не может, когда его трогают!

Так, вот этого не надо!

Чего не надо? — не поняла она.

Хватать меня руками.

Женщина отступила на шаг, непонимающе моргнула.

Я познаю мир на ощупь, — мягко объяснила она. — Чтобы что-то увидеть, мне нужно это потрогать.

Ну... у каждого из нас свои проблемы.

Перекатившись на другую сторону кровати, Зарек встал. Оказывается, он лежал в одних трусах — не считая бинтов. Выходит, она раздела его и перевязала его раны. От этой мысли ему стало как-то не по себе. С чего она так о нем заботится?

Прежде, когда ему случалось страдать от ран, никто за ним не ухаживал. Никто, никогда. Даже Ашерон и Ник в Нью-Орлеане, когда он был ранен, просто отвезли его домой и оставили отлежаться.

Что ж, и на том спасибо. Возможно, они проявили бы больше участия, будь он более дружелюбен.

Но, увы, дружелюбие — не его конек.

Одежда Зарека лежала аккуратно сложенная на кресле у окна. Морщась от боли, он принялся натягивать штаны. Все тело мучительно ныло. За время сна раны Зарека исцелились, как и бывает обычно у Темных Охотников, но еще не до конца. Он был бы сейчас в отличной форме, явись ему на помощь Ловцы Снов, которые часто помогают раненым Охотникам... но только не ему.

Зарека они боятся, как и все прочие.

Что ж, за долгие годы он научился принимать удары и терпеть боль. Его это устраивает. Лучше боль, чем непрощенные гости, будь то смертные или бессмертные.

Если одиночество покупается такой ценой, он готов платить.

Зарек поморщился, глядя на дыру в спине свитера.

Да уж, «лучше будь один, чем вместе с кем попало»! Если нет друзей — нет нужды опасаться, что друг выстрелит в спину.

Вы встали? — прозвучал удивленный голос незнакомки. — Одеваетесь?

Нет, писаю вам на ковер! — рявкнул Зарек. — Сами, что ли, не видите?

Не вижу, — спокойно ответила незнакомка. — И очень надеюсь, что вы шутите, этот ковер мне дорог как память.

Зарек ощутил невольное и странное желание улыбнуться. А она остроумная! И не из тех, кто ноет и обижается. Такие ему по душе...

Впрочем, сейчас ему не до того.

Послушайте, леди... не знаю, как вы меня нашли и зачем притащили к себе домой, но, поверьте, я очень благодарен... А теперь мне пора. Я должен уйти, и как можно скорее, — иначе пожалеете, что дали мне приют.

От этих слов, прозвучавших с нескрываемой враждебностью, женщина отшатнулась. Только сейчас Зарек сообразил, что буквально рычит на нее.

На улице страшная метель, — проговорила она — и тон ее был намного холоднее прежнего. — Вы не сможете выйти из дома.

Зарек молча раздвинул занавески на окне. Увы, она была права: за окном сплошной белой стеной валил снег.

Он выругался сквозь зубы, затем спросил громче:

И давно?

Уже несколько часов.

Он стиснул зубы, сообразив, что оказался в ловушке.

Вместе с ней.

Плохо. Однако можно надеяться, что теперь враги его не выследят. Снег наверняка замел его следы; кроме того, он знал, что Джесс не выносит холода.

Что же касается Таната, — судя по его имени, внешности и родному языку, он, как и сам Зарек, родом из Греции, где не бывает зимы. Однако, в отличие от Зарека, вряд ли он провел последние девятьсот лет в Заполярье.

Кто бы мог подумать, что долгая ссылка в край морозов и северного сияния однажды оправдывает себя?

Как вам удалось встать?

Этот вопрос застал его врасплох.

Не понял?

Несколько дней назад, когда я нашла вас, вы были жестоко изранены. А теперь стоите на ногах. Как вам удалось так быстро поправиться?

Несколько дней?! — переспросил он, пораженный. Ощупал свое лицо — и обнаружил отрастающую бороду. Вот черт! В самом деле, он не один день здесь провалялся! — Сколько?

Почти пять дней.

Сердце его отчаянно заколотилось. Пять дней — и они его не нашли? Как такое возможно?

Зарек нахмурился. Что-то здесь не так.

На спине у вас — мне так показалось — пулевое ранение.

Зарек натянул через голову черную, продырявленную на спине футболку. Он не сомневался, что стрелял в него Джесс: ковбой не признавал никакого оружия, кроме дробовика. Единственное утешение, что самому ему досталось в десять раз сильнее. Если только Артемида не сняла с него заклятие. Если сняла, сукин сын не испытал ничего, кроме морального удовлетворения.

Никто в меня не стрелял, — солгал он. — Я просто упал.

Не обижайтесь, но тогда вы упали по меньшей мере с Эвереста.

Ладно, в следующий раз захвачу с собой альпинистское снаряжение.

Вы надо мной смеетесь? — нахмурилась она.

Нет, — честно ответил он. — Просто не хочу объяснять, что со мной случилось.

Астрид задумчиво кивнула, пытаясь разобраться в этом странном человеке, резком, грубом и озлобленном.

Саша нашел его в снегу полумертвым. Его изрешетили пулями, жестоко избили — и бросили умирать.

О чем только думали эти Оруженосцы?

Удивительно, что Темный Охотник выжил; а уж то, что он встал на ноги после четырех дней отдыха, и вовсе чудо.

Ни один преступник, что бы он ни натворил, не заслужил такого бесчеловечного обращения! Как могут так поступать те, кто поклялся защищать человечество? Не говоря уж о том, что это безрассудно: если бы его нашел кто-нибудь из людей, очень скоро они обнаружили бы, что Зарек бессмертен.

Обо всем этом она непременно сообщит Ашерону.

Однако это подождет. Сейчас Зарек очнулся: и это значит, что его бессмертная жизнь или вечная гибель — в ее руках. Она должна, проведя его через испытания, определить, что он за человек.

Осталась ли в его сердце хоть крупица сострадания? Или внутри он опустошен и мертв... как она сама?

Ей предстоит стать воплощением всего, что его раздражает, злит, выводит из себя. Она должна дразнить его, провоцировать, доводить до бешенства — и наблюдать за его реакцией.

Если сможет совладать с собой, это докажет, что он способен соблюдать главный закон Охотников: что бы ни случилось, не причинять зла невинным смертным.

Если же, отдавшись ярости, попытается так или иначе причинить ей вред, — она признает его виновным и приговорит к смерти.

Итак, начнем испытания...

Она припомнила то небольшое, что о нем знала. Зарек не любит разговоров. Терпеть не может богатых.

Больше всего ненавидит две вещи: когда к нему прикасаются и когда указывают, что ему делать.

Что ж, нажмем первую кнопку. Как насчет светской беседы?

Какого цвета у вас волосы? — спросила она.

И этот, казалось бы, невинный вопрос вдруг пробудил ослепительно яркое воспоминание — о том, как она, с помощью Саши перенеся Зарека в дом, смывает с него кровь.

На ощупь волосы у него мягкие и гладкие. Они скользили у нее меж пальцев, словно ласкали их. По ее ощущениям, они не слишком короткие, но и не длинные — до плеч.

Что-что? — Ее вопрос застал его врасплох, должно быть, поэтому он впервые на нее не зарычал.

И сейчас, когда он говорил спокойно, Астрид не могла не поразиться тому, как красив его голос. Глубокий, звучный, с выразительным греческим акцентом. По спине у нее пробежал странный холодок. Никогда еще она не слышала такого удивительного голоса... такого мужественного.

Ваши волосы, — повторила она. — Мне интересно, какого они цвета.

Зачем это вам? — воинственно поинтересовался он.

Она пожала плечами:

Просто любопытно. Я почти все время одна, мне бывает скучно. Хотя я плохо помню, как выглядят цвета, но стараюсь их себе представить. Хлоя, моя сестра, принесла мне недавно книгу, где говорится, что цвет можно узнать на ощупь. У каждого цвета — своя поверхность. Например, красный — горячий и шершавый.

Зарек бросил на нее хмурый взгляд. Что за странные фантазии! Впрочем, сам он слишком много времени провел в одиночестве — и прекрасно понимал всепоглощающее желание говорить о чем угодно и с любым, кто случайно оказался с тобой рядом.

Черные.

Так я и думала.

Правда? — спросил он прежде, чем успел себя остановить.

Девушка кивнула. Она обошла кровать и приблизилась к нему вплотную — так близко, что тела их почти соприкоснулись. Странно, но ему вдруг захотелось до нее дотронуться. Проверить, так ли нежна ее кожа на ощупь, какой кажется? Боги, какая же она красавица!

Стройное и гибкое тело, маленькая грудь, которую так хочется обхватить ладонью... Много дней прошло с тех пор, как он в последний раз был с женщиной. И целая вечность — с тех пор, как стоял так близко от смертного и не вкушал его крови.

Казалось, он уже чувствует ее сладкий вкус. Ощущает губами ее сердцебиение, впивает ее чувства и эмоции — и они заполняют то место в его сердце, где давно уже не осталось ничего, кроме боли и равнодушия ко всему.

Пить кровь смертных Охотникам запрещено, однако это единственное, что еще приносит ему радость. Единственное, что позволяет хоть на несколько мгновений забыть о боли, вспомнить, что значит любить, надеяться, мечтать...

Только в эти мгновения он ощущает себя человеком.

Вот и сейчас он больше всего на свете хотел ощутить себя человеком!

И ощутить ее.

— Волосы у вас мягкие и шелковистые, — негромко произнесла она, — словно черный бархат.

От этих слов его естество напряглось, снedaемое желанием.

Мягкие. Шелковистые.

Эти слова заставили его вообразить, как она обвивает его ногами. Представить нежную, неповторимо женственную кожу ее бедер и ягодиц. Словно наяву, ощутить, как содрогнется ее тело, когда он ворвется в нее.

Дыхание его участилось. Он ясно представил себе, как срывает с нее тесно облегающие потертые джинсы, разводит в стороны ее длинные ноги, протянув руку, нащупывает в завитках светлых волос ее лоно, ласкает и гладит его, пока она не начнет стонать и выгибаться под ним, заливая его пальцы своими соками.

А потом он уложит ее на огромную кровать, войдет в ее теплую, влажную глубину — и они оба вознесутся на вершину блаженства.

Он уже почти чувствовал ее поцелуи.

Ее нежные руки, жадно ощупывающие его тело...

И в этот миг она потянулась к нему.

Не в силах шевельнуться, Зарек молча следил, как она кладет руку ему на плечо. Ее запах — смешанный запах роз, смолистых дров в камине и женского тела — поразил его с неведомой прежде силой. Хотелось склониться над ней, уткнуться носом в ее сливочную кожу и вдыхать, вдыхать этот сладостный аромат.

Сам того не замечая, он приоткрыл губы и обнажил клыки.

Какая разница? Все равно она ничего не видит!

Он не мог понять, чего жаждет сильнее — ее крови или ее тела.

— А вы выше, чем я думала. — Она осторожно провела рукой по его мощному бицепсу. От этого прикосновения по его телу пробежали мурашки, а мужское орудие возбудилось еще сильнее.

Он хочет ее. Безумно хочет.

Вонзить клыки...

Из угла предостерегающе зарычал волк.

Зарек не слышал — он не отрывал от девушки глаз.

Обычно он занимался сексом быстро, яростно и грубо. Брал женщину сзади, по-звериному, не позволяя ей ни смотреть себе в лицо, ни к себе прикасаться. И исчезал, едва насытив свой телесный голод.

Но этой незнакомкой он предпочел бы овладеть иначе, лицом к лицу. Ночь напролет заниматься с ней любовью, чувствуя кожей ее дыхание, пить ее жизненную силу...

Она провела ладонью по его руке от плеча до запястья. Зарек не понимал, почему не отстраняется. Он не мог пошевелинуться, не мог сдвинуться с места.

Как будто она зачаровала его своим прикосновением.

Чресла его ныли от желания. Можно подумать, она нарочно его возбуждает!

Но он понимал: ее прикосновения невинны. Она просто хочет его «увидеть». В этом нет ничего эротического.

По крайней мере с ее стороны.

Наконец Зарек пришел в себя и нашел в себе силы отойти от красавицы подальше, почти в другой конец спальни.

Иначе нельзя.

Еще минута — и он сорвет с нее одежду и бросит на постель, словно пленницу, отданную на милость победителя.

Но на милость Зарека ей надеяться не стоит. Милосердием он никогда не отличался.

Девушка опустила руку и застыла в неподвижности, словно ожидала, что теперь в ответ он прикоснется к ней.

Ни за что! Одно прикосновение — и зверь в его теле вырвется из клетки.

Как вас зовут? — спросил он прежде, чем успел себя остановить.

Она светло улыбнулась — от этой улыбки внутри у него что-то болезненно екнуло.

Астрид. А вас?

Зарек.

Улыбка ее стала шире.

Так вы действительно грек! Я так и подумала, по акценту.

Волк сел у ее ног и, угрожающе оскалив клыки, уставился на Зарека.

Тот уже начинал ненавидеть эту зверюгу.

Зарек, вам что-нибудь от меня нужно?

«О да! Раздевайся, прыгай в постель — и я покажу, что мне от тебя нужно!»

От этой мысли он тяжело сглотнул, отчаянно борясь со своими желаниями. Звук собственного имени из ее уст пробудил в нем почти нестерпимую страсть.

Все тело его напряглось так, словно она ласкала его мужское естество.

И не только руками, но и губами... языком...

Да что с ним такое? За ним убийцы гонятся — а он думает только о сексе!

Ну и кретин!

Нет, спасибо, — ответил он. — Ничего.

Но желудок его, как видно, был иного мнения — он вдруг громко заурчал, выдав своего хозяина.

Мне кажется, вам стоило бы поесть.

По совести сказать, он и вправду умирал от голода; однако сейчас все мысли и заботы его поглощал иной голод, который не удовлетворить пищей.

Да... да, наверное.

Пойдемте со мной, — проговорила она. — Хотя я и ничего не вижу, но готовить умею. Обещаю, что вас не отравлю.

С этими словами она протянула ему руку.

Но Зарек не двигался.

Смущенно склонив голову, она опустила руку и двинулась прочь из комнаты.

Саша снова зарычал — с таким видом, словно не мог дожидаться, когда же наконец полакомится своим гостем.

Зарек, которому это изрядно надоело, топнул ногой и зарычал в ответ.

Астрид обернулась в дверях, отыскивая его невидящим взглядом; на лице — недоумение и неодобрение.

Что такое? Вы обижаете Сашу?

Ничего подобного. Отвечаю ему любезностью на любезность. — Волк, прижав уши, бросился прочь из спальни. — Похоже, я вашему Акеле [5] не слишком понравился.

Она пожала плечами:

Ему мало кто нравится. Иногда мне кажется, что даже меня он терпит лишь из вежливости.

Она вышла в холл, спиной чувствуя, что Зарек идет за ней. И это ее нервировало. Было в этом человеке что-то зловещее, опасное. И дело не только в огромной физической силе, которую она почувствовала, ощутив его мускулистую руку.

От него исходил какой-то неестественный мрак. Темная аура, которую она ясно ощущала и без помощи глаз. Сигнал опасности, громко предупреждающий: «Держись от него подальше!» Должно быть, то же почувствовал и Саша. И это... тревожило.

Да что там — пугало.

Быть может, Артемида права? И нечего с ним возиться: признать виновным, скинуть с плеч долой это неприятное задание и вернуться домой?

Но нет, это будет несправедливо. Он ведь не причинил ей никакого вреда.

Пока.

Астрид привела его на кухню, усадила на один из высоких табуретов возле стойки. Продукты привезли ей сестры, приезжавшие сюда несколько дней назад. Все они были поражены, узнав, что Астрид согласилась выполнить просьбу Артемиды, и уговаривали ее отказаться.

В один голос они твердили ей, что Зарек опасен. Но Астрид была тверда. «Иметь дело с опасными преступниками — моя работа», — отвечала она; и что они могли возразить?

Как бы ни сокрушались по этому поводу и боги, и смертные — на свете есть вещи, неподвластные даже Судьбам. И одна из них — свободная воля.

Хотите мясного супа? — спросила она Зарека.

Я не привередлив. Буду благодарен за любую еду, лишь бы она была горячей и не приходилось бы готовить ее самому.

В его голосе она уловила нотку горечи.

Вам часто приходится готовить?

Он промолчал.

Едва Астрид подошла, чтобы снять с плиты дымящуюся кастрюлю супа, Зарек вдруг оказался рядом. Подбежал к ней так быстро и бесшумно, что она ахнула от удивления, и, схватив за локоть, оттащил от плиты.

Сила и скорость его движений ее поразили. Если этот человек захочет причинить ей вред, его ничто не остановит! Неприятная мысль. Особенно если вспомнить, что ее задача — вывести его из терпения.

Давайте я, — резко сказал он.

Она нервно сглотнула, услышав в его голосе неожиданный гнев.

Я не беспомощна. Сама справлюсь.

вернуться

5

Акела – вожак волчьей стаи, приютившей Маугли, героя рассказов английского писателя Джозефа Редьярда Киплинга (1865-1936) из сборников «Книга Джунглей» и «Вторая Книга Джунглей».

Он отпустил ее.

Ладно. Хотите обжечься — на здоровье, мне-то что? — И отошел к стойке.

Саша! — позвала она.

Волк подбежал к ней, уткнулся ей в ногу. Астрид присела перед ним, взяла его голову в ладони и прикрыла глаза.

Разум ее соединился с разумом волка: она обрела возможность смотреть его глазами — и, увидев у стойки Зарека, едва не ахнула от изумления.

До сих пор она не пользовалась этой возможностью, не желая смотреть на Зарека, пока с ним не поговорит, — опасалась, что его внешность может повлиять на ее суждение о его характере.

И теперь поняла, насколько была права!

Зарек был невероятно, неправдоподобно красив.

Прямые черные волосы гладкой волной падали на плечи. Черный вязаный свитер, словно вторая кожа, облегал безупречное мощное тело с рельефными мускулами. Лицо — классически правильное, словно высеченное из античного мрамора. Даже четырехдневная щетина не скрывала его аристократической красоты. Нет, он не был «красавчиком» — перед ней стоял настоящий мужчина с головы до пят, суровый, быть может, даже зловещий... если бы линия губ и длинные ресницы не смягчали черты его лица.

А когда он садился, она не могла не заметить совершенные очертания его ног, обтянутых черными кожаными брюками.

Да он просто земной бог!

Но больше всего ее поразила глубокая печаль в его полночно-черных глазах, как будто навеки погруженных в какую-то густую, непроницаемую тень.

Он выглядел усталым. Измученным.

И страшно одиноким.

Взглянув в ее сторону, он нахмурился.

Астрид похлопала Сашу по макушке и обняла, как будто просто ласкала своего любимца. Ей лишь оставалось надеяться, что Зарек ничего не заподозрит.

Сестры предупреждали ее, что силы этого Охотника очень велики, что он может передвигать предметы на расстоянии и обладает необычайно острым слухом, — но понятия не имели, сможет ли он ощутить ее силы. Впрочем, очень ограниченные.

Что ж, будем радоваться, что он хотя бы не телепат. Если бы он читал мысли, ее задача стала бы намного сложнее.

Она достала из кухонного шкафа тарелку, осторожно налила Зареку горячий суп и отнесла на стойку, возле которой он стоял.

Он взял у нее тарелку.

Одна живете?

С Сашей, — ответила она, не понимая, почему он об этом спрашивает.

Хлоя предупреждала ее, что Зарек может взорваться из-за любого пустяка, а в ярости бывает поистине страшен. Что он уже нападал и на Ашерона, и на многих других, кто имел неосторожность к нему приблизиться.

Слухи, ходившие среди Темных Охотников, гласили, что он сослан на Аляску в наказание за истребление деревни, которую обязан был защищать. Никто не знал, что там произошло. Говорили лишь, что в одну ужасную ночь Зарек обезумел, перебил всех жителей деревни, а их дома поджег.

Никаких подробностей сестры ей не сообщили, опасаясь, что эти сведения могут разрушить ее беспристрастие и повлиять на приговор.

За это-то преступление Артемиды и изгнала его в край вечной мерзлоты.

Зачем он спросил, одна ли она живет? Просто из любопытства? Или замышляет что-то недоброе?

Хотите пить? — спросила она.

Конечно.

Что предпочитаете?

Мне все равно.

Она удивленно покачала головой:

Я смотрю, вы и в самом деле непривередливы!

Точно, — хрипловато ответил он.

«Не нравится мне, как он на тебя смотрит!» — прозвучал у нее в мозгу голос Саши.

Астрид подняла бровь.

«Тебе вечно не нравится, как на меня смотрят мужчины!»

Волк фыркнул.

«Он просто глаз от тебя не отрывает, Астрид! Вот и сейчас смотрит на тебя. Наклонил голову, но я вижу в его глазах похоть. Смотрит так, как будто ты уже лежишь под ним. Я не доверяю ему, Астрид, и не доверяю этому его взгляду. Может, мне все-таки его укусить?»

Одни боги знают почему, но мысль о том, что Зарек смотрит на нее с желанием во взоре, обдала Астрид жаром, и внутри у нее что-то затрепетало.

«Нет, Саша. Веди себя прилично».

«Да не хочу я вести себя прилично! Все мои инстинкты сигнализируют о том, что его надо укусить! Если ты хоть немного веришь моему звериному чутью, — пожалуйста, дай мне перегрызть ему горло, а потом уберемся наконец из этой заполярной дыры!»

Она покачала головой.

«Саша, мы его еще совсем не знаем! Что, если бы много веков назад Лера, едва взглянув на тебя, признала бы тебя виновным?»

«Значит, ты снова веришь в добро?»

Астрид задумалась. Нет, в добро она давно уже не верит. Скорее всего, Зарек заслужил смерть. Если хотя бы половина того, что о нем рассказывают, — правда.

Однако из головы у нее не выходили слова Ашерона.

«Я многим обязана Ашерону. И не собираюсь отделиваться от его просьбы за десять минут».

Саша упрямо заворчал.

Астрид поставила перед Зареком чашку чая.

Чай с розмарином. Вы такой любите?

Мне все равно.

Он взял чашку, и его сильные пальцы скользнули по ее ладони.

Астрид с трудом совладала с собой, чтобы не отшатнуться и ничем не выдать своего волнения. На миг она ощутила его чувства, как свои, — его горячее желание, его неутолимый голод.

И это ее всерьез напугало. Похоже, этот человек в самом деле обладает силой, сравнимой с силой богов.

Он и вправду может сделать с ней все, что захочет...

Надо его отвлечь.

Да и себя тоже.

Так что же с вами произошло? — поинтересовалась она.

Это тоже была проверка: что и как он ей расскажет? Нарушит ли Кодекс Молчания?

Ничего, — коротко ответил он.

Не хотелось бы мне встретиться на узкой дорожке с этим «ничем»!

Он со стуком поставил чашку на стол. И промолчал.

Наверное, вам стоит быть осторожнее, — продолжила она.

Поверьте, леди, если кому здесь и стоит быть осторожнее, то не мне! — Эти слова, произнесенные его низким, угрюмым голосом, прозвучали как-то особенно зловеще.

Вы мне угрожаете? — спросила она.

И снова он промолчал. Этот человек — просто чемпион по умению не давать ответы на вопросы!

Она попробовала зайти с другой стороны.

У вас есть родные или близкие? Может быть, позвонить им, сообщить, что с вами все в порядке?

Нет, — коротко ответил он.

Астрид кивнула. Все правильно: после изгнания Зареку запретили пользоваться услугами личного Оруженосца.

Она не могла себе представить, как он прожил здесь девять веков. В ледяной пустыне. В полном одиночестве.

Ведь, когда началось его изгнание, — здесь жила только горстка дикарей.

Сама она прожила здесь всего несколько дней — и уже тосковала и мечтала поскорее вернуться домой. А ведь она не одна: мать и сестры помогли ей здесь обустроиться, и потом, рядом с ней Саша.

Зарека же полностью лишили всякого общества.

У других Темных Охотников есть товарищи, есть Оруженосцы, — он же был обречен проводить вечность в одиночестве.

Совсем один.

Невозможно себе представить, как он жил все эти столетия — день за днем, в борьбе за тягостное, бессмысленное существование, без надежды на прощение, даже на отдых.

Кто не обезумеет от такой жизни?!

Хотя, разумеется, это его не оправдывает. Как сказал он сам несколько минут назад, у всех нас свои проблемы.

Закончив есть, Зарек молча отнес посуду в раковину, вымыл ее, вытер и поставил на кухонный стол.

— Вам не обязательно было мыть посуду, я сама... — запоздало попыталась остановить его Астрид.

Привычка, — бросил он, вытирая руки кухонным полотенцем.

Вы, наверное, тоже живете один?

Да.

И тут она снова приблизилась к нему. Подошла вплотную, вторгаясь в его личное пространство. Он разрывался между желаниями остаться рядом с ней — или отпрянуть в сторону, а ее отпугнуть какой-нибудь резкостью.

И выбрал второе:

Послушайте, вы не можете держаться от меня подальше?

Вас беспокоит, когда я подхожу к вам близко?

Еще как беспокоит! Когда она стоит рядом, вот так, Зарек начинает забывать о том, кто он такой. Ему кажется, что он — снова человек... что он может быть таким же, как все...

Но это невозможно.

Это не для него. Он никогда не был нормальным человеком — и не будет.

Вы чертовски правы, — проговорил он низким, угрожающим голосом. — Не люблю, когда кто-то трется рядом.

Почему?

А это, леди, не ваше собачье дело! — рявкнул он. — Просто не люблю, когда ко мне подходят близко, и терпеть не могу, когда меня трогают руками! Так что держитесь от меня подальше, если не хотите, чтобы вам попало!

Волк снова зарычал на него: теперь в его рыке ясно слышалась угроза.

А ты, Тузик, заткни свою вонючую пасть! — рявкнул Зарек. — Еще что-нибудь от тебя услышу — и сегодня на ужин буду есть волчатину!

Саша, иди ко мне!

Волк немедленно повиновался — подошел к хозяйке и сел у ее ног.

Мне жаль, что мы вас так раздражаем, — проговорила Астрид. — Но, поскольку все мы заперты в этом доме по меньшей мере на несколько часов, думаю, вам стоит сделать над собой усилие и хотя бы это время быть более общительным. Или как минимум вежливым.

Может, она и права. Проблема в том, что не знает он, как это — быть общительным. Или даже вежливым. С ним никто и никогда не разговаривал — ни в его смертной жизни, ни в жизни Темного Охотника.

Даже в Интернете, на закрытом сайте Темных Охотников, появившемся лет десять назад, он оказался изгоем. Охотники-модераторы, возмущенные тем, что изгнанник посмел там появиться, объявили, что условия его наказания запрещают разговоры с кем бы то ни было — неважно, лицом к лицу, по телефону или через Интернет.

Ему запретили писать в рассылку, в чаты, участвовать в играх, даже отправлять личные сообщения. Однако он все же успел найти себе друга. В одном игровом чате наткнулся на Джесса, скучавшего в ожидании Миста, его постоянного партнера по игре. Джесс, новичок среди Охотников, не знал, что разговаривать с Зареком запрещено, и дружелюбно с ним поздоровался.

Зарека это так поразило, что он совершенно растаял, — и, не успев оглянуться, уже болтал с Джессом, словно со старым приятелем. Так у него появился друг.

И чем же это закончилось?

Пулей в спину.

Нет, с него хватит. Не нужны ему никакие разговоры. Ему вообще никто не нужен. И меньше

всего — мило болтать со смертной, которая вызовет копов, если вдруг догадается, кто он такой!

Точнее, что он такое.

— Послушайте, дамочка, мы здесь не на званом вечере! Как только позволит погода, я с вами распрощаюсь. А на эти несколько часов просто оставьте меня в покое. Сделайте вид, что меня здесь нет.

Астрид поняла, что пора отступить. На первый раз достаточно.

Зарек ведь не знает, что оказался в ловушке отнюдь не на несколько часов! Метель не прекратится, пока Асфид не прикажет ей утихнуть.

Так что пусть отдохнет и наберется сил перед следующими испытаниями.

В конце концов, он все еще не совсем оправился от ран. И от предательства своих.

Пусть отдыхает.

— Хорошо, — проговорила она. — Если я вам понадоблюсь, буду в спальне.

И вышла, мысленно приказав Саше оставаться на кухне, чтобы присматривать за гостем.

«Не хочу я за ним присматривать!» — проворчал Саша.

«Саша, слушайся меня».

«А если он выкинет какую-нибудь мерзкую штуку?»

«Саша!..»

«Ну ладно, ладно! Но укусить-то хоть разок можно? Я не сильно! Просто чтобы научить его элементарной вежливости!»

«Нельзя».

«Почему?»

Она остановилась в дверях спальни.

«Что-то мне подсказывает, что, если ты на него нападешь, — это он тебя научит элементарной вежливости!»

«Давай проверим!»

«Саша! Прошу тебя!»

«Ладно, ладно! Я сижу и присматриваю за ним. Но, если он только попробует выкинуть какую-нибудь мерзкую штуку — не взыщи!»

Устало вздохнув, Астрид легла на диван и прикрыла глаза. Перед следующим поединком с Зареком ей тоже требовался отдых.

Она вновь мысленно связалась с Сашей чтобы видеть Зарека. Сейчас он стоял у окна, глядя на падающий снег.

Она видела рваную дыру на спине его свитера. Видела лицо, полное бесконечной усталости. Он выглядел измученным — и в то же время полным решимости.

В его угрюмом лице, лишенном возрастных черт, читалась какая-то загадочная мудрость. Кто же он — этот мрачный красавец, проживший на свете два тысячелетия и половину из них — в ледяном аду?

«Кто ты, Зарек?» — прошептала Астрид

И вслед за этим вопросом пришла новая болезненная мысль. Через несколько дней она будет точно знать, что за человек живет с ней под одной крышей. И, если Артемида права, если он бесчестен и жесток — Астрид, не колеблясь, прикажет Саше его убить.

Глава 4

«Астрид, проснись! Твой псих ищет себе нож поострее!»

Голос Саши в голове вырвал Астрид из сна.

— Что? — спросила она вслух, салясь на кровати.

В мозгу ее сверкнул мыслеобраз, переданный Сашей: Зарек на кухне роется в ящике, где она держит ножи.

Вот он вытащил большой нож для разделки мяса. Пробует пальцем его остроту. Астрид нахмурилась, наблюдая за ним.

Что он задумал?

Зарек отложил нож и снова повернулся к ящику.

Саша зарычал.

— Заткнись, Тузик! — зло бросил Зарек и обжег его взглядом, по ядовитости не уступающим целому гнезду гадюк. — Я тебе не рассказывал, как люблю похлебку из волчатины? Ты жирный — мне тебя на неделю хватит!

Саша двинулся вперед.

«Стой!» — мысленно крикнула Астрид.

«Ну, Астрид! Я только один разок! Ну, пожалуйста!»

«Нет, Саша! Сидеть!»

Саша повиновался — очень неохотно — и отступил назад, не сводя с Зарека горящих глаз. Тот достал еще один нож, небольшой, провел пальцем по его лезвию. Покосился на волка, и недобрый блеск его полных глаз подсказал Астрид, что Охотник и в самом деле не отказался бы испытать остроту ножа на ее четвероногом друге.

Наконец он убрал в ящик большой нож, а маленький сунул в карман и направился к камину.

Хмурясь все сильнее, Астрид следила за тем, как он роется в поленнице, вытаскивая оттуда довольно крупное полено. Садится с ним на диван.

Саша следовал за ним по пятам и наконец уселся у его ног. Но Зарек больше не обращал на него внимания: достав нож, он принялся обстругивать полено.

Астрид застыла на месте: она ожидала чего угодно — только не этого!

Текли минуты. Зарек полностью погрузился в свое занятие. Нож словно стал продолжением его руки — и под его быстрыми, точными движениями кусок дерева обретал все большее сходство с волком. И не просто с каким-то волком — с Сашей!

Даже сам «натурщик» забыл о своей неприязни к Зареку: склонив голову набок и вывалив язык, он неотрывно следил за его работой.

Астрид тоже не могла отвести глаз, пораженная и кропотливым трудом Зарека, и еще более — тем произведением искусства, что создавал он у нее на глазах.

Да этот человек — настоящий художник и очень талантливый! Ну и ну! Это не укладывалось у нее в голове — слишком уж противоречило всему, что ей было известно о Зареке.

Взволнованная, Астрид машинально вскочила с кровати и вышла в гостиную. В тот же миг картина перед ее мысленным взором померкла: движение всегда разрывало ее мысленную связь с Сашей. Она могла видеть его глазами, лишь пока оставалась неподвижна.

Ощувив движение воздуха у себя за спиной, Зарек поднял голову.

Взгляд его упал на Астрид — и у него перехватило дыхание. Зарек не привык к тому, чтобы кто-то был рядом, и не знал, как себя вести — поздороваться? Промолчать?

Или просто смотреть на нее, не отрывая глаз, пользуясь тем, что она его не видит?

До чего же она хороша и нежна! Немного похожа на Шерон, но все же они совсем разные. Трудная жизнь матери-одиночки приучила Шерон полагаться только на себя: в ее лице и манерах появилась жесткость. Сразу видно: кто попробует ее обидеть, тому она спуска не даст! Астрид совсем не такая. Она очень женственная, хрупкая, уязвимая. Иной, пожалуй, может счесть ее легкой добычей...

Эта мысль вызвала у него внезапный прилив гнева.

Астрид вошла в гостиную и направилась прямо к оттоманке, которую Зарек несколько минут назад отодвинул с ее привычного места. Ясно было: сейчас она споткнется и упадет.

На секунду Зарек заколебался: слишком ясно он понимал, что хватать ее за руку или ловить в свои объятия — не лучшее решение. Наконец он бросился ей наперерез и успел отодвинуть оттоманку, — но не успел сам освободить ей дорогу, и слепая наткнулась на него.

Нож неловко повернулся у него в руке и воткнулся острием в ладонь. Зарек зашипел от боли.

Зарек!

Не обращая на нее внимания, он бросился на кухню, чтобы подставить кровоточащую руку под холодную воду — не дай бог залить кровью полированные полы и дорогие ковры.

Выругавшись, он бросил нож в раковину и включил воду.

Зарек! Что-то случилось? — слышался нежный голос у него за спиной.

Нет, — отрезал он, смывая кровь с руки и морщась при виде глубокой раны. Будь он смертным, такую рану пришлось бы зашивать.

Астрид подошла к нему вплотную.

Я чувствую запах крови. Вы порезались?

Прежде чем он сообразил, что она задумала, девушка взяла его руку в свои и осторожно ощупала рану. Прикосновения ее были легкими, как перышко, — но поразили Зарека, словно удар тараном в грудь.

Она стоит так близко... совсем близко... достаточно опустить голову и коснуться губами ее шеи.

Попробовать на вкус.

Ее кровь...

Ни одна женщина до сих пор не будила в нем такого соблазна!

В первый раз за свою долгую-долгую жизнь он хотел поцеловать женщину в губы. Сжать в ладонях ее лицо и насладиться нежным вкусом ее рта.

И пусть она обнимет его в ответ...

Какого дьявола?! Что за чушь лезет ему в голову?

На кой черт ему сдались объятия, поцелуйчики и прочие сопли?

Все это не для него. Нечего и мечтать.

Ему достаточно...

Какой глубокий порез! — негромко проговорила она, и голос ее заворожил его еще сильнее.

Он взглянул вниз, на свою руку; но увидел только треугольный вырез ее свитера, а в нем — уходящую вниз ложбинку меж двух сливочно-белых холмов. Так близко. Совсем рядом с его ладонью. Так легко отодвинуть горловину свитера и скользнуть рукой...

Так что же произошло? — спросила она снова.

Зарек моргнул, освобождаясь от эротического сна наяву.

Ничего.

Опять «ничего»? А какие-нибудь другие слова вам известны?

Накрыв его руку своей, она потянулась к полке за пузырьком перекиси водорода. Зарек изумился тому, как безошибочно нашла она его среди других баночек, флакончиков и пузырьков. Впрочем, все здесь, на кухне, расставлено так, чтобы легко было запомнить и найти. Он снова зашипел от боли, когда холодная едкая жидкость брызнула на рану.

Но, несмотря на боль, не мог не заметить, как осторожно обрабатывала его повреждения Астрид, как старалась не причинять ему лишних страданий.

Она похлопала рукой по стене в поисках кухонного полотенца и, найдя его, обмотала руку Зарека.

Держите руку поднятой. А я позвоню докто...

Нет! — резко оборвал он ее. — Никаких докторов!

Вы же ранены!

Ничего страшного. Поверьте мне.

В голосе его прозвучала какая-то странная нота; и еще сильнее, чем прежде, Астрид пожалела о том, что не видит сейчас его лица.

Вы порезались, потому что я вас толкнула?

Он промолчал.

Астрид попыталась включить свое шестое чувство, но безрезультатно. Она не ощущала Зарека. Совсем. Не могла даже сказать, здесь он — или она одна в комнате.

Никогда прежде шестое чувство ее не подводило.

Это сбивало с толку и пугало. Почему она не может его почувствовать?

Зарек!

Что?

Она едва не подпрыгнула, услышав его глубокий голос с греческим акцентом прямо у себя над ухом.

Вы мне не ответили.

Ну и что? Можно подумать, вам в самом деле интересно, каким образом я порезался!

Голос его начал отдаляться, он уходил от нее.

«Саша, куда он идет?»

«Обратно в гостиную».

Вслед за этим она услышала рычание в холле.

Да, как видишь, я вернулся! — пробормотал Зарек. — Между прочим, говорят, холощенные псы дольше живут. Да и с людьми ладят лучше.

«Может, на тебе проверим? Вот я тебя сейчас...»

«Саша!!»

«Что «Саша»? Он меня достал своими шуточками! И, между прочим, я не какой-нибудь паршивый пес!»

Выйдя в холл, Астрид наклонилась к волку и ласково потрепала его по голове.

«Я знаю».

Не обращая внимания ни на волка, ни на девушку, Зарек подошел к окну и раздвинул занавески. Час пополудни. И за окном метет, как и три часа назад.

Черт побери! Так он никогда отсюда не выберется! Если бы метель утихомирилась хоть на несколько часов, за это время он успел бы добраться до леса. Разумеется, Оруженосцы, Джесс и Танат караулят его у хижины; но в лесу у него есть еще несколько безопасных укрытий, о которых никому не известно. В этих тайниках найдутся и оружие, и припасы.

Но сначала надо до них добраться.

Зарек!

Он испустил тяжелый вздох.

Ну что еще?!

Вовсе незачем на меня рычать! — неожиданно резко ответила она. Зарек удивленно приподнял бровь, не ожидая услышать от девушки подобный тон. — Это мой дом, и я хочу иметь представление, где вы находитесь и что делаете. Не хотите разговаривать — придется повесить на вас колокольчик!

При этих словах Зарек едва не рассмеялся — и сам поразился этому. Что за странный порыв! Зарек и смех — что может быть более несовместимо?

Попробуйте. С интересом посмотрю, что у вас из этого получится.

Вы всегда такой ворчун или просто не с той ноги встали?

Я всегда такой, детка. Привыкай.

Она подошла к нему вплотную. На этот раз, как показалось Зареку, нарочно, — чтобы его позлить.

А если я не хочу к такому привыкать?

Он резко развернулся.

Не доводи меня!

Ой, как страшно! — насмешливо протянула она. — И что дальше? Что-нибудь из репертуара невероятного Халка? [6]«Лучше не серди меня — в гневе я тебе не понравлюсь»? — Она выпрямилась и бросила в его сторону высокомерный взгляд. — Извините, мистер Зарек, — не боюсь. Так что эти приемчики оставьте за дверью, а со мной извольте вести себя прилично.

Зарек слушал ее, словно громом пораженный. За последние две тысячи лет никто не осмеливался смеяться над его угрозами. Едва взглянув на него, все понимали: с этим человеком лучше не шутить!

Впрочем, она же его не видит.

Так или иначе, его затрясло от ярости. Ее насмешка вызвала к жизни слишком много горьких воспоминаний. О тех, кто не считался с его чувствами, кто в грош не ставил его самого.

Первое, в чем поклялся себе Зарек, став Темным Охотником: никогда, никогда больше он и пальцем не шевельнет ради того, чтобы завоевать чье-то уважение или привязанность!

Куда надежнее вселять в сердца страх.

И Астрид ощутила это чувство, когда Зарек приблизился к ней вплотную, прижал к стене, перегородив дорогу. Она не могла шевельнуться. Не могла даже вздохнуть.

До чего же он огромный и сильный!

Казалось, он окружал ее со всех сторон, — живая стена мощи и опасности. Огромный хищный зверь в человеческом обличье. Астрид понимала: он хочет ее напугать.

И это ему удалось!

Он к ней не прикасался, этого и не требовалось. Сама его близость вселяла леденящий ужас.

Склонившись, он прорычал ей прямо в ухо:

Послушай, детка, если тебе нужно сюсюкать, делай это со своим блохастым псом! А когда понадобится мужчина, позови меня!

Ответить она не успела: Саша бросился на Зарека.

Астрид ощутила резкое движение воздуха сбоку от себя; а затем Зарек с проклятием отшатнулся.

Инстинктивно пригнувшись, Астрид затаила дыхание и прислушивалась к звукам битвы. Она напрягала глаза и мозг, но разглядеть ничего не удавалось: ее окружала тьма, полная глухих ударов, рычания и проклятий.

Саша! — вскрикнула она.

В ответ что-то глухо шмякнулось о стену совсем рядом с ней.

вернуться

6

«Невероятный Халк» – американский научно-фантастический боевик (2008 г., режиссер – Л. Летерье, в главных ролях – Э. Нортон, Л. Тайлер и др.), снятый по комиксу «Марвел».

Раздался странный тоненький визг — и все стихло.

В ужасе от того, что мог сделать Зарек с ее другом, Астрид опустилась на колени и нащупала на полу пушистое, безвольно обмякшее тело волка.

Саша! — дрожащими пальцами она ощупывала его в поисках ран.

Волк лежал неподвижно.

Сердце ее замерло от ужаса. Если Зарек что-то сделал с ее другом, она... она его прикончит своими руками!

Пожалуйста, пожалуйста, пусть с ним все будет в порядке...

Саша! — Прильнув к нему, она попыталась нащупать его мысли.

«Разорву! Клянусь, я его разорву на кусочки!»

Гневное рычание ворвалось в ее мозг, и Астрид едва не рассмеялась от облегчения. Хвала Зевсу, он жив!

Стянув с себя разодранную рубашку, Зарек стирал ею кровь с шеи, плеча и правой руки. Кровь лилась ручьем — у гребаного Тузика острые зубы!

Зарек едва сдерживал ярость. Столько ран в одной схватке он не получал уже... очень, очень давно. Если быть точнее, то со дня своей смерти — ни разу.

Со злобой он смотрел на багровую вспухшую плоть. Зарек ненавидел раны на своем теле.

Что ж, чертов пес об этом пожалеет!

Зарек жаждал крови. Волчьей крови.

Но гораздо больше, — если уж на то пошло, — человеческой. Один глоток сладкой девичьей крови умиротворит его ярость, поможет вспомнить, кто он.

Только один укус...

В этот миг в ванную вбежала Астрид — и наткнулась прямо на него.

Зарек вздрогнул и издал какой-то невнятный стон, ошеломленный ощущением внезапной близости ее теплого нежного тела.

Астрид молча оттолкнула его от раковины и наклонилась в поисках аптечки.

А я думал, воспитанные девочки в таких случаях извиняются.

Я с тобой не разговариваю! — отрезала она.

Я тоже тебя люблю, детка.

Астрид бросила в его сторону гневный взгляд.

Да ты просто животное!

Зарек стиснул зубы. Да, разумеется. Для всех вокруг он — просто животное. Так было всегда, так будет и впредь. Что ж, ему уже поздно себя переделывать.

Гав-гав!

Негодующе фыркнув, Астрид направилась к дверям. Но остановилась на пороге.

Понятия не имею, кто ты такой и откуда взялся, но ничто не дает тебе права обижать других людей! Или зверей, если уж на то пошло! Саша просто защищал меня, а ты... ты просто скотина!

Зарек молчал. Страшные, невыносимые картины проносились в его мозгу, услужливо

подброшенные памятью.

Горящая деревня.

Разбросанные повсюду тела.

Слабые, замирающие в прокопченном воздухе предсмертные стоны.

Ярость, невыносимая ярость — и жажда крови...

Зарек прикрыл глаза. Сердце его раздирали невыносимая боль. Он ненавидел эти воспоминания — ненавидел почти так же, как самого себя.

Ничего, рано или поздно наткнешься на кого-нибудь, кто научит тебя вести себя прилично! — закончила свою обличительную речь Астрид и вышла.

Да, конечно, — пробормотал он, скривив губы. — Вали к своему песику, принцесса. Ты ему так нужна!

А вот ему, Зареку, никто не нужен.

И так будет до конца его дней.

С этой мыслью он направился в спальню, где очнулся несколько часов назад.

Метель там или не метель, а ему пора отсюда сматываться.

Он натянул на голое тело куртку и застегнулся. Спина у куртки тоже разворочена выстрелом, так что ледяной ветер будет хлестать его по голой спине. Ну и ладно.

Он не замерзнет — он же бессмертный. Одевшись, он направился к дверям. Взглянул в сторону гостиной: там, у камина, Астрид склонилась над своим питомцем, гладила его и утешала.

Зарек смотрел на эту сцену, и в сердце его поднималась боль, на которую, казалось, он давным-давно уже не был способен.

Что ж, пора убираться из этого дома. И лучше уйти молча.

«Он уходит».

Астрид вздрогнула, когда в голове у нее послышался голос Саши.

«Как уходит? Куда?»

«Сейчас он у тебя за спиной, одетый, идет к дверям».

— Зарек!

Вместо ответа позади нее захлопнулась дверь.

Глава 5

Зарек шагнул за дверь — и застыл, словно ледяная статуя. Впрочем, почему «словно»? От

пронизывающего ветра у него перехватило дыхание, а мороз был такой, что, казалось, он вот-вот заледенеет!

Снег валил стеной — такой густой, что Зарек практически ничего не видел. Даже очки его мгновенно покрылись корочкой льда.

Ни один нормальный человек в такую погоду носа на улицу не высунет!

Значит, повезло, что он ненормальный.

Стиснув зубы, он зашагал на север. Впереди — долгий унылый путь домой. Остается лишь надеяться, что до рассвета он найдет себе какое-нибудь убежище.

Если нет — через несколько часов Артемида с Дионисом будут пить шампанское, а у старины Ашерона одной головной болью станет меньше.

Зарек!

Он выругался себе под нос, когда сквозь вой ветра до его слуха долетел слабый голос Астрид.

Не отвечай.

И не оглядывайся.

Но он не смог — не сумел себя остановить. Оглянулся и увидел, как она, в одном тонком свитерке, сбегает вслед за ним с крыльца.

Зарек! — Она споткнулась и упала в снег.

Оставь ее! Сама виновата — сидела бы дома, была бы цела!

Нет.

Одна, в метель, она беспомощна. Если бросить ее здесь, она умрет.

Пробормотав себе под нос ругательство, от которого покраснел бы и бывалый матрос, Зарек зашагал обратно. Грубо поднял Астрид на ноги, подтолкнул в сторону дома.

Быстро домой, пока не замерзла!

А как — же ты?

Что я?

Тебе нельзя оставаться на улице!

Поверь, принцесса, мне приходилось выживать и не в таких условиях.

Ты замерзнешь!

Наплевать.

А мне не наплевать!

Если бы она его ударила, Зарек, наверное, изумился бы меньше. По крайней мере, к ударам он

привык.

Но после этих слов — он целую минуту не мог сдвинуться с места. Сама мысль, что кому-то не все равно, что с ним может произойти, была настолько чуждой, настолько невообразимой, что он даже не понимал, что ответить.

Иди в дом, — проворчал он наконец и снова, уже гораздо мягче, подтолкнул ее к дверям.

С крыльца на него зарычал волк.

Зарек не успел достойно ему ответить, — вместо него это неожиданно сделала Астрид.

Саша, заткнись! — рявкнула она. — Еще один звук, и ночевать на улице будешь ты!

Волк, казалось, понял ее слова: он недовольно засопел и скрылся в глубине дома.

Зарек ввел дрожащую Астрид в дом и захлопнул дверь. Снег, облепивший их обоих с головы до ног, начал таять: не прошло и нескольких секунд, как Астрид насквозь промокла. Зарек — тоже: но он-то к физическому дискомфорту привык.

А она — нет.

О чем ты только думала?! — прорычал он, усаживая ее на кушетку.

Не смей повышать на меня голос!

Проворчав что-то нечленораздельное, он вышел в ванную за полотенцем, затем заглянул в спальню, взял там одеяло и вернулся к ней.

Ты вся мокрая.

Спасибо, я заметила.

Ни его сердитый тон, ни резкие слова (только дурой ее не обозвал за то, что выбежала вслед за ним!) не вязались с тем, как осторожно, даже нежно он укутал ее одеялом.

Завернув ее в теплое покрывало, опустился перед ней на колени. Снял насквозь промокшие шлепанцы, принялся энергично растирать ей ноги.

Астрид морщилась и едва удерживалась от стонов: никогда прежде ей не приходилось так замерзать! И невольно подумала: интересно, сколько раз терпел такой холод Зарек? Вот только у него не было теплого дома и согреть его было некому...

Глупо. Очень глупо, — сурово проговорил он.

Если так, то первым сделал глупость ты.

Он не ответил: вместо этого встал и обошел кушетку, оказавшись у нее за спиной.

Астрид не понимала, что он собирается делать, пока не ощутила его ладони у себя на голове, накрытой полотенцем. Она напряглась, ожидая грубых прикосновений.

Но Зарек не был с ней груб. Очень осторожно, удивительно нежно он вытирал ее мокрые волосы.

Странно! Кто бы мог подумать, что Зарек способен быть нежным?

Она ждала всего, чего угодно, только не этого.

Сколько еще загадок таит в себе этот человек?

Зарек стиснул зубы, борясь с собой. Нежные, легкие, как пух, пряди ее волос будили в нем неведомое прежде искушение. Он старался касаться Астрид только через полотенце, — но волосы ее то и дело щекотали ему кожу. И разжигали в нем огонь.

Что, если он ее поцелует?

Каково это — целовать женщину?

Никогда прежде у Зарека не возникало такого желания. Всякий раз, когда женщина хотела его поцеловать, он отодвигался или отворачивался. Эта интимная ласка была ему не нужна и неприятна.

Но сейчас он этого хотел. Не просто хотел — жаждал узнать вкус ее влажных, нежных, как розовые лепестки, губ.

Ты что, с ума сошел?

Вообще-то да. И уже давно.

В его жизни нет места для женщины. Нет места для спутников или друзей. С первых часов жизни удел его был определен — один-единственный удел.

Одиночество.

Даже когда он пытался найти свою стаю, его везде травили, везде преследовали, отовсюду изгоняли. Он — изгой. Никому не нужный, всеми ненавидимый и презираемый.

Он убрал полотенце и замер, глядя на нее, отчаянно желая запустить руки в ее влажные белокурые волосы. Она все еще была бледна от холода, но от этого, казалось, стала еще краше. Так хотелось ее согреть...

Зарек не успел остановиться: рука его, словно по собственной воле, потянулась к ней, прижалась тыльной стороной ладони к ее нежной щеке.

Боги, какое наслаждение — просто к ней прикоснуться!

Она не отодвинулась, не нахмурилась, не отбросила его руку. Она спокойно сидела и позволяла ему дотрагиваться до себя — так, как это делает мужчина.

Возлюбленный...

Зарек? — неуверенно, боязливо прошептала она.

Ты совсем замерзла, — проворчал он и поспешно убрал руку.

Надо держаться от нее подальше — от нее и от тех странных чувств, которые она в нем пробуждает. Не хватало еще к ней привязаться! Позволить ей себя приручить.

Всякий раз, когда он позволял себе кому-то довериться, это кончалось бедой.

Все «друзья» его предавали.

Даже Джесс, хотя уж его-то, живущего на другом конце света, казалось, можно было не опасаться...

Зарек поморщился — заныла раненая спина.

Да, видно, ближе чем на Марсе искать друзей ему не стоит.

Зарек выглянул в кухонное окно. На улице по-прежнему мело вовсю. Что ж, рано или поздно Астрид заснет, и тогда он выскользнет из дома.

Она его не остановит.

Астрид хотела последовать за ним, но остановилась. Нет, так не пойдет. Ей нужно видеть, чем он занят.

«Саша, что он делает?»

Замерев на месте, она подключилась к сознанию Саши и увидела Охотника его глазами. Зарек расстегивал куртку, и при виде его обнаженной груди у Астрид перехватило дыхание. Словно замороженная, наблюдала она за тем, как играют при каждом его движении могучие, рельефно вылепленные мускулы.

Да он просто великолепен! Гладкая смуглая кожа, широкие плечи, мощные мышцы... Глаз не оторвать!

Но она ахнула, увидев его правую руку и плечо. Здесь его плоть была изодрана в клочья. Глаза Астрид расширились от ужаса, когда она обнаружила, что сделал с Зареком ее четвероногий друг.

Но сам он как будто не замечал этих ужасных ран.

«Мне обязательно надо на это смотреть? — сварливо поинтересовался Саша. — От вида голых мужчин меня тошнит!»

«Потерпи, пожалуйста. Тем более он не голый».

А жаль.

Эта неожиданная мысль поразила Астрид. Что с ней такое? Никогда прежде она не пялилась на мужчин, а сейчас не может глаз оторвать от Зарека, словно он ее околдовал.

«Достаточно голый, чтобы я расстался со своим ужином!» — С этими словами Саша бросился вон из кухни.

«Саша, стой!»

«Я тебе не собака, Астрид, и не люблю, когда мной командуют! Я помогаю тебе, потому что сам этого хочу!»

«Знаю, Саша. Извини. Пожалуйста, останься, я тебя очень прошу».

Рычание Саша живо напомнило ей Зарека; однако волк вернулся в кухню и сел у дверей.

Зарек не обращал на него внимания; он оглядывал кухню: видимо, что-то искал.

Астрид нахмурилась, заметив, что он достал кастрюльку для соуса. Повернулся к холодильнику, — и у нее вновь перехватило дыхание при виде стилизованного дракона, вытатуированного у него на поясе. А прямо над драконом зияла незатянувшаяся рана.

Сердце Астрид сжалось. Странно: она думала, что давно уже не способна на сострадание. Но сейчас содрогнулась, словно ощущая боль от вида этой жуткой раны.

Но Зарек двигался так, словно едва ее замечал.

Он поставил соусницу на плиту, налил в нее молока. Затем достал из холодильника коробку шоколадных конфет «Херши», которые она купила несколько дней назад, сама не зная зачем, и бросил в молоко несколько шоколадок.

Странно! То он рычал на нее, едва не напугав до смерти, а теперь растирает ей ноги и готовит горячий шоколад...

«Это не тебе», — мрачно сообщил Саша.

«Саша, помолчи».

«Точно говорю! Этот псих хочет отравить меня шоколадом!»

«Не нравится — не ешь».

Зарек, повернувшись к Саше, одарил его недоброй ухмылкой:

— Что, Лесси [7], скучаешь без мальчика Тимми? Хочешь его поискать? Пойдем, девочка, я тебе дверь открою и даже косточку брошу, чтобы веселее бегалось!

«Ну, все! Он меня достал! Я его сейчас... »

«Саша!»

«Что «Саша»?! А если бы тебе так хамили?!»

Зарек бросил взгляд на плошки для корма и воды, расставленные на невысокой подставке, где Астрид легко было бы их найти.

Саша оскалил зубы.

«Эй ты, не смей трогать мою посуду! А вдруг ты заразный?»

«Саша, я тебя умоляю!»

Зарек остановил взгляд на стальной поилке с остатками воды.

«Астрид, что я тебе говорил? Этот ублюдок задумал меня отравить! Вот увидишь, сейчас плюнет в воду, а может, и еще чего похуже сотворит!»

Но Зарек поступил совершенно неожиданно. Нагнувшись, взял почти пустую поилку, ополоснул ее в раковине, наполнил свежей водой и аккуратно поставил на место.

Трудно сказать, кто был поражен больше — она сама или Саша.

Волк подошел к воде, подозрительно ее понюхал.

Зарек вымыл руки в раковине. Затем снял с плиты горячий шоколад, налил его в кружку и понес Астрид.

Держи, — проговорил он со своей обычной грубостью и, взяв ее за руку, помог нащупать кружку.

Что это? — спросила она.

Мышьяк и рвотное.

Астрид скорчила гримасу.

Правда? Ты так тихонько его приготовил, что я и не заметила? Надо же! Что ж, спасибо. Никогда еще не пила рвотного — должно быть, это что-то особенное!

Если она надеялась, что Зарек смягчится, то жестоко ошиблась.

Хочешь — пей, не хочешь — не пей, — проворчал он. — Мне все равно.

По звуку шагов она поняла, что он вышел из комнаты.

Астрид медленно поднесла чашку к губам. Она видела глазами Саши, как Зарек готовил шоколад, и знала, что никакого яда в нем нет, — и все же после резкого замечания Зарека пить его как-то не тянуло.

«Он на тебя смотрит», — послышался мысленный голос Саши.

Астрид повернула голову. Очень медленно.

«Что?»

«Смотрит и ждет, будешь ты пить или нет».

Астрид замерла, размышляя, что делать. Что это? Он тоже ее испытывает? Хочет знать, сможет ли она ему довериться?

Наконец, глубоко вздохнув, она начала пить шоколад — горячий и сладкий, именно такой, какой она любила.

Зарек был поражен ее смелостью. Он постарался ее напугать, а она все же ему доверилась! Сам он никогда в жизни ничего не выпил бы из рук незнакомца.

Надо признать: эта женщина — не трусиха.

Однако если здесь появится Танат, смелость ей не поможет.

Зарек задумался, вспомнив этого демона, даймона — или боги его знают, кто он такой, —

которого послали за ним охотиться.

Среди Охотников ходил слух, что Темного Охотника, сбившегося с пути, отслеживает и убивает по приказу Артемиды сам Ашерон.

вернуться

7

Лесси — вымышленная собака породы колли, персонаж многих фильмов, сериалов и книг. Образ Лесси был создан англо-американским писателем Эриком Найтом (1897—1943). Тимми — мальчик, любимец собаки.

Подтвердить или опровергнуть этот слух никто не мог — все, кто знал это точно, сейчас бродят по земле бесплотными, бездушными Тенями. Жалкие существа, вечно мучимые голодом и жаждой — и неспособные насытиться.

Они видят и слышат все, что происходит вокруг, — но их самих никто не видит и не слышит.

Зарек понимал, каково им приходится: ведь он и сам был таким «невидимкой» все двадцать шесть лет своей смертной жизни.

Впрочем, нет, ему досталось сильнее. Лучше бы мир вовсе не знал о его существовании, ведь окружающие замечали его лишь для того, чтобы причинить ему боль.

Чтобы ударить, пнуть, унижить.

Ярость захлестнула Зарека. Плавающим взглядом окинул он дом Астрид — безупречный дом, в котором все демонстрировало богатство и благополучие. Во времена его смертной жизни такая женщина плюнула бы ему в лицо только за то, что он посмел встретиться ей на пути. В том мире он был бы настолько ниже ее, что его избили бы до полусмерти за один взгляд на нее.

А взгляд ей в глаза означал бы для него смерть.

«Этот раб досаждал вам, госпожа?»

Зарек скривился при этом воспоминании.

Ему было тогда двенадцать лет, и он имел глупость поверить братьям, когда однажды на рынке они указали ему на эту женщину.

«Эй, раб, гляди! Это твоя мать! Ты что, не знал? В прошлом году дядя дал ей свободу».

«Зарек, подойди к ней! Скажи, что ты — ее сын! А вдруг она тебя пожалеет и добьется, чтобы тебя тоже освободили?»

Он был мал и глуп — широко раскрыв глаза, он смотрел на женщину в богатом одеянии, с черными, как у него, волосами и чудесными синими глазами. В первый раз в жизни он видел свою мать. Он и не подозревал, что она такая красавица.

Хотя в его фантазиях мать всегда представляла прекраснее самой Венеры. Он думал: она — рабыня, как и он сам, а бросить сына ее принудил хозяин. Он воображал себе, как рыдала мать,

когда его вырвали из ее объятий. Как тосковала о нем, как ждала, что он к ней вернется.

Должно быть, не было дня, когда бы она не вспоминала о своем потерянном сыне! Как и сам он: днем и ночью думал о ней.

Наверное, безжалостный отец хотел причинить ей боль, именно для этого и отнял у нее сына.

Зарек не сомневался: мать его любит. Все матери любят своих детей. Рабыни в доме отца смеялись над ним и отнимали у него скудную пищу, — их любовь принадлежала их собственным детям.

Но мать... она любит только его.

Если они когда-нибудь встретятся, — никто и ничто больше их не разлучит!

И Зарек бросился к матери. Обнял ее, громко крича, что это он, ее сын, что он наконец-то ее нашел...

Но на лице ее отразились совсем не материнские чувства.

Она смотрела на него с ужасом и омерзением.

— Как же так? — прошипела она, искривив лицо в уродливой гримасе ненависти. — Я же заплатила той стерве, чтобы она тебя придушила!

За спиной громко захохотали братья.

Зарек, потрясенный ее откровением, не мог ни двинуться с места, ни вздохнуть. Выходит, она подкупила другую рабыню и поручила ей его убить!

Когда стражник, приблизившись к ним, спросил, не досаждают ли госпоже этот раб, та холодно ответила:

— Этот ничтожный раб посмел ко мне прикоснуться. Я хочу, чтобы его за это высекли.

И сейчас, две тысячи лет спустя, эти слова звенели у него в ушах, а перед глазами стояло ее безжалостное лицо...

«Ничтожный раб! Жалкая тварь, не стоящая даже тех объедков, которыми тебя кормят! Лучше бы ты умер, пусть твоя порция достанется другому рабу, получше тебя!»

Зарек взревел, как дикий зверь, не в силах больше сдерживать ярость. Боль его выплеснулась наружу. Из камина, едва не задев Сашу, вырвался столб пламени; электрические лампочки начали взрываться одна за другой, картины падали со стен.

Зарек почти не замечал, что происходит вокруг. Единственное, чего он хотел, — чтобы боль прекратилась.

Астрид взвизгнула, услышав грохот.

«Саша! Что происходит?»

«Этот ублюдок меня чуть не убил!»

«Как?»

«Едва не поджег мне задницу своим телекинезом. О-о-о, мой бедный хвост! Он, похоже, окончательно свихнулся — крушит все вокруг!»

— Зарек!

Все вокруг нее гремело, тряслось и рушилось — казалось, сам дом вот-вот развалится на части.

Зарек!

Грохот внезапно смолк. Воцарилась тишина.

Теперь Астрид слышала лишь оглушительный стук собственного сердца.

«Что происходит?» — снова спросила она Сашу.

«Не знаю. Все лампочки взорвались, камин потух — темно, как в колодце. Я ничего не вижу».

Зарек! — снова позвала она.

Снова тишина. Ужас ее удвоился. Она осталась без защиты — сейчас Зареку ничего не стоит ее убить!

Или сделать с ней все, что захочет.

Зачем ты меня спасла?

Она подпрыгнула, когда голос его раздался прямо у нее над ухом. Зарек был так близко, что она ощущала тепло его дыхания.

Ты был ранен.

Как ты узнала, что я ранен?

Поняла, когда втащила тебя внутрь. Сначала... сначала я подумала, что ты просто пьян.

Одинокая женщина, еще и слепая, приводит домой незнакомца. Абсолютно идиотский поступок. А на идиотку ты не похожа.

Астрид сглотнула. Зарек оказался намного сообразительнее, чем она думала!

И куда страшнее.

Так почему я здесь? — требовательно спросил он.

Я же объяснила.

Он поднялся так резко, что тяжелый диван скрипнул, проехавшись по паркету. Теперь Зарек стоял к Астрид лицом. Наклонился, заставив ее отпрянуть и вжаться в спинку дивана. Она дрожала, остро ощущая его присутствие.

Как я попал в дом?

Я тебя втащила.

Одна?

Конечно!

По-моему, тебе на это сил не хватит. Астрид ахнула от ужаса. К чему он клонит?

Что хочет с ней сделать?

Я сильнее, чем кажусь.

Докажи! — Он схватил ее за руки. Несколько секунд Астрид боролась с его хваткой.

Отпусти меня!

Почему? Тебе не нравится, когда я тебя трогаю? Я тебе противен?

За спиной громко, предостерегающе зарычал Саша.

Астрид перестала сопротивляться и устремила взгляд туда, где, по ее представлениям, находилось его лицо.

Зарек, — спокойно и твердо сказала она, — мне больно. Отпусти меня.

К ее удивлению, он послушался. Даже отступил на шаг назад. Но все равно оставался совсем рядом — она физически ощущала его близость.

Я дам тебе хороший совет, принцесса, — пророкотал он ей в самое ухо. — Держись от меня подальше!

И исчез.

«Все, он виновен! — прорычал у нее в голове Саша. — Выноси приговор!»

Но Астрид не могла так поступить. Пока — нет. Да, Зарек ее напугал. Да, он ведет себя как опасный сумасшедший. И вызывает ужас.

Но он не сделал ей ничего дурного. Только напугал, а это не то, за что можно приговорить человека к смерти.

Хотя теперь она ясно представляла себе, как однажды ночью он потерял рассудок и перебил целую деревню, которую должен был охранять.

Что, если то же произойдет и сейчас?

Она бессмертна; убить ее по-настоящему он не может. Но может сделать больно. Очень больно.

Многие Судьи на ее месте не стали бы медлить с решением. То, что произошло за эту ночь, они сочли бы достаточным основанием для приговора. Сама Астрид чувствовала большое искушение поступить так же. Но не могла. Пока — нет.

«С тобой все в порядке?» — поинтересовался Саша, обеспокоенный ее молчанием.

«Да».

Но это было не так — и, кажется, Саша это чувствовал. Астрид была напугана, как никогда в

жизни.

Много столетий она судила и выносила приговоры. Бесчисленные преступники и преступницы проходили перед ней — богохульники, предатели, убийцы.

И никто из них ее не пугал. Не вызывал желания бросить все и бежать к сестрам за защитой.

Это удалось только Зареку.

В нем ясно ощущалось безумие. Что-то болезненное и опасное. Но и к этому Астрид было не привыкать: среди ее подсудимых не раз встречались психопаты, за масками благородных героев прячущие ледяное сердце и черную, злобную душу.

Зарек таким не был.

Он не скрывал свою ярость — он дал ей выплеснуться, мощно и разрушительно.

И все же — ее он не тронул.

Только постарался напугать. Дать понять, что он опасен, чтобы она держалась от него подальше.

Что все это значит?

Ей вспомнились слова Ашерона: «...слушай свое сердце».

Что творится в сердце у Зарека?

Глубоко вздохнув, Астрид постаралась «нащупать» Зарека своим шестым чувством.

И, как и в прошлый раз, не смогла его найти. Как будто он так привык скрываться, что теперь не отражался ни на одном радаре. Даже на усовершенствованном радаре Судьи.

«Где он?» — спросила она у Саши.

«Где-то в комнате, скорее всего».

«А ты?»

Саша подошел и сел у ее ног.

«Артемиды права. Этот парень — угроза всему человечеству. Что-то с ним не так».

Астрид задумчиво почесала его за ухом.

«Не знаю. Ашерон выбил у Артемиды разрешение на то, чтобы Зарека судила я. Он не стал бы делать этого просто так. Только глупец станет заключать сделки с Артемидой, не имея на то серьезных причин, а Ашерон вовсе не глуп. Должно быть, в Зареке есть что-то хорошее. Или...»

«Это ничего не значит, — фыркнул Саша. — Ашерон всегда защищает своих».

«Может быть...»

Но Астрид знала: Ашерон вмешивается лишь тогда, когда знает, что так будет лучше для всех. Во всех предыдущих судах над сбившимися с пути Темными Охотниками он не участвовал. Но

сейчас попросил, чтобы Зарека судила именно она.

А девять веков назад не позволил казнить его за уничтоженную деревню...

Если бы Зарек действительно представлял опасность, Ашерон не стал бы его защищать. Не настоял бы на том, чтобы ему сохранили жизнь. Наконец, не отдал бы Астрид в полное его распоряжение.

Она должна верить Ашерону.

Ей больше ничего не остается.

Зарек сидел в кресле-качалке, невидящим взором глядя в окно на падающий снег. После взрыва ярости он прошелся по дому, собрал и выбросил разбитое стекло, повесил на место картины. Теперь в доме снова царил порядок, покой — и глубокая тишина.

Когда же кончится эта метель? Как ему отсюда выбраться?

Вдруг в холле зажегся свет.

Зарек заморгал, ослепленный его ярким сиянием. Астрид ничего не видит — зачем ей его включать?..

В коридоре слышались мягкие шаги. Астрид направлялась в гостиную. Зареку хотелось выйти, заговорить с ней, хоть что-нибудь сказать, но какой в этом смысл?

Да он и не мастер болтать. Ведь его слова никогда никого не интересовали.

Так что он предпочитает помалкивать.

Саша!

Ее мелодичный голос прозвенел у него в сердце тонко и болезненно, словно разбитое стекло:

Сиди здесь. Я разожгу камин.

Он готов был вскочить, чтобы ей помочь, но усилием воли заставил себя остаться в кресле. Прошли времена, когда он прислуживал богачам. Раз она хочет разжечь камин, значит, вполне способна сделать это самостоятельно!

Да, разумеется, он быстрее найдет растопку, и руки его привычны к тяжелой работе.

А у нее руки маленькие, хрупкие.

Нежные руки, предназначенные для ласки...

В следующий миг, сам не понимая, зачем это делает, он уже спешил в гостиную.

Здесь Астрид, присев перед камином, неуклюже старалась засунуть в очаг крупное полено и не обжечься.

Он молча взял ее за плечи и попытался отстранить.

Она ахнула от удивления.

Уйди с дороги! — прорычал Зарек.

Я не стояла у тебя на пути! Ты сам сюда пришел!

Она не двигалась с места; тогда он молча поднял ее на руки и пересадил в стоящее рядом темно-зеленое кресло.

Что ты делаешь? — изумленно воскликнула она.

Ничего. — Вернувшись к камину, он за несколько секунд разжег огонь. — Удивительно: у тебя денег полно, и не можешь нанять прислугу!

Мне не нужна прислуга. Я все могу сделать сама.

Вот как? — с искренним удивлением отозвался Зарек. — Как же тебе это удастся?

Очень просто. Беру и делаю все, что мне нужно. Я не слабая, не беспомощная и ненавижу, когда со мной обращаются, как с инвалидом!

Гордая принцесса? — В глубине души он вновь почувствовал к ней уважение. Там, где он вырос, женщины, подобные ей, никогда ничего не делали для себя сами. Их обслуживали существа низшего сорта — такие, как Зарек.

Почему ты все время называешь меня принцессой?

А кто ты еще? Папочкина и мамочкина принцесса, любимая дочка, которую балуют, холят и лелеют... разве не так?

Откуда ты узнал? — нахмурилась она.

Да у тебя это на лбу написано. Ты из тех, кому жизнь все преподносит на блюдечке. С самого рождения ты получала все, что хотела.

Не все.

Да ну? И чего же тебе недоставало?

Зрения.

Зарек умолк: слова его тяжелым камнем упали ему на сердце.

М-да... это верно. Быть слепым — радости мало.

Тебе-то откуда знать?

Со мной такое случалось.

Глава 6

Ты был слепым? — удивленно переспросила Астрид.

Зарек не ответил. Он сам не понимал, как это у него вырвалось. Никому — даже Джессу — он не рассказывал о своей тайне.

Только Ашерон знал об этом, а Ашерон, к счастью, умел хранить секреты.

Не желая углубляться в свое прошлое, страшась новой боли, которую могут принести воспоминания, Зарек молча встал, развернулся и, с грохотом захлопнув за собой дверь, вышел из комнаты. Ему хотелось переждать бурю в одиночестве, не опасаясь ни выдать свои тайны, ни причинить кому-либо боль.

Однако, сидя в кресле, Зарек думал не о прошлом.

Не воспоминания наполняли его мозг, а совсем недавние образы: легкий цветочный аромат, смешанный с запахом смолистого дерева, нежная кожа, бледная щека, слипшиеся мокрые волосы, правильное лицо — женственное, зовущее...

Эта женщина не отвернулась от него. Не кривилась, не смотрела на него с презрением.

Удивительная девушка! Будь он другим человеком, быть может, вернулся бы сейчас в гостиную, поболтал бы с ней, развлек, рассмешил. Но Зарек не умел веселить людей. У него было чувство юмора — точнее, злого сарказма; но вот шутить, отвечать улыбкой на улыбку — особенно женщине...

Раньше он не задумывался о том, что ему этого недостает.

До сегодняшней ночи.

«Ну что? Ты вынесла приговор?»

Астрид едва не подпрыгнула, услышав в мозгу голос Артемиды. Каждую ночь, с самого первого дня, когда она притащила Зарека домой, Артемида изводила ее этим вопросом, и Астрид уже чувствовала себя, словно Жанна д'Арк, преследуемая голосами в темнице.

«Еще нет. Артемида, он едва пришел в себя».

«Да что ты так тянешь? Пока он жив, Ашерон себе места не находит, а я не выношу, когда он в таком состоянии. Приговори этого мерзавца, и дело с концом!»

«Почему ты так стремишься от него избавиться?»

В воздухе повисло молчание. Астрид думала уже, что Артемида ее покинула, но тут богиня заговорила снова. И дала неожиданный ответ:

«Ашерон не выносит чужих страданий. Особенно страданий своих братьев-Охотников. Пока Зарек жив, Ашерон не знает покоя. А я что бы там Ашерон обо мне ни думал — вовсе не забавляюсь его мучениями».

Такого Астрид никак не ожидала! Даже не представляла, что ее кузина может сказать что-то подобное. На Олимпе Артемида прославилась многим, но ни доброта, ни сострадательность, ни способность думать о ком-то, кроме себя, среди ее добродетелей не значились.

«Ты... любишь Ашерона?»

«Не твое дело, Астрид! — резко ответила Артемида. — Займись лучше Зареком. И имей в виду: если из-за этого негодяя мы с Ашероном поссоримся, ты об этом сильно пожалеешь!»

Астрид напряглась от ее враждебного тона и неприкрытых угроз. Но гнев Артемиды ее не

пугал. Богиня хочет войны? Что ж, пусть получше к ней подготовится!

Возможно, Астрид больше не любит свою работу, но по-прежнему относится к ней серьезно, и никто, особенно вздорная богиня, не заставит ее вынести непродуманный вердикт!

«Если я вынесу приговор слишком быстро, не боишься, что Ашерон останется недоволен и потребует повторного суда?»

Артемиде гневно фыркнула в ответ.

«И потом, Артемиде, ты ведь обещала Ашерону не вмешиваться. Заставила его поклясться, что он не будет общаться со мной в ходе суда и пытаться повлиять на мое решение. А сама сейчас именно этим и занимаешься. Как ты думаешь, что он скажет, если я ему об этом расскажу?»

«Ну ладно, ладно! — прервала ее Артемиде. — Больше я тебя не побеспокою! Только, ради всех богов, не затягивай!»

Оставшись наконец одна, Астрид поудобнее устроилась у камина и задумалась о том, что же ей делать дальше. Какому новому испытанию подвергнуть Зарека, чтобы узнать, способен ли он все-таки владеть собой?

Он разгромил ее дом — но ей не причинил никакого вреда. Ранил Сашу — но это была самооборона: Саша напал на него первым и поранил его. Зарек не пытался убить волка. Просто отшвырнул его и ушел.

А потом, вместо того чтобы мстить, налил ему воды.

Пока что самое страшное его преступление — грубость и устрашающие манеры. Однако он то и дело проявляет доброту, идущую вразрез с внешней свирепостью.

Здравый смысл подсказывал ей, что Артемиде права: «Хватит тянуть, выноси ему приговор и убирайся отсюда!»

Но какой-то внутренний инстинкт просил не спешить.

Так что, пока он не напал ни на нее, ни на Сашу, Астрид не станет выносить решение о его судьбе.

Но стоит ему поднять на кого-то из них руку — и она вернется на Олимп, а Зарека предоставит его участи.

«Похоже, невинных просто не бывает...»

Астрид устало вздохнула. Эти слова она произнесла совсем недавно в разговоре с сестрой Атти. В тот момент она действительно так думала. За прошедшие столетия ей пришлось иметь дело с тысячами подсудимых, и ни один не оказался невинным. Они все ей лгали.

Все старались ее обмануть.

Одни — пытались подкупить.

Другие — сбежать.

Третьи — запугать.

Один из них попытался ее убить.

В какую категорию попадет Зарек?

Глубоко вздохнув и пытаясь собраться с силами, Астрид встала и направилась к себе в комнату. Здесь она начала перебирать мужскую одежду, которую носил Саша, когда принимал человеческий облик.

«Что это ты делаешь?» — поинтересовался Саша, бесшумно появляясь рядом.

— Зареку нужно переодеться, — машинально ответила она вслух.

Саша бесцеремонно вцепился в свою одежду зубами и потянул ее у Астрид из рук.

«У него есть, в чем ходить. А это мое!»

Но Астрид не сдавалась:

«Саша, пожалуйста, не упрямься. То, что на нем, — все в дырах, а смены одежды у него здесь нет».

«А мне-то что?»

Она на ощупь перебирала рубашки и брюки, жалея о том, что не может их увидеть.

«Кажется, кто-то здесь жаловался, что терпеть не может смотреть на голых мужчин».

«А еще я терпеть не могу пить из плошки и писать за дверь. Но приходится. Пока он здесь, потерплю».

Астрид покачала головой:

«Как тебе не стыдно? Ворчишь, как старый пень!» — Она достала из ящика плотный шерстяной свитер.

«Ни за что! — взвыл Саша. — Это же бордовый, мой любимый!»

«Саша, я тебя умоляю!..»

«Он мой! Немедленно положи его назад!»

Астрид встала и со свитером в руках пошла к Зареку.

Саша бежал за ней, не умолкая ни на секунду.

«Куплю тебе новый», — пообещала она.

«Мне не нужен новый — мне нужен этот!»

«Зарек ничего с ним не сделает».

«Ага, как же! Посмотри на его нынешний костюмчик, это тебе ни о чем не говорит? И вообще, не хочу, чтобы он носил мой свитер! А вдруг он заразный?»

«Саша, ради всех богов! Когда ты наконец вырастешь? Тебе четыреста лет, а ведешь себя, как

глупый щенок! Ничем он тебя не заразит! Он что, чумной?»

«Нет, бешеный, а это еще опаснее!»

Астрид остановилась и сердито взглянула вниз, в сторону Саши, а он, улучив момент, вырвал из ее рук свитер и бросился бежать.

— Саша! — закричала она, бросившись вслед за ним. — Немедленно отдай, или я тебя...

Но волк не сбавлял ходу.

Астрид бежала за ним так быстро, как только могла, полагаясь на свои воспоминания о том, как расположена мебель у нее в доме.

Но кофейный столик оказался не на своем прежнем месте. Астрид ударилась о его край ногой и зашипела от боли. В попытке сохранить равновесие она схватилась за полку у стены, та покачнулась под ее весом, с нее начали скользить и падать какие-то предметы. Что-то стукнуло ее по голове; что-то со звоном разбилось об пол.

Астрид замерла, боясь пошевелиться.

Она не знала, какой именно вещи пришел конец, но звук разбиваемого стекла ни с чем не спутаешь.

И как теперь на него не наступить?

Астрид мысленно прокляла свою слепоту. С места она не трогалась, опасаясь порезаться.

Саша! — позвала она.

Ответа не последовало.

Не двигайся! — скомандовал откуда-то из-за спины глубокий голос Зарека.

А в следующий миг пара сильных рук с удивительной, прямо-таки пугающей легкостью вознесла ее в воздух. Прижавшись к его мощной, как скала, груди, Астрид чувствовала, как играют его рельефные мускулы, когда с ней на руках он покидал гостиную.

Девушка обвила руками его широкие, мужественные плечи и почувствовала, как напрягся он при ее прикосновении. Щекой она ощущала его горячее дыхание, и от этого все тело ее таяло в какой-то сладостной истоме.

Зарек... — осторожно прошептала она.

Надеюсь, я не позволил себе лишнего, принцесса?

Его сарказм она оставила без ответа. Зарек донес ее до кухни и усадил на стул.

Едва выскользнув из его рук, Астрид остро ощутила, что ей не хватает тепла и мощи его тела. Без него она почувствовала себя одинокой, опустошенной... странное чувство, которого она не ожидала и не могла понять.

Спасибо, — тихо проговорила она.

Он промолчал, и по его удаляющимся шагам Астрид поняла, что он возвращается в гостиную.

Несколько минут спустя он вернулся и со звоном высыпал что-то в мусорное ведро.

Не знаю, что ты не поделила со своим Тузиком, — проговорил он, и по голосу его Астрид догадалась, что он сдерживает улыбку, — только он утащил в угол какой-то свитер, лежит на нем и грозно рычит!

Представив себе эту картину, Астрид едва не рассмеялась.

Он сегодня в дурном настроении.

Хм... Там, откуда я родом, такие перемены настроения лечат тумками.

Астрид нахмурилась, ощутив в его словах невысказанную горечь.

Иногда важнее понять, чем наказать.

А иногда лучше наказывать.

Возможно, и так, — прошептала она.

Зарек включил воду — кажется, снова мыл руки.

Вообще-то он часто моет руки, отметила про себя Астрид.

— Это была хрустальная ваза, — объяснил он, перекрывая своим мощным голосом шум воды. — Все крупные осколки я подобрал, но там могли остаться мелкие, так что будь осторожна и не ходи по гостиной босиком.

Астрид, странно тронутая и этим предупреждением, и его заботой о ней, встала и подошла к нему. Пусть она его не видела — но теперь снова ощущала жар и мощь его тела.

Его грубую, первобытную мужественность.

От этого ощущения она вздрогнула; что-то внутри ее задрожало и заискрилось желанием.

Какая-то неведомая прежде сила властно повелевала ей дотронуться до его гладкого, смуглого, жаркого тела. Она не видела его, но помнила, как играет свет на его загорелой коже, когда ей удалось взглянуть на Зарека глазами Саши.

Ей хотелось поцеловать его и ощутить вкус его губ. Умеет ли он быть нежным?

Или и в любовных ласках он по-звериному яростен и груб?

По-хорошему, ей следовало бежать от таких непозволительных фантазий. Как Судья, она не имела права задаваться подобными вопросами о подсудимом. Но как женщина — не могла удержаться.

Много, много лет прошло с тех пор, как она в последний раз желала мужчину. И теперь какая-то ее часть отчаянно надеялась найти в Зареке тот скрытый свет, в существование которого верил Ашерон.

Странно, очень странно. Такие желания не посещали ее уже много столетий.

Как ты узнал, что мне нужна помощь? — спросила она.

Услышал звон разбитого стекла и понял, что ты в ловушке.

Она улыбнулась:

Как мило с твоей стороны!

Она не видела его, но ощутила, что он пристально смотрит на нее. И от этого невидимого, но жаркого взгляда все тело ее вдруг запылало, а соски затвердели.

Поверь мне, принцесса. Я совсем не милый.

Не «милый», нет! Он сильный, жесткий, неукротимый, прекрасный какой-то дикой, яростной красотой. Как зверь из дремучего леса.

Позволит ли такой зверь себя приручить?

Я хотела принести тебе одежду, — заговорила она торопливо, стараясь восстановить власть над своим телом, вдруг переставшим откликаться на доводы здравого смысла. — Если хочешь переодеться, у меня в шкафу, в нижнем ящике, есть еще свитера.

Нахмурившись, он выключил воду и потянулся за бумажным полотенцем.

Твои свитера мне не подойдут, принцесса.

Она рассмеялась:

Не мои! Это свитера моего старого друга.

Она стояла вплотную к нему, и Зарек вдруг обнаружил, что не может двигаться, не может дышать. Не может думать ни о чем, кроме того, что, стоит чуть-чуть склонить голову — и он коснется губами этих нежных, чуть приоткрытых розовых губ...

Это так легко — прикоснуться к ней!

Но по-настоящему поразила, даже испугала его сила этого желания. Голова кружилась от жажды прижать Астрид к себе, ощутить всем телом мягкие, женственные изгибы ее тела.

Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь в жизни с такой силой чего-то хотел.

Зарек прикрыл глаза. Но это не помогло, — наоборот: теперь перед его мысленным взором с ошеломляющей ясностью предстала новая фантазия. Они с Астрид обнажены; он сажает ее на стойку в углу кухни, раздвигает ей ноги... и трахает до умопомрачения! Входит в ее жаркое лоно снова и снова, пока не рухнет без сил.

Он хотел ощутить тепло ее тела. Хотел ощутить ее дыхание. Пропитаться ее запахом.

И больше всего хотел узнать, каково быть с женщиной, которая не боится его и не презирает.

За все эти долгие столетия он ни разу не спал с женщиной иначе, как за плату.

Да и это случалось очень редко.

Он так долго был один...

И где теперь этот твой друг? — внезапно охрипшим голосом поинтересовался он. Мысль о том, что у Астрид был мужчина, оказалась неожиданно болезненной; Зарек даже не подозревал, что может испытывать боль по такому странному поводу.

В дверях появился Саша и коротко гавкнул.

Умер, — не задумываясь, ответила Астрид.

Зарек поднял бровь.

От чего?

М-м... от чумки.

Я думал, чумка — собачья болезнь.

Да, он заразился от собаки. Трагический случай.

«Эй, что ты несешь?» — негодуя воскликнул Саша.

«Ты заслужил еще и не такое! Веди себя прилично, а то и в самом деле на тебя чумку нашлю!»

Зарек отступил на шаг.

Тебе его не хватает?

Честно говоря, нет, — покосившись в сторону Саши, ответила она. — От него были одни неприятности.

«Неприятности? Ну, погоди! Настоящих неприятностей ты еще не видела!»

Астрид с трудом подавила улыбку.

Так что же, тебе нужна одежда? — спросила она Зарека.

Конечно.

Она повела его к себе в комнату.

В голове у нее гремели гневные вопли Саши: «Ах ты... да я тебя... ну погоди, я тебе отплачу! Помнишь свое любимое одеяло? Я из него лапшу сделаю! И шлепанцы я бы на твоём месте больше не надевал!»

Но Астрид не обращала на него внимания.

Зарек вошел следом за ней в ее комнату — уютную спальню в нежных бело-розовых тонах. Все говорило о том, что здесь живет женщина. Но особенно поразил его запах.

Запах свежего смолистого дерева — и цветов.

Такой же аромат исходил от нее самой.

От этого запаха все тело его болезненно напряглось. А его фаллос, возбужденный до боли,

уперся в штаны, властно требуя, чтобы Зарек прекратил наконец пялиться на Астрид и сделал следующий шаг!

Взгляд его против воли скользнул по кровати. Он ясно представлял себе, как она спит здесь, — нагое тело под розовым покрывалом расслаблено, нежные губы приоткрыты, как будто ждут поцелуя...

Вот здесь.

С трудом он заставил себя оторвать глаза от постели и повернуться к шкафу.

Астрид открыла его и указала Зареку на нижнюю полку, где в плетеной корзине для белья лежали разные мужские вещи.

Бери все, что хочешь.

Вот так предложение! Одна проблема: то, чего он больше всего хочет, находится вовсе не в шкафу. Поэтому Зарек просто поблагодарил девушку и достал из шкафа два свитера, черный и серый с высоким воротом, которые на вид должны были прийтись ему впору.

Пойду переоденусь, — сказал он.

И тут же спросил себя: почему он решил переодеться за закрытой дверью? Чего стесняется? Астрид? Так ведь она ничего не видит.

У себя дома он обычно вообще ходит полуголым.

Но то у себя. А в гостях это невежливо, правильно?

С каких это пор ты стал задумываться о вежливости? — спросил себя Зарек.

И сам себе ответил: с сегодняшнего дня.

Саша гавкнул ему вслед, затем подбежал к Астрид и начал шумно выражать ей свое недовольство.

Тихо, Саша! — прикрикнула Астрид. — Иначе будешь сегодня спать в гараже!

Не обращая на них внимания, Зарек скрылся в своей спальне.

Захлопнул за собой дверь, повесил свитера на спинку стула. Остановился, не понимая, что за странное чувство не дает ему покоя. В чем дело? Что такого она ему предложила? Всего-навсего смену одежды.

И еще — кров.

Еду.

Постель.

Зарек огляделся вокруг. В этой богатой, элегантно обставленной спальне он чувствовал себя чужаком. Не понимал, как себя вести, что делать дальше. Кажется, он ощущал давно забытое чувство — неуверенность в себе.

Здесь он чувствовал себя человеком.

А главное — впервые в жизни ощущал, что ему здесь рады. Этого он никогда не чувствовал с Шерон.

Шерон — как и все прочие, с кем он имел дело за эти столетия, — делала только то, за что он ей платил. Ни больше, ни меньше. И в ее доме он всегда ощущал себя непрошеным гостем.

Шерон держалась с ним холодно и формально, особенно после того, как он отказался разделить с ней постель. И он чувствовал: она его побаивается. Особенно когда рядом ее дочь. В такие минуты Шерон ощутимо напрягалась, как будто боялась, что он вдруг набросится на нее или на ребенка.

Это обижало Зарека, но к обидам он привык, так что просто старался не обращать внимания на эмоции Шерон.

А с Астрид все совсем по-другому.

Она ведет себя с ним, как с нормальным человеком. Рядом с ней легко забыть, что на самом деле он вовсе не нормальный.

Зарек быстро переоделся и вернулся в гостиную. Астрид сидела с ногами на диване; водя пальцем по странице: она читала брайлевскую книгу [8]. На полу у дивана растянулся Саша. Увидев Зарека, он поднял голову и мрачно уставился на него; можно было поклясться, что в серых волчьих глазах пылает ненависть.

Зарек — он захватил из кухни нож — присел у камина, выбрал из поленицы подходящий кусок дерева.

Как получилось, что у тебя живет волк? — спросил он, садясь перед камином, чтобы бросать стружки в огонь.

Он сам не знал, зачем с ней заговорил. Проще и привычнее было бы промолчать. Но неожиданно для самого себя Зарек обнаружил, что хочет узнать о девушке больше.

Астрид наклонилась, чтобы погладить волка, лежащего у ее ног.

Знаешь... почти так же, как с тобой. Я нашла его — раненного, истекающего кровью. Принесла домой и выходила. С тех пор он со мной.

Удивительно, что он дал себя приручить.

Я тоже этому удивляюсь, — улыбнулась Астрид. — Не так-то легко было убедить его, что мне можно доверять.

Зарек задумался, а затем произнес негромко:

«Надо запастись терпением. Сперва сядь вон там, поодаль, на траву — вот так».

Астрид открыла рот от удивления. Если бы Зарек вдруг на нее бросился, и тогда она не была бы так поражена, как сейчас, когда он вспомнил одну из ее любимых книг!

Ты знаешь «Маленького принца»?!

вернуться

8

Брайль Луи (1809 – 1852), французский тифлопедагог, ослепший в 3-летнем возрасте. В 1829 г. Разработал используемый до настоящего времени во всем мире рельефно-точечный шрифт для слепых (т.н. система Брайля). Тифлопедагогика – наука о воспитании и обучении лиц с нарушением зрения.

Да, читал когда-то.

Явно не просто «читал когда-то», если цитирует его наизусть! Астрид снова нагнулась к Саше, чтобы взглянуть на Зарека.

Он сидел к ней боком, освещенный пламенем, и отблеск огня играл в его полных глазах. Тонкий черный свитер облегал тело, словно вторая кожа. Лицо, даже припорошенное жесткой щетиной, — поразительно красиво.

Сейчас, когда он трудился над резной деревянной фигуркой, постоянное напряжение, казалось, его покинуло. Поза была спокойной, почти расслабленной, жесткие черты смягчились. Он выглядел почти умиротворенным.

Очень люблю эту книгу, — негромко проговорила она. — Одна из моих любимых.

Он не ответил: по-прежнему сидел, прикрыв глаза, и пальцы его легко и чутко скользили по деревянному бруску.

Сейчас он впервые не казался ей опасным хищником. Не то чтобы превратился в ягненка, — но темной, непредсказуемой ауры, окутывающей его плотнее, чем свитер и черные джинсы, она не ощущала.

— Ты читал «Маленького принца» в детстве? — спросила она.

— Нет, — тихо ответил он.

Склонив голову, Астрид следила за тем, как он работает.

Вдруг Зарек поднял голову. Нахмурившись, обернулся к ней.

Астрид поспешно оторвалась от Саши и села прямо.

Зарек, не шевелясь, рассматривал хозяйку дома и ее любимчика. Было в них что-то очень странное. Особенно в волке. Все его инстинкты подсказывали: что-то здесь нечисто! Зарек не сводил глаз с Саши.

Можно подумать, что...

Да нет, с какой стати? Ни один оборотень не станет обрекать себя на добровольное рабство у слепой девушки. Тем более — на Аляске, где из-за сильных электромагнитных полей трудно жить и катаяги, и аркадиянам: магнитное воздействие влияет на их магию и мешает им изменять облик.

Нет, такого быть не может!

И все же...

Он перевел взгляд на часы на каминной полке. Почти четыре. Для него время еще раннее, но большинство смертных в этот час спят крепким сном.

Ты всегда поздно ложишься, принцесса?

Иногда.

Тебе не нужно вставать на работу?

Нет, я не работаю. У меня есть состояние. А у тебя, Прекрасный Принц?

Зарек уронил руку на колено. «У меня есть состояние». Ничего себе! Выходит, она еще богаче, чем он думал!

Нечего сказать, удобно устроилась!

Астрид уловила в его голосе горечь.

Не любишь богатых?

У меня нет предрассудков, принцесса: я ненавижу всех одинаково.

О да, об этом она слышала! Артемида расписала ей в самых ярких красках, насколько Зарек груб, неотесан, ненавидит всех вокруг, обожает говорить людям гадости — и вообще он сущая заноза в заднице!

Учитывая характер самой Артемиды, такая характеристика что-то да значила.

Зарек, ты не ответил на вопрос. Ты где-то работаешь?

То здесь, то там.

Что значит «то здесь, то там»? Ты бродяга?

А если я отвечу «да»? Выставишь меня за дверь?

Этот вопрос он задал ровным, безразличным тоном, но Астрид ощутила, что он напряженно ждет ответа. Какая-то часть его хочет, чтобы Астрид вышвырнула его вон.

Или, по крайней мере, ждет этого.

Нет, Зарек. Я ведь уже сказала: ты мой гость.

Зарек замер с деревяшкой в руках, неотрывно глядя в огонь. От этих слов внутри у него что-то дрогнуло. Он смотрел на пламя, но видел лишь ее лицо. А слова ее снова и снова эхом откликались в сердце, которое, как думал Зарек еще секунду назад, заledenело навеки.

Никто и никогда не проявлял к нему гостеприимства.

Если я тебя убью, об этом никто никогда не узнает.

А ты убьешь меня, Зарек?

Зарек скривился: его пронзила боль воспоминаний. Он снова шел по разоренной деревне, среди пылающих домов и залитых кровью трупов...

Они ждали от него защиты!

А он — он убил их всех.

И даже не знал почему. Он не помнил, что произошло. Помнил лишь всепоглощающую ярость, неутолимую жажду крови и мщения.

Надеюсь, что нет, принцесса, — прошептал он.

А затем, поднявшись, ушел к себе в спальню и запер за собой дверь.

Оставалось лишь надеяться, что она сделает то же самое.

Несколько часов спустя Астрид прислушивалась к тяжелому дыханию Зарека. Он, наконец уснул, но сон его был беспокойным и, как видно, полным кошмаров.

Дом затих: казалось, все в нем переводит дух после пережитой опасности. Темная аура рассеялась, и все вновь стало мирным и уютным. Все, кроме мужчины, который метался сейчас на постели за закрытой дверью.

А сама Астрид была слишком измучена, чтобы заснуть. Десятки вопросов не давали покоя ее голове.

Дорого дала бы она сейчас, чтобы поговорить о Зареке с Ашероном! Спросить, почему он считает, что этот человек достоин оправдания. Однако Артемида потребовала, чтобы во время расследования Ашерон и Астрид не общались друг с другом. Таково условие сделки: стоит его нарушить — и богиня уничтожит Зарека немедленно.

Значит, Астрид должна выяснить правду о своем госте как-то иначе.

Астрид взглянула на Сашу, мирно спящего у кровати. С волком-оборотнем она познакомилась много столетий назад. Он был еще щенком, когда его родная стая вступила в войну с Артемидой на стороне ее давней соперницы — египетской богини Баст.

Война окончилась победой Артемиды, и торжествующая богиня потребовала суда над всеми, кто осмелился выступить против нее. Лера, сводная сестра Астрид, признала виновными всех воинов-катагари, кроме Саши: он в то время был слишком молод, чтобы нести ответственность за подчинение вожаку.

Саше было всего четырнадцать лет; но стая обратилась против него, решив, что он предательством купил себе прощение. В мире катагари действуют жестокие звериные законы. Личность значит очень мало, а стая и верность ей — все. Всякий, в ком стая видит себе угрозу, приговаривается к уничтожению.

Сородичи едва не растерзали Сашу. Астрид нашла его израненным и выходила — и с тех пор, хоть он и терпеть не мог олимпийских богов, для нее делал исключение.

Конечно, он мог уйти, но куда? Его смерти жаждали и охотники-аркадяне, потому что однажды

он восстал против богов Олимпа, и сородичи-катагари — потому что считали его предателем своей стаи.

Даже сейчас ему приходилось соблюдать осторожность.

А в то время перепуганному щенку некуда было бежать, и они с Астрид заключили что-то вроде союза, устраивающего обоих. Она защищала его от врагов, а он помогал ей, когда, оказавшись на земле, она лишалась зрения.

Со временем они сдружились, и теперь Саша оставался с ней по собственной воле.

Он давно вырос, и его магические способности, свойственные всем катагари, теперь далеко превосходили ее собственные. Порой Саша пользовался своими силами по ее просьбе.

Астрид задумалась о том, чтобы обратиться к нему с такой просьбой сейчас.

Катагари умеют путешествовать во времени...

Нет, не подходит. Слишком рискованно. Можно не вернуться к назначенному сроку, — а когда Зарек проснется, она должна быть здесь.

В такие минуты Астрид жалела о том, что она — всего лишь нимфа. Будь она настоящей богиней...

И вдруг лицо ее озарилось улыбкой. Она поняла, что нужно делать.

М'Адок! — негромко воззвала она к одному из онэрос, богов сновидений, повелевающих фантозисом — таинственной областью сна, располагающейся между сознанием и бессознательным.

И в тот же миг ощутила, как воздух вокруг нее сгустился и замерцал незримой, но мощной энергией. Онэрос явился на зов.

Сейчас Астрид не могла его увидеть, но, как он выглядит, прекрасно помнила. Почти семи футов ростом, М'Адок всегда подавлял ее своим величием. Длинные, струящиеся по плечам волосы, черные, как сама ночь, глаза — бледно-голубые, почти серебристые, словно таинственный свет луны... Бог сновидений был поразительно красив.

— Доброй ночи, кузина! — Голос его, звучный и мощный, был поразительно ровен, словно лишен всяких чувств. Так оно и было — повелителям сновидений чувства неведомы. — Давно не виделись. Кажется, триста лет — или уже четыреста?

Астрид кивнула:

У меня было много дел.

Он легко прикоснулся к ее плечу:

Что тебе нужно от меня?

Ты знаешь Темного Охотника по имени Зарек?

Онэрос постоянно работают с Темными Охотниками — исцеляют их и физически, и духовно. Как правило, Темным Охотником становится человек, при жизни претерпевший много зла и

несправедливости, измученный и ожесточенный. Прежде чем приступить к работе, ему требуется своего рода психотерапия. Ловцы Снов входят в сны новых Охотников и исцеляют их, возвращая им покой и самообладание, чтобы во время своей опасной службы Охотники не вредили ни себе, ни другим.

Но и после этого онэрос и Охотники часто встречаются. Именно Ловцы Снов даруют Охотникам сверхъестественно быстрое и легкое исцеление от ран. Вот почему раненый Охотник испытывает непреодолимую потребность во сне.

Да, я о нем знаю.

Астрид ожидала продолжения. Но М'Адок молчал, и она снова спросила:

Что же ты знаешь о нем?

Что никто из нас не в силах ему помочь.

Астрид вздрогнула. Ничего подобного она никогда не слышала.

Как, совсем?

Порой в его сны заглядывают скотос, но лишь для того, чтобы напиться его яростью. И даже они не в силах оставаться там надолго.

Астрид слушала его со все возрастающим изумлением. Скотос, братья и сестры онэрос, в сущности, просто демоны. Эти повелители дурных снов, неспособные испытывать чувства сами, питаются эмоциями спящих и, если оставить их без присмотра, запросто могут свести с ума или убить того, кого «лечат».

Явление скотос не может помочь Зареку — напротив, способно лишь усилить его безумие!

Но почему он... такой? Откуда в нем столько ярости?

Не все ли равно? — отозвался М'Адок. — Я слышал, что он должен умереть.

Я обещала Ашерону свершить над ним справедливый суд. Он умрет, только если я признаю его виновным.

Тогда признай его виновным поскорее — и покончи с этим.

Почему все так мечтают убить Зарека? Астрид не понимала этой всеобщей враждебности. Неудивительно, что он озлоблен на весь свет!

Есть ли на свете хоть кто-нибудь, кто его... кому он хотя бы нравится?

Ни разу за целую вечность Астрид не слышала, чтобы М'Адок, неизменно бесстрастный и сдержанный, говорил о ком-то вот так.

Что ты такое говоришь? Это совсем на тебя не похоже!

Послышался глубокий вздох, и рука его сильнее сжала ее плечо.

Астрид, бешеную собаку не вылечишь. Ее лучше всего усыпить. Лучше для всех — и прежде всего для нее самой.

Хочешь сказать, существование в мире теней может быть лучше жизни? Да ты с ума сошел!

Для Зарека так действительно будет намного лучше.

Если так, — с ужасом и отвращением проговорила Астрид, — почему Ашерон не убьет его сам, из милосердия?

Потому что для Ашерона это будет слишком похоже на самоубийство.

О чем ты говоришь? — спросила Астрид после долгого молчания. — Я не вижу между ними ничего общего.

Ей показалось, что сознание М'Адока мягко соприкасается с ее сознанием.

У Ашерона и Зарека общего очень много. Правда, большинство людей этого не видят и не понимают. Но, думаю, Ашерон чувствует: если нельзя спасти Зарека, значит, нельзя спасти и его самого.

Спасти от чего?

От самого себя. Оба они стремятся к страданию и саморазрушению.

При этих словах странное чувство охватило Астрид — что-то вроде острой боли, но не в теле, а в душе. Давнее, почти забытое чувство. Сострадание. Ей стало страшно жаль их обоих.

И особенно — Зарека.

Что значит «они стремятся к страданию и саморазрушению»? В чем это проявляется?

М'Адок молчал. Впрочем, он и так уже сказал очень много. Обычно боги сновидений немногословны и загадочны, как оракулы.

М'Адок, покажи мне, почему Зарека все ненавидят!

Вряд ли ты захочешь...

Покажи! — настаивала она. Астрид чувствовала, что должна это знать, и в глубине души догадывалась, что ее влечет уже не профессиональный интерес Судьи к подсудимому. А нечто большее.

Это запрещено, — бесстрастно ответил М'Адок.

Я готова вытерпеть любое наказание. Покажи мне! Пожалуйста!

М'Адок помог ей сесть на кровать.

Откинувшись на подушку, Астрид позволила Ловцу Снов погрузить ее в сон. Иногда боги сновидений усыпляли людей особыми дурманами, иногда — магическим туманом. Неизвестно, какой метод использовал М'Адок на сей раз, но, едва закрыв глаза, Астрид перенеслась в царство Морфея.

Здесь зрение ее не покидало, даже на земле. Поэтому во время работы Астрид любила находить отдых от слепоты в сновидениях. Рядом с ней бесшумно материализовался М'Адок. В царстве снов его мужественная красота казалась ослепительной, на него было почти больно

смотреть.

Ты уверена, что хочешь этого?

Она кивнула.

Вместе с М'Адоком они мгновенно пронеслись сквозь анфиладу фантастических покоев и очутились в Зале Тысячи Дверей. Отсюда Каллитехнис — повелитель снов — мог проникнуть в сон любого смертного. Тысячи тысяч дверей Зала открывались в прошлое, в будущее, в таинственные области, лежащие за пределами человеческого сознания.

М'Адок, словно в нерешительности, остановился у одной из дверей.

Ему снится прошлое.

Я хочу посмотреть!

Поколебавшись, он распахнул дверь.

Астрид переступила порог и осторожно вошла. Она не знала, может ли Зарек увидеть ее во сне. Боги сновидений остаются для сновидцев невидимыми, если сами не захотят им явиться, — но как насчет нее? Пожалуй, не стоит подходить близко. Лучше остаться незамеченной.

Астрид огляделась вокруг.

С первого взгляда ее поразила яркость и живость сна Зарека. Как правило, сны смертных смутны и довольно невразумительны: но здесь все выглядело так же ясно и четко, как в реальном мире, оставшемся у них за спиной.

Перед ней — античный дворик, а в нем собрались кружком трое мальчуганов в туниках.

Мальчишки, возрастом примерно от четырех до восьми лет, прыгают, смеются и тыкают палками во что-то, лежащее на земле.

К ним подбежал еще один мальчик, лет двенадцати. Черноволосый и синеглазый, он разительно напоминал мужчину, который сейчас метался в тисках кошмара у нее в спальне.

Это Зарек?

М'Адок покачал головой.

Марий, его сводный брат.

Марий, он не хочет это есть! — крикнул ему один из мальчишек и пнул то, что лежало на земле (Астрид все еще не могла разглядеть, что это), ногой.

Марий взял из рук брата палку и с размаху опустил ее на бесформенную грудку тряпья.

В чем дело, раб? Гнилая капуста — слишком изысканное лакомство для тебя?

Астрид ахнула: она наконец поняла, что лежит на земле. Еще один ребенок. Мальчик в лохмотьях. Он сжался в комок, прикрывая голову руками: в его позе и образе не осталось почти ничего человеческого.

Дети прыгали вокруг него, хохотали, тыкали в него палками, пинали ногами, выкрикивали насмешки и оскорбления. Он не двигался и не отвечал.

Кто они? — спросила она.

Сводные братья Зарека. С Марием ты уже знакома. Кареглазый, в синей тунике — Марк. Ему здесь, кажется, лет девять. Самый младший, в красной тунике — Луций, ему только что исполнилось пять. Средний — Эскул.

А где Зарек?

Зарек — тот, что на земле.

Астрид ожидала такого ответа — и все же скривилась, словно от боли. Она не могла оторвать глаз от скорчившегося и недвижимого ребенка в лохмотьях. Что ни делали с ним мучители, как ни оскорбляли его, как ни били — он не шевелился.

Почему они над ним издеваются?

Серебристые глаза М'Адока окрасились печалью. Астрид поняла: он воспринимает эмоции спящего Зарека.

Потому что им это позволяют. И даже требуют этого. Они — сыновья Гая Магнуса, надменного и жестокого патриция. Он — настоящий тиран и правит в своем доме железной рукой. Их мать он предал смерти за то, что она осмелилась улыбнуться другому мужчине.

Астрид слушала со все возрастающим ужасом.

Магнус сам учил сыновей издеваться над рабами — так он приучал их к жестокосердию. Зареку не повезло дважды: первый раз — когда он сделался мальчиком для битья в доме Магнуса. Второй раз — потому что, в отличие от многих своих товарищей по несчастью, он выжил.

Астрид едва понимала его слова. В голове у нее стоял туман. За свою долгую жизнь она несчетное множество раз сталкивалась с человеческой жестокостью, но такое...

Неужели отец сам поощрял своих детей, совсем еще маленьких, так обращаться с другим ребенком? Тем более — с родственником?

Ты сказал, они сводные братья Зарека. Почему же он в рабстве? У них общая мать?

Нет, отец. Однажды Гай Магнус изнасиловал рабыню-гречанку в доме своего дяди. Она забеременела. Когда родился ребенок, подкупила другую рабыню, чтобы та расправилась с младенцем. Но женщина пожалела новорожденного и не стала его убивать, а отнесла в дом отца.

Астрид снова взглянула на мальчика, скорчившегося на земле.

Но отцу он тоже оказался не нужен. — Это был не вопрос, а констатация факта.

Без сомнения, в этом доме малыш не был нужен ни одной живой душе!

Даже хуже того. Для отца Зарек был отвратительным существом, недочеловеком, в жилах которого благородная кровь римского патриция смешалась с презренной кровью рабыни. Так

что Гай сделал Зарека своим рабом. Но другие рабы видели в нем сына жестокого господина и вымешали на нем гнев и ненависть к его отцу. Всякий раз, когда кто-либо из рабов или слуг бывал обижен отцом или братьями Зарека, доставалось мальчику. Он сделался всеобщим козлом отпущения.

Тем временем Марий схватил Зарека за волосы и заставил подняться. У Астрид перехватило дыхание, когда она увидела покрытое шрамами лицо мальчика. В свои десять лет он был уже так страшно изуродован, что почти потерял человеческий облик.

В чем дело, раб? Ты не голоден?

Зарек молча вертел головой, пытаясь освободиться от хватки Мария. С его губ не слетало ни слова протеста, должно быть, он слишком хорошо понимал, что жаловаться и протестовать бессмысленно. А может быть, просто привык к издевательствам.

Отпусти его!

К братьям подбежал еще один мальчик, ровесник Зарека, — такой же черноволосый и синеглазый, очень похожий на своих братьев.

Он толкнул Мария, заставив того отпустить Зарека, и заломил ему руку за спину.

Валерий, — подсказал М'Адок. — Еще один из братьев Зарека.

В чем дело, Марий? — воскликнул Валерий. — Или ты забыл о чести? Как ты можешь нападать на того, кто намного слабее тебя? Смотри, он еле держится на ногах!

Марий вывернулся из его хватки и с размаху ударил Валерия, опрокинув его наземь.

Слабак с заячьей душонкой! Не могу поверить, что этот жалкий трус носит имя нашего деда! — презрительно процедил он. — Вспомни, что говорит отец: только сильные и безжалостные владеют миром! А ты вечно жалеешь слабых, бросаешься защищать тех, кто сам себя защитить не может! Можно подумать, что нас с тобой носила не одна мать!

Другие мальчишки набросились на Валерия, а старший брат вернулся к Зареку.

— Ты прав, раб, — проговорил он, снова хватая Зарека за волосы. — Гнилой капустой ты не заслужил. Навоз — вот пища, достойная тебя!

И Марий потащил его к навозной куче.

Но в этот миг Астрид вырвалась из сна Зарека, не в силах смотреть на то, что произойдет дальше.

Привыкшая бесстрастно взирать на зло, творимое людьми, сейчас она была поражена и испугана собственными чувствами. Ее буквально трясло от ярости и сострадания к Зареку.

Возможна ли такая жестокость?

И как Зарек выносил все это — и продолжал жить?

В этот миг она готова была проклясть своих сестер — Судеб, распоряжающихся людскими жизнями.

Разумеется, даже Судьбы не всемогущи. В конечном счете свою судьбу каждый определяет сам. Астрид знала об этом, но это не могло ее утешить. Разве выбирал свою судьбу этот несчастный, забитый ребенок?

Ребенок, выросший в угрюмого и озлобленного мужчину...

Стоит ли этому удивляться? Чего еще ждать от того, кто рос, не чувствуя ничего, кроме боли, не видя от окружающих ничего, кроме презрения?

Я тебя предупреждал, — проговорил, бесшумно вырастая с ней рядом, М'Адок. — Вот почему даже скотос редко посещают его сны. Честно говоря, это еще одно из самых безобидных воспоминаний.

Не понимаю, как он выжил, — растерянно прошептала она. — Почему не покончил с собой?

М'Адок окинул ее внимательным взглядом.

На этот вопрос может ответить только сам Зарек.

И протянул ей прозрачную чашу, до краев наполненную багряной влагой.

Астрид молча смотрела на рубиново-красное зелье, так похожее на кровь. Идиос. Один из магических напитков онэрос. Испив его, можно на краткое время слиться со сновидцем, войти в его сознание, ощутить его мысли, чувства и воспоминания, как свои.

Обычно боги сновидений используют это средство, чтобы помочь сновидцу понять другого человека, на несколько мгновений став с ним единым целым.

Лишь трое из Ловцов Снов — М'Адок, М'Ордант и Д'Алериан — обладают этим зельем. Благодаря ему мы, заснув в гневе и обиде на кого-то из близких, порой просыпаемся умиротворенными, полными понимания и сострадания.

Один глоток — и сознание Астрид сольется с сознанием спящего Зарека. Она познает всю глубину его души.

Поймет все чувства, которые им движут.

Станет с ним одним целым...

Серьезный шаг. В глубине души Астрид понимала: после этого ей уже никогда не быть такой, как прежде.

Что, если, проникнув в сердце Зарека, она не найдет там ничего, кроме злобы и ненависти? Что, если он действительно кровожадный зверь, каким считают его все вокруг?

Один глоток — и она узнает правду...

Астрид приняла чашу и решительно отпила зелье.

Она не знала, что снится Зареку сейчас, — лишь надеялась, что прежний сон уже сменился каким-то иным.

Так оно и оказалось.

В нынешнем сне Зареку было уже четырнадцать лет.

Поначалу Астрид показалось, что к ней вернулась слепота, но в следующий миг она сообразила, что «видит» мир глазами Зарека. Точнее, одним глазом. Левый глаз не открывался: вся левая сторона лица была страшно изувечена и болела при каждом движении. С правым глазом тоже было что-то неладно: его затягивала какая-то мутная пленка вроде катаракты. Через несколько минут, когда воспоминания Зарека достигли сознания Астрид, она поняла, что произошло.

Роговицу правого глаза ему повредил два года назад стражник, избивший его на рынке по приказу матери. А левый глаз он потерял еще раньше, когда Валерий, его брат, избивал его кнутом по приказу отца.

Так что теперь Зарек почти ничего не видел.

Впрочем, это не слишком его огорчало. Быть полузрячим — значит не видеть собственного отражения, не замечать презрения и отвращения на лицах окружающих. Это не так уж плохо.

Зарек ковылял по людной улице, ведущей к рынку. Шел он с трудом — правая нога, не раз перебитая в разных местах и неправильно сросшаяся, была короче левой и почти не сгибалась: от этого Зарек сильно хромал. Правая рука болталась, как плеть — неподвижная и почти бесполезная.

В здоровой левой руке Зарек держал три кодранта. Мелкие монетки, для большинства римлян — ничтожные гроши; но для него — настоящая драгоценность.

Валерий, поссорившись с Марием, выбросил в окно его кошелек с мелочью. Марий отправил раба собрать монеты, однако три кодранта остались ненайденными. Дело в том, что они упали Зареку на спину, а затем скатились к его ногам.

Сначала Зарек хотел вернуть деньги хозяину. Но он прекрасно понимал, что благодарности за это не получит. Марий, старший и самый жестокий из братьев, терпеть не мог уродливого раба: Зарек знал, что стоит попасться ему на глаза — и он будет безжалостно избит.

А Валерий...

Его Зарек ненавидел еще сильнее прочих. В отличие от остальных, Валерий порой старался за него заступиться, но всякий раз в результате Зареку доставалось еще сильнее.

Как и все в семье, Зарек терпеть не мог Валерия за мягкотелость. Лучше бы Валерий плевал на него, как это делали другие! Но этот хлюпик, вечно играющий в благородство, то пытался ему помочь — и всякий раз неудачно, то, пойманный на этом деле, лупил его еще сильнее всех прочих, надеясь этим доказать, что он не слабак и не трус.

Зарек ковылял к прилавку булочника, куда манил его чудный запах. Горячий, нежный, сытный запах свежеевыпеченного хлеба. При одной мысли о том, чтобы попробовать хоть кусочек, сердце его начинало биться быстрее, а рот наполнялся слюной.

Вокруг него то и дело раздавались брань и проклятия. Затуманенным взором Зарек видел, как люди стараются отойти от него подальше.

Ну и наплевать. С самого рождения Зарек знал, что вызывает у людей только омерзение. И теперь это его уже почти не волновало.

Если бы у него был выбор, он бы и сам постарался держаться подальше от самого себя. Но, увы, до конца жизни он обречен существовать в этом безобразном, искореженном теле.

Хотел бы он быть не только полуслепым, но и глухим! Тогда он не слышал бы оскорблений.

Зарек приблизился к прилавку, где стояли корзины со свежим хлебом.

Эй ты, пошел отсюда! — рявкнул на него молодой, судя по голосу, булочник.

Прошу вас, добрый господин, — пробормотал Зарек, не отрывая взгляда от земли, — я хотел бы только купить ломоть хлеба...

Иди отсюда, бродяга! Нищим не подаем!

Он ощутил удар по голове.

Привыкший к боли, Зарек даже не поморщился. Он попытался на ощупь сунуть в руку продавцу свои монетки, но кто-то стукнул его по руке, и драгоценные кодранты улетели в грязь.

Зарек рухнул на колени, начал ощупывать землю под ногами в поисках денег. Он щурился и моргал, отчаянно пытаясь что-то разглядеть.

Неужели все потеряно? Нет! Пожалуйста, только не это! Он не может потерять деньги! Ведь неизвестно, когда ему так повезет в следующий раз — и повезет ли вообще!

С яростью, порожденной отчаянием, он снова и снова месил руками грязь.

Где же его монеты?

Где?!

Наконец ему удалось нащупать одну монетку, но в этот миг на спину ему звучно опустилось что-то, по ощущению похожее на метлу.

А ну, брысь отсюда! — взвизгнул над ухом женский голос. — Всех покупателей нам распугаешь, урод!

Зарек продолжал искать деньги — привычный к битью, он почти не почувствовал удара.

Но в следующий миг булочник наградил его чувствительным пинком под ребра.

Ты что, глухой? — прорычал он. — Убирайся, падаль, а то стражу позову!

Эту угрозу Зарек воспринял всерьез. Последняя встреча с рыночной стражей стоила ему глаза. Он не хотел лишиться зрения окончательно.

При воспоминании о матери сердце его сжалось — он не мог забыть, как приняла она давно потерянного сына.

Но еще ярче отпечаталось в памяти то, как встретил его дома отец.

По сравнению с тем, как он наказал Зарека, побои стражи показались ему дружеской лаской.

Зареку не разрешалось выходить за пределы виллы. Если отец узнает, что он снова убежал на рынок, — страшно даже подумать, что он с ним сделает! Не говоря уж о трех украденных монетах...

Точнее, уже об одной.

Зажав в кулаке свою единственную денежку, он захромал прочь от прилавка булочника — так быстро, как только позволяло его искалеченное тело.

Пробираясь сквозь толпу, он ощутил у себя на щеке что-то мокрое. Провел грязными пальцами по лицу. Кровь.

Устало вздохнув, ощупал голову и обнаружил ссадину над бровью. Не слишком глубокую. Но болезненную.

Зарек привычно утер рукавом потеки крови, смешанные с грязью и слезами.

Он хотел просто съесть кусок хлеба! Вкусного свежего хлеба. Неужели для такого, как он, и это недоступная роскошь?

Он оглянулся вокруг себя, щурясь и принюхиваясь, надеясь найти по запаху еще одного булочника.

Зарек!

Услышав голос Валерия, Зарек сжался, словно испуганный зверек.

В следующий миг он, прихрамывая, пустился бежать назад, к вилле. Но далеко не убежал — брат нагнал его.

Крепкая хватка Валерия остановила его на бегу.

Что ты здесь делаешь? — поинтересовался брат, грубо тряхнув его за больное плечо. — Представляешь, что будет, если тебя увидит здесь кто-нибудь с виллы?

Еще бы!

Но от испуга Зарек не мог ответить. Трясаясь всем телом, словно подстреленная птица, он закрыл лицо руками в ожидании града ударов, который мог обрушиться на него в любой момент.

Зарек! — с отвращением в голосе проговорил Валерий. — Ну почему ты никогда не делаешь то, что тебе говорят? Право, можно подумать, тебе просто нравятся побои!

И, схватив его за больное плечо, брат подтолкнул его по направлению к вилле.

Зарек споткнулся и упал.

Последняя монетка выпала из его кулака и покатилась по мостовой.

Нет! — простонал Зарек и пополз за ней.

Валерий поймал его и силком поднял на ноги.

Да что с тобой такое?

Затуманенным взором Зарек увидел, как его монету подобрал какой-то мальчишка и убежал с ней. Желудок его сжался от голода, а сердце — от горечи поражения.

Я хотел купить себе кусок хлеба... — прошептал он дрожащими губами.

Разве у тебя дома хлеба нет?

Нет. Хлеб едят Валерий и его братья, а Зареку достаются лишь объедки, которыми брезгуют даже собаки, не говоря уже о других рабах.

Ему хотелось раз в жизни съесть что-то свежее! Не объедки из чужой миски, не помои, в которые кто-то плевал...

Это еще что такое?!

Зарек съежился, услышав над головой оглушительный бас. Этот голос всегда доставлял ему неприятные ощущения, словно скрежет железа по стеклу. Он сжался, словно надеялся сделаться невидимым, хоть и знал, что это бесполезно.

От зорких глаз воина, который остановил перед ними коня, ничто не могло укрыться.

Валерий испугался не меньше Зарека. Как всегда в разговорах с отцом, он начал заикаться:

Я-я-я... м-м-мы....

Что здесь делает этот раб?

Зарек отступил назад. Валерий сглотнул, расширив глаза; Зарек догадался, что брат пытается придумать, как его выгородить.

М-м-мы с н-н-ним х-ходили н-н-на рынок, — ответил он наконец.

Ты — с этим рабом? — недоверчиво переспросил отец. — Зачем? Новый кнут для него выбирал, что ли?

Зарек молил всех богов, чтобы Валерий ничего больше не выдумывал. Всякий раз, когда он пытался обмануть отца, выходило только хуже.

Сам Зарек не осмеливался открыть рот: он слишком хорошо знал, что бывает с рабами за любое лишнее слово.

А уж заговорить с отцом без его позволения...

Н-н-ну... я...

Прорывав проклятие, отец с размаху ударил Валерия по лицу. Мальчик упал; из его носа заструилась кровь.

Мне надоело смотреть, как ты с ним нянчишься!

Спрыгнув с лошади, отец бросился к Зареку. Тот рухнул на колени и прикрыл руками голову, ожидая града ударов.

Отец пнул его под ребра.

Встать, пес!

Но от боли и ужаса Зарек не мог ни двигаться, ни даже дышать.

Встать, кому я сказал!

Зарек с трудом поднялся на ноги. Больше всего ему хотелось броситься наутек, но он знал: если бежать — догонят и накажут еще сильнее.

Так что он стоял неподвижно, ожидая новых побоев.

Отец схватил его за шею. Затем обернулся к Валерию, который тем временем тоже поднялся с земли, подтащил его к себе за шиворот, злобно оскалился ему в лицо:

Жалкий ублюдок! В тебе нет ни капли моей крови! Хотел бы я знать, от какого труса зачала тебя твоя шлюха-мать?

В синих глазах Валерия сверкнула боль, но лицо его осталось бесстрастным. Он привык выслушивать от отца подобные оскорбления — явно несправедливые: ведь он больше всех братьев был похож внешне на Гая Магнуса.

Отец оттолкнул Валерия, а Зарека потащил за волосы к торговым рядам.

Зарек хотел перехватить руку отца, чтобы было не так больно, но не осмеливался.

Страшно даже представить, что сделал бы отец, если бы Зарек вдруг к нему прикоснулся.

Перед ними вырос суевликий пожилой человек.

Ты торгуешь рабами? — спросил отец.

Да, господин. Хотите купить раба?

Нет, продать. Вот этого.

Зарек ахнул, сообразив, что происходит. Как ни тяжело жилось ему в доме отца, мысль о том, чтобы покинуть этот дом, его ужасала. От товарищей по рабству он слышал немало страшных историй о том, что может произойти с бесправным и беззащитным рабом в других местах.

Старый работородец устремил масляный взгляд на Валерия.

Тот побледнел и отступил на шаг.

Красивый мальчик, господин. Я дам за него хорошую цену.

Да не его! — рявкнул полководец. — Вот этого!

И он подтолкнул Зарека к работородцу. Тот зажал нос и скорчил недовольную гримасу.

Вы шутите?

Вовсе нет.

Отец...

Придержи язык, Валерий, иначе вместе с ним продам и тебя!

Валерий бросил в сторону Зарека сочувственный взгляд, но все-таки мудро решил промолчать.

Работорговец покачал головой:

Этого не возьму. Какой в нем прок? Кому и на что он может согдиться?

Может быть мальчиком для битья.

Ну, нет, для этого он слишком взрослый. Мои покупатели предпочитают мальчишек помоложе и посимпатичнее. А этот... с такой рожей — только милостыню просить!

Возьми его даром. Приплачу еще два денария.

Зарек ахнул от изумления. Отец собирается отдать его работорговцу с приплатой?! О таком он никогда не слыхивал!

Ну... за четыре, пожалуй, возьму.

Три.

Работорговец кивнул:

Будь по-вашему, три.

От унижения у Зарека перехватило дух. Даже самый дешевый раб стоит не меньше двух тысяч денариев! А он... выходит, он так ничтожен, что отец готов заплатить, лишь бы от него избавиться?

Да, все так и есть.

Он — ничтожество. Он ничего не стоит. У всех вокруг он вызывает только ненависть и омерзение.

Затуманенными от слез глазами он наблюдал, как отец отдает торговцу деньги и, не удостоив Зарека ни единым взглядом, берет за руку Валерия и тащит его за собой.

В поле его зрения появился новый незнакомец, очень похожий на работорговца, но помоложе. Увидев Зарека, он скривился:

Отец, и что мы будем с ним делать?

Работорговец задумчиво попробовал монеты на зуб.

Отправь его чистить выгребную яму для рабов. Так нам пришлось бы нанимать человека, а этот будет работать бесплатно. А коль заболит или помрет — туда ему и дорога.

Сын работорговца ухмыльнулся.

Пошли, чучело, — приказал он, подтолкнув Зарека тростью. — Приступай к своим новым обязанностям.

Астрид вырвалась из сна, словно из западни. Сердце ее колотилось как безумное. Лежа в постели, окруженная привычной тьмой, снова и снова переживала она боль Зарека.

Никогда она не испытывала такого отчаяния. Такого горя.

Такого отвращения к миру и к себе.

Зарек ненавидел всех вокруг, но сильнее всех — самого себя.

Неудивительно, что он безумен. Как сохранить рассудок после такого?

М'Адок! — прошептала она.

Я здесь. — Он сел рядом.

Оставь мне немного идиоса. И принеси настойки лотоса.

Ты уверена?

Да.

Глава 7

Зарек проснулся вскоре после полудня. Как правило, он не спал днем — скорее дремал. Летом в его хижине было слишком жарко для спокойного сна, а зимой — слишком холодно.

Но больше всего беспокоили его сны. Во сне к Зареку неизменно возвращались призраки прошлого. Наяву он умел бороться с воспоминаниями, но во сне оказывался перед ними беззащитен.

Однако, открыв глаза и прислушавшись к вою ветра за окном, он мгновенно перенесся в настоящее.

Он в доме Астрид.

Прошлой ночью он наглухо задернул шторы, так что не знал, продолжается ли снегопад. Впрочем, какая разница? До сумерек он все равно заточен здесь.

Вместе с ней.

Он поднялся с кровати и направился к кухне. Эх, оказаться бы сейчас дома! Как ему не хватает выпивки! Водка не убивает воспоминания, но приятное жжение в горле и в желудке по крайней мере немного от них отвлекает.

Зарек!

Знакомый голос, нежный, словно прикосновение шелковой ткани. Его тело мгновенно отреагировало на этот звук.

Достаточно было мысленно произнести ее имя, и его естество затвердевало, как скала, полное желания.

Что? — Он сам не знал, зачем ей ответил.

С тобой все в порядке?

Вместо ответа он фыркнул. Ни разу в жизни с ним не бывало «все в порядке»!

У тебя есть что-нибудь выпить?

Есть чай и апельсиновый сок.

Я о спиртном, принцесса. Найдется туту тебя что-нибудь кусачее?

Разве что Саша. Ну и ты сам, конечно.

Зарек взглянул на свою руку: на ней еще багровели шрамы, оставленные вчера зубами этого щеночка. У любого другого Охотника от шрамов давно бы не осталось и следа. Но Зарек исцелялся медленнее прочих: его раны будут заживать еще несколько дней.

Как и дыра в спине.

Вздохнув, он открыл холодильник, достал оттуда пакет апельсинового сока. Снял крышечку и уже поднес его к губам, как вдруг вспомнил, что он вообще-то находится в чужом доме.

«Что за ерунда! Пей спокойно, она все равно не увидит!» Но какая-то часть его разума возражала: нет, так не годится.

Зарек достал из кухонного шкафа стакан, налил себе сока и начал пить не торопясь, мелкими глотками.

Астрид слышала, что Зарек еще на кухне, — но передвигался он так тихо, что ей приходилось напряженно прислушиваться, пытаясь понять, что он делает.

Вытянув перед собой руку, она двинулась в сторону раковины.

Есть хочешь?

В этот миг рука ее наткнулась на что-то теплое.

На горячее, гладкое, мускулистое мужское бедро.

Манящее. Влекущее. Полное соблазна.

Пораженная этим неожиданным ощущением, она удивленно провела рукой по его телу — и сообразила, что Зарек стоит перед ней в чем мать родила.

Совершенно голый мужчина. У нее на кухне.

Сердце ее отчаянно забилося.

Он отодвинулся.

Не трогай меня!

Она вздрогнула, ясно расслышав в его голосе гнев.

А где твоя одежда?

Я не сплю в штанах.

Рука ее еще горела от прикосновения к его телу.

Знаешь, мог бы надеть штаны, перед тем как выйти на кухню!

Зачем? Ты же все равно меня не увидишь.

Она-то не увидит, а вот Саша...

Дорогой мой Прекрасный Принц, поверь, нет нужды напоминать мне о моем дефекте. Я прекрасно помню, что слепа.

Считай, тебе повезло.

Почему?

Невелико удовольствие — смотреть на меня.

Эти слова ее ошаршили. Даже не сами слова, а простота и искренность, с которыми они прозвучали. Что он такое говорит?! Тот человек, которого она видела глазами Саши, не просто хорош собой — он великолепен!

Никогда в жизни она не видела такой мужественной красоты!

Но тут же она вспомнила его сон. Вспомнила, каким видели его люди когда-то.

Быть может, он по-прежнему чувствует себя жалким уродом, вызывающим омерзение? Презренным существом, на которое смотрят лишь для того, чтобы обругать его или пнуть?

К ее глазам вдруг подступили слезы.

Почему-то я в этом сомневаюсь, — прошептала она сквозь непрошенный комок в горле.

И напрасно!

Широкими сердитыми шагами он прошел мимо нее и захлопнул за собой дверь.

Астрид стояла посреди кухни, размышляя о том, что делать дальше.

Теперь она понимала, что с ним происходит. Понимала его грубость, озлобленность, недоверие к ней.

Его бесконечное одиночество.

Но нет, поправила она себя. На самом деле она его не понимает — и никогда не поймет.

С детства ее окружала любящая семья. Никто никогда не осмелился бы обращаться с ней так, как обращались с Зареком. Мать и сестры защищали ее от жестокости окружающего мира, и, даже раздражаясь на это, даже пытаясь вырваться из-под их опеки, Астрид не переставала ощущать поддержку родных.

Для Зарека это было недоступно.

Он никогда не знал семейного тепла.

Его одиночество — неизмеримо глубже и страшнее, чем она может себе вообразить.

Переполненная непривычными эмоциями, она не понимала, что же теперь предпринять. Знала одно: она хочет ему помочь!

Астрид подошла к дверям его спальни, — но двери были закрыты.

— Зарек!

Молчание.

Астрид прислонилась к двери пылающим лбом, гадая, как достучаться до его сердца?

Как спасти того, кто не хочет быть спасенным?

Приказ Артемиды привел Таната в ярость.

Сидеть тихо и ждать? Еще чего!

Девятьсот лет он мечтал об этой возможности — и теперь в последний миг добычу вырывают у него из рук!

Девять столетий он надеялся, что однажды поквитается с Зареком из Мезии!

И теперь ни Артемида, ни кто угодно еще его не остановит!

Он отомстит Зареку — или погибнет сам.

Танат зло усмехнулся. Артемида воображает, что он — покорное орудие в ее руках. Но не так уж она могущественна. И, говоря откровенно, не так уж умна.

Она считает себя его госпожой и тешится мыслями о своем величии.

Но для него она — лишь средство к достижению заветной цели.

К отмщению.

Танат постучал в дверь уединенного дома, скрытого в глухом лесу. Внутри жилища послышался шум, приглушенные испуганные голоса — аполлиты пытались спрятать женщин и детей.

Его народ, когда-то великий и могучий, теперь влачил жалкую жизнь — жизнь изгоев, боящихся собственной тени.

— Я — свет лиры!

Танат произнес пароль, известный любому даймону или аполлиту. По этим словам аполлиты и даймоны узнавали друг друга, этой формулой просили друг у друга прибежища. Выражение «свет лиры» указывало на их родство с Аполлоном, богом света и музыки — тем, что создал их, а затем предал и проклял.

Но почему ты ходишь при свете дня? — послышался за дверью полный страха женский голос.

Я — Дневной Убийца. Открой дверь.

Откуда нам знать, что ты говоришь правду? — Этот вопрос задал мужчина.

Танат глухо зарычал.

Он понапрасну тратит время, пытаюсь помочь этим ничтожествам!

Но ведь и он когда-то был таким же! И сейчас мог бы, как они, прятаться в норах, страшась Темных Охотников, Оруженосцев — да что там, любого, самого жалкого смертного, которому не опасен дневной свет...

Как же он их всех ненавидит!

Так или иначе, я все равно войду, — предупредил Танат. — Я постучал, чтобы вы открыли дверь сами и успели укрыться от солнечных лучей. Не хотите открывать, — я ее вышибу.

Послышалось звяканье засова.

Глубоко вздохнув, Танат медленно, осторожно отворил дверь, сделал шаг за порог, закрыл ее... и едва успел увернуться от летящей ему в голову лопаты.

Перехватив лопату и дернув за черенок, он вытащил из тени женщину.

Не трогай моих детей! — закричала она.

Вырвав лопату из ее рук, он смерил ее уничтожающим взглядом.

Поверь, если бы я захотел тронуть твоих детей, никто меня бы не остановил. Никто и ничто. Но я пришел не за этим. Я хочу убить Охотника, на счету у которого — сотни наших сородичей.

Безупречно правильное лицо женщины озарилось робкой улыбкой: теперь она смотрела на Таната, словно на ангела, сошедшего с небес.

Так ты действительно Дневной Убийца? — проговорил мужчина.

Танат повернул голову. Навстречу ему из тени вышел молодой дэймон, на вид лет двадцати с небольшим. Как и все представители его племени, он поражал совершенством тела и лица, — и длинная белокурая коса, спускающаяся по спине, как это ни странно, лишь подчеркивала его силу и мужественность. На его правой щеке сверкала татуировка — три кровавых слезы.

Танат мгновенно понял, кто перед ним.

Один из спати, дэймонов-воинов. В последние века они встречаются все реже. Но именно они и нужны Танату.

Эти слезы — твои дети?

Дэймон коротко кивнул:

Все убиты Темными Охотниками. Но я отомстил: на моем счету уже один Охотник.

Сердце Таната сжалось от сострадания. Все проклинают и преследуют дэймонов, но за что же? Только за то, что они хотят жить? А что сделали бы люди, что сделали бы Темные Охотники, если бы им предоставили такой же выбор: либо ты живешь, отнимая чужие души, — либо погибаешь мучительной смертью в расцвете лет?

Сам Танат — когда-то, много веков назад — свой выбор сделал. Он не хотел превращаться в чудовище. Решил прожить тот недолгий срок, что отпущен ему судьбой, и умереть, не запятнав рук кровью невинных.

То же решение приняла и его любимая...

Но даже того немногого, что им оставалось, их лишил Зарек.

Безумный Темный Охотник ворвался в их деревню, сея смерть и разрушение на своем пути. Мужчины не успели спрятать женщин и детей, Зарек убил их всех.

Ни один из тех, кто встретился ему на пути, не остался в живых.

Ни один.

Зарек убивал без разбору и даймонов, и простых аполлитов. И был наказан за это... изгнанием!

Всего лишь изгнанием!

Его захлестнула ярость. Все эти девятьсот лет, пока Танат, преследуемый воспоминаниями о той страшной ночи, не знал ни единого спокойного дня, Зарек как ни в чем не бывало прохлаждался на Аляске!

Но Танат заставил себя унять ярость. Сейчас не время предаваться гневу. Он должен действовать холодно и расчетливо — так же, как его враги.

Сколько тебе лет, дэймон? — спросил он у спати.

Девяносто четыре.

Танат поднял бровь.

Ты хорошо сохранился!

Что есть, то есть. И я устал прятаться.

Это чувство было знакомо Танату — он сам ненавидел жизнь во тьме.

Не бойся. Ни один Темный Охотник за тобой не погонится. Об этом я позабочусь.

Дэймон улыбнулся.

Мы думали, что Дневной Убийца — просто миф...

Любой миф основан на истине. Разве не этому учила тебя мать?

Глаза спати потемнели.

Моя мать ничему не успела меня научить. Мне было всего лишь три года, когда она достигла двадцатисемилетия.

Танат положил руку ему на плечо:

Брат мой, мы вернем эту землю себе. Верь мне, придет наш день. Я соберу других наших воинов, и мы объединим наши армии. Никто не защитит смертных от нашей ярости!

А как же Темные Охотники? — спросила женщина.

Танат усмехнулся.

Они — пленники ночи. А я — нет. Я могу преследовать их везде и всегда. — Он расхохотался. — Их оружие не причиняет мне никакого вреда. Я — их Гибель. Теперь я вернулся к своему народу, и вместе мы будем править землей и всеми, кто ее населяет!

Зарека разбудил божественный запах. Должно быть, он явился из сна... но нет, во сне он никогда не вкушал таких ароматов.

Он лежал неподвижно, не открывая глаз, боясь, что, стоит ему пошевелиться, — и чудо исчезнет, оказавшись всего лишь порождением его воображения.

В желудке у него заурчало.

Послышалось гавканье волка.

Тише, Саша! Разбудишь нашего гостя.

Зарек резко открыл глаза. «Гость». Никто и никогда его так не называл. Ни для кого он не был гостем.

Мысли его обратились к неделе, проведенной в Нью-Орлеане.

«Где я буду жить? С тобой, с Кирианом или с Ником?»

«Мы решили, что тебе лучше всего иметь собственное жилье».

Он думал, что больше ничто не способно его обидеть, но, как ни странно, это обыденное замечание Ашерона его задело.

Никто не хочет жить с ним в одном доме.

Он-то думал, что давным-давно к этому привык!

Но сейчас простые слова Астрид отозвались в том же уголке его души, что прежде болезненно ныл от слов Ашерона.

Он встал, быстро оделся и направился к ней.

Зарек остановился в дверях кухни, глядя, как она — с удивительной при ее слепоте сноровкой — печет в микроволновке оладьи.

Волк поднял голову и зарычал.

Астрид наклонила голову, словно прислушиваясь.

Зарек! Ты здесь, на кухне?

В дверях.

Он сам не понимал, зачем начал уточнять, где он находится. И вообще — почему он все еще здесь?

Да, за окном по-прежнему бушевала вьюга, но за столетия жизни на Аляске ему пришлось пережить немало бурь и похуже. Приходилось выходить из дома и в лютый мороз, и в метель. Непогода непогодой, а есть-то хочется!

Я испекла оладьи. Не знаю, какие ты больше любишь: здесь есть черничные с кленовым сиропом и земляничные.

Он подошел к стойке и потянулся за тарелкой.

Садись, я тебе подам.

Не надо, принцесса, — резко ответил Зарек. Слишком часто он сам прислуживал кому-то и терпеть не мог, когда прислуживали ему. — Я все сделаю сам.

Она шутливо подняла руки вверх.

Отлично, мой Прекрасный Принц. Обожаю людей, которые со всем справляются самостоятельно!

Почему ты называешь меня «прекрасным принцем»? Издеваешься?

Она пожала плечами.

Око за око: я для тебя — принцесса, ты для меня — Прекрасный Принц.

С невольным уважением покачав головой, он потянулся за блюдом с мясной нарезкой.

Как тебе удастся печь оладьи, когда ты их не видишь?

Это же микроволновка. Включаю таймер.

Подошел волк и принялся обнюхивать его ногу. То, что он учуял, кажется, его не порадовало, — зверь коротко и недовольно гавкнул.

Помолчи, Тузик, — оборвал его Зарек. — Сам собственные яйца лижешь, а мне будешь лекции по гигиене читать?

Зарек, что ты говоришь! — ахнула Астрид.

Зарек стиснул зубы. Отлично, больше он не скажет ни слова! Как известно, молчать он умеет.

Волк обиженно взвизгнул.

Тише, Саша! — успокоила она его. — Не хочет мыться — его дело!

Аппетит у Зарека мгновенно пропал: он молча поставил тарелку и скрылся у себя в комнате — подальше от этих чистюль, которых он оскорбляет самым своим присутствием.

Астрид ощупью подошла к столу, рассчитывая найти там Зарека, — но нашла лишь тарелку с нетронутой едой.

«Что случилось?» — спросила она Сашу.

«Если бы у него были чувства, я бы сказал, что ты их оскорбила. Но, поскольку чувств у него

нет, думаю, он просто отправился к себе за оружием, чтобы прикончить нас обоих».

«Саша! Немедленно объясни, что произошло!»

«Да ничего. Он просто поставил тарелку и ушел».

«И какое у него при этом было лицо?»

«Лицо? Гм... обычное лицо. Как всегда».

Не слишком подробная информация.

Астрид отправилась следом.

Убирайся! — прорычал он, когда она, постучав, открыла дверь.

Астрид стояла в дверях, жалея о том, что не видит его.

Зарек, что случилось? Чего ты хочешь?

Я... — голос его прервался.

Что?

Но Зарек не мог сказать правду. Не мог признаться, что впервые в жизни хочет тепла. Не физического — душевного.

Я хочу уйти.

Она вздохнула.

На улице буран, ты замерзнешь!

Ну и что?

Неужели твоя жизнь ничего для тебя не стоит и не значит?

Нет.

Тогда почему ты не покончишь с собой?

С какой стати? — фыркнул он. — Единственное удовольствие в моей жизни — выводить из себя всех вокруг. А если я умру, все вздохнут с облегчением. Черта с два я им доставлю такое удовольствие!

К его удивлению, она рассмеялась.

Хотела бы я сейчас видеть твое лицо! Интересно, шутишь ты или нет?

Поверь мне, не шучу.

Тогда мне тебя жаль. Я была бы рада, если бы ты был счастлив.

Зарек отвел взгляд. Счастье? Чужое, бесконечно далекое слово. Он даже не понимал, что оно означает. Как и некоторые другие слова.

Например, сострадание.

Или любовь.

Этого слова никогда не было в его лексиконе. Он не мог себе представить, что чувствует тот, кто любит.

Ради любви Тейлон готов был отдать свою жизнь, лишь бы жила Саншайн. Ради любви Саншайн отдала в обмен на свободу Тейлона свою душу.

Но Зареку были знакомы лишь гнев, ярость, ненависть. Единственные чувства, которые согревали его и давали силы жить дальше.

Ненавидеть — значит жить. Почему ты живешь одна среди леса?

Она пожала плечами:

Мне нравится быть одной. Родные часто меня навещают, но жить я предпочитаю в одиночестве.

Почему?

Потому что терпеть не могу, когда со мной обращаются как с ребенком. Мама и сестры ведут себя так, словно я беспомощна, — все делают за меня.

И Астрид умолкла, ожидая ответа.

Но Зарек молчал.

Не хочешь ли принять ванну? — спросила она, немного выждав.

Тебе не нравится, что я грязный?

Она покачала головой:

Да нет. Это тебе решать.

Зарек не привык заботиться о чистоте тела. В бытность рабом ему не так часто выпадала возможность помыться, да и тогда он предпочитал ходить грязным, чтобы никто не приближался к нему иначе, как по необходимости.

И потом, став Темным Охотником, — даже до изгнания — он оставался одинок. Мыться просто не было смысла. А на Аляске это еще и требовало большого труда.

Только после основания Фэрбенкса Зарек завел у себя в хижине большое корыто и мылся перед тем, как ехать в город. Не чаще.

В свое короткое пребывание в Нью-Орлеане он впервые познакомился с такой роскошью, как душ с горячей и холодной водой, под струями которого можно стоять сколько захочешь.

Если бы Астрид потребовала, чтобы он помылся, он бы послал ее ко всем чертям. Но она предоставила ему выбирать, и он отправился в ванную.

Полотенца в коридоре, в стенном шкафу.

Зарек остановился у шкафа, встроенного в стену возле двери в ванную, распахнул дверцы. Как и все в этом доме, шкаф сиял чистотой и порядком. Все полотенца были аккуратно сложены, и даже цвет их соответствовал цветовой гамме дома.

Он вытащил большое зеленое полотенце и скрылся в ванной.

Услышав шум воды, Астрид наконец позволила себе вздохнуть свободно.

Странно, но, пока Саша не обратил ее внимания на нечистоплотность Зарека, она и не замечала, что тот не моется. От него не пахло, а руки он мыл очень часто, и естественно было предположить, что и все остальное у него тоже чистое.

Вернувшись на кухню, она обнаружила, что Саша доедает оладьи, приготовленные для гостя.

Чем это ты здесь занят?

«Он же не захотел есть! А оладьи остывают!»

«Саша!..»

«Что? Предпочитаешь разбрасываться едой?»

Укоризненно покачав головой, Астрид положила Зареку новую порцию. Быть может, после ванны он чуть-чуть оттаает?

Но ее надежды были напрасны: из ванной Зарек вышел еще мрачнее обычного. Молча, угрюмо он поглощал завтрак.

«Омерзительно! — не умолкал Саша. — Жрет, как свинья! Тебе повезло, что ты его не видишь!»

«Саша, перестань его критиковать!»

«Черта с два! Вилкой он орудует, как лопатой, а нож вообще в руки не берет — так целиком и глотает!»

Но Астрид не могла возмущаться невоспитанностью Зарека — слишком хорошо она помнила его сны. В самом деле, ему негде было научиться хорошим манерам, ведь еду ему бросали в угол, как зверю. И что это была за еда? Гниль и объедки.

В смертной жизни Зарек всегда ходил голодным... И вдруг ей пришла новая мысль: ведь, став Темным Охотником, он тоже постоянно голодал!

В отличие от других Охотников, у Зарека не было Оруженосца, который бы заботился о нем и доставлял ему пищу в дневное время. Еду Зарек должен был добывать себе сам. А в диких лесах Аляски, особенно зимой, рацион его неизбежно был очень скуден.

От этой мысли к горлу ее подступила тошнота. Если бы Зарек был смертным, без сомнения, он умер бы от голода.

Темные Охотники от недоедания не умирают, но страдают от него так же, как люди.

Она поставила перед ним еще одну тарелку оладьев.

Что это? — спросил он.

На случай, если ты не наелся.

Зарек промолчал: но Астрид слышала, как он пододвинул тарелку к себе и открыл новую банку кленового сиропа.

«Опять он поливает их сиропом, словно суп себе готовит! — простонал Саша. — Я больше не могу! Если понадобится, я у себя в логове!»

Астрид молча прислушивалась к тому, как ест Зарек. Хотела бы она сейчас его увидеть!

«Поверь, это зрелище не для дам!» — предупредил ее Саша.

Однако Астрид полагала, что он преувеличивает. Она прекрасно знала характер волка: будь Зарек непогрешим, Саша все равно найдет, к чему придраться!

Закончив есть, Зарек поднялся из-за стола и вымыл тарелку.

Нет, он не свинья. Просто одинокий, ожесточенный человек. Человек, незнакомый с правилами общежития, потому что ему никогда не приходилось жить в мире с другими. Люди всегда поворачивались к нему спиной. Теперь она понимала, что разглядел в нем Ашерон, и ее уважение к атлантийцу, способному проникнуть в глубину человеческого сердца и заметить то, чего не видят другие, возросло многократно.

Но что же делать ей самой? Как спасти Зарека от разгневанной богини?

Она должна найти причину для его оправдания, или Артемида его убьет.

Послышался треск бумаги — Зарек отрывал бумажное полотенце.

Я слушала новости, — сказала Астрид. — Метель не утихает, и неизвестно, когда она закончится. Говорят, такой снежной бури не бывало уже несколько столетий.

Зарек устало вздохнул.

Сегодня вечером я уйду.

Ты не можешь уйти!

У меня нет выбора.

Выбор есть всегда!

Ошибаешься, принцесса. Выбирать могут люди с деньгами и со связями. Все остальные просто крутятся, стараясь выжить. — Он прошел мимо нее. — Я должен уйти.

Астрид застыла на месте, всерьез испуганная его намерением. Он Темный Охотник, а значит, действительно может уйти. В отличие от смертного, метель не причинит ему вреда. Он не может замерзнуть насмерть. Зарек, конечно, продрогнет до костей, но к холоду он привык.

Что же делать?

Если пойти за ним, — он очень быстро догадается, что она тоже бессмертна.

На секунду она подумала о том, чтобы призвать на помощь сестер, но тут же отбросила эту мысль. Стоит попросить у них помощи, и они будут напоминать ей об этом целую вечность! Ну нет! Она не ребенок и со своей работой справится сама!

Но как удержать его здесь, когда он твердо вознамерился уйти?

Повернувшись к двери, она наткнулась рукой на какую-то склянку, стоящую на столе. Подняла ее к лицу, понюхала. Приправа. Склянка напомнила о зельях, которые принес ей М'Адок.

Приличная доза настойки лотоса, и Зарек уснет непробудным сном на несколько дней...

Но тогда ничто не защитит его от кошмаров.

И это может свести его с ума.

Или же... что, если руководить его сном, как это делают скотос?

Может быть, стоит на это решиться?

Быстро, опасаясь передумать, она отправилась к себе в спальню, где были спрятаны зелья.

Но вот вопрос: как угостить этим Зарека?

Глава 8

Натянув капюшон, Зарек направился к входной двери — навстречу метели и пронизывающему холоду.

Астрид встретила его на полпути. Она ждала в прихожей, и при виде ее Зарека мгновенно охватило жгучее желание. Но больше всего поразила его печаль на ее прекрасном лице.

Боги, до чего же она красива! В этот миг он всем сердцем желал остаться с ней, как волк, которого она нашла раненым в лесу, принесла домой и приручила.

Хотел бы он осмелиться протянуть руку к звезде!

Так протяни!

Но Зарек сжал кулаки, укрощая свое желание. Желания, мечты — все это роскошь, недоступная рабам.

Не говоря уж о страсти к порядочным женщинам из приличных семей.

Ему и смотреть-то на нее не следовало, а тем более мечтать к ней прикоснуться!

Как бы ни сражался он за свою независимость, как бы ни бунтовал против Ашерона и Артемиды — в глубине души он всегда знал правду. А правда заключалась в том, что и сейчас, как и две тысячи лет назад, он — раб. Только теперь — раб греческой богини, которая хочет его убить.

Можно, конечно, сбежать от судьбы, но далеко от нее не убежишь. Рано или поздно все равно придется смириться с тем, кто ты такой и где твое место.

Женщины, подобные Астрид, — не для таких, как он. Они — для порядочных, хорошо воспитанных мужчин. Для тех, кому знакомы значения простых слов: «доброта», «тепло», «сострадание», «дружба».

«Любовь»...

Он хотел молча пройти мимо.

Угощайся! — Она протянула ему чашку горячего чая.

Сладкий ароматный пар согрел Зарек, но не сильнее, чем нежный румянец смущения на ее щеках.

Что это?

Я хотела сказать «рвотное», но ты мне не доверяешь, так что, боюсь, примешь это всерьез. Это розмариновый чай с медом. Выпей перед уходом, и пусть он согреет тебя в пути.

Зарек, смущенный и раздосадованный, хотел было отказаться, — но не осмелился. Слишком редко он получал такие подарки.

Стыдно признаться, но ее внимание и забота глубоко его тронули.

А хуже всего то, что при этой мысли естество его вновь возбудилось. Пробормотав «спасибо», он взял чашку и все время, пока пил, не сводил с нее глаз. Боги, какая же она красавица! Звучит на редкость глупо, но он уже знал, что будет тосковать без нее.

Он пил чай и пристально рассматривал Астрид.

Ее джинсы плотно облегли длинные стройные ноги. Может ли мужчина не мечтать о том, чтобы такие ножки обвились вокруг его талии?

Или запрокинулись ему на плечи...А аккуратная попка? Все в нем ныло от желания обхватить ее ладонями, прижать Астрид к себе так, чтобы она ощутила его возбужденное естество, чтобы поняла, как он ее жаждет...

Против собственной воли он воображал ее нагой в своих объятиях. Их губы сливались в поцелуях; лаская ее груди, он забывался в ее теплой, влажной глубине...

Хватит! Пора сматываться!

Он допил чай и протянул ей пустую чашку.

Она отступила на шаг, сжав чашку в руке. Лицо ее стало еще печальнее.

Зарек, я так хочу, чтобы ты остался!

Эти слова прозвучали для него небесной музыкой. Пусть это всего лишь жест вежливости, Зарек никогда его не забудет.

Ну, это вряд ли, принцесса.

Я действительно этого хочу!

От боли, исказившей ее прекрасное лицо, у Зарека сжалось сердце, но он заставил себя ожесточиться. Все это ложь!

Не ври! — рявкнул он. — Терпеть не могу, когда мне врут!

С этими словами он прошел мимо нее к дверям... и остановился. Вдруг у него закружилась голова, и перед глазами замерцал какой-то туман.

Зарек ожидал, когда дурнота пройдет. Но она становилась все сильнее. Руки и ноги внезапно отяжелели, все тело словно налилось свинцом, даже стало трудно дышать.

Что это с ним происходит?

Он протянул руку к двери, но в этот миг его колени подогнулись и тьма заволокла все вокруг.

Астрид поморщилась, услышав тяжелый звук падения тела на пол. Как она хотела бы быть рядом и подхватить Зарека! Но понимала: пока она слепа, об этом и думать не стоит.

Подбежав к нему и опустившись на колени, она поспешно ощупала его с ног до головы.

Слава богам, кажется, он не пострадал!

Саша! — позвала она. Чтобы перенести Зарека на кровать, ей требовалась помощь.

«Что случилось?» — послышался мысленный вопрос Саши.

Я опоила его зельем.

Она ощутила движение воздуха, услышала рядом с собой электрическое потрескивание — Саша принимал человеческий облик.

Сейчас она не видела своего друга, но по опыту знала, что он должен быть обнажен, — превращение всегда совершается без одежды.

В человеческом облике Астрид видела Сашу довольно редко. Хотя катагари-люкос могут время от времени, по необходимости, принимать обличье человека, но волчье для них предпочтительнее: это их естественный вид, к тому же в образе волка они обладают большими магическими способностями. Не говоря уж о том, что волк физически сильнее, ловчее и выносливее человека. Впрочем, кое-что они предпочитают делать в человеческом облике.

Например, есть. Или совокупляться.

Саша-человек был блондином, с волосами светлыми, словно седой волчий мех, и пронзительными (как и у волка) синими глазами.

Лицо его поражало суровой, мужественной красотой. А тело...

Мощной мускулатурой и совершенством форм Саша определенно не уступал Зареку. Даже странно, что к нему Астрид никогда не чувствовала сексуального влечения.

Удивительно, но факт — с Сашей они всегда были просто друзьями. Откровенно говоря, чаще всего он вел себя как заботливый старший брат — и порой изрядно ей этим надоедал!

О чем ты только думала? — проговорил он. Звучный, насыщенный голос Саши нес в себе отзвук

его колдовской силы: не зря ходят слухи, что катагари способен соблазнить любую женщину, лишь позвав ее по имени.

А сексуальная мощь и неутомимость катагари давно стали предметом восхищенно-завистливых перешептываний даже среди богов.

Однако обаяние Саши и исходящий от него соблазн не вызывали в Астрид никаких чувств, кроме (и это — самое большее) отстраненного восхищения.

Ты сам знаешь: ему нельзя со мной расставаться, пока не закончатся испытания.

Саша раздраженно вздохнул.

И чем ты его опоила?

Настойкой лотоса.

Астрид, ты отдаешь себе отчет, как это опасно? Эта настойка прикончила уже бесчисленное множество смертных. Некоторые сходили с ума от одного глотка! Или еще хуже: привыкали к зелью и не желали больше просыпаться!

Зарек не смертный.

К сожалению, да, — вздохнул Саша.

Астрид выпрямилась:

Саша, отнеси его в постель.

Даже не видя своего друга, она ощутила его гнев.

А где «пожалуйста»?

Астрид повернулась направо и устремила — как надеялась — на Сашу самый суровый взгляд, какой имелся в ее репертуаре.

В последнее время ты стал совершенно невыносим!

А ты в последнее время что-то полюбила командовать! По-моему, этот тип на тебя дурно влияет! — Помолчав, он сурово отчеканил: — Не забывай, Астрид: я здесь только потому, что сам так решил. Я остаюсь с тобой, потому что не хочу, чтобы тебя кто-нибудь обидел.

Потянувшись к нему, она положила руку ему на плечо.

Знаю, Саша. Спасибо тебе.

Он накрыл ее ладонь своей, легонько пожал.

Не позволяй ему пробраться в твое сердце, нимфа. В нем столько тьмы, что вся твоя доброта с ней не справится.

Астрид на мгновение задумалась. Сама она уже очень давно перестала считать себя доброй. Много столетий она не испытывала по отношению к людям ничего, кроме равнодушия.

Многие могли бы сказать то же самое о тебе.

Только те, кто меня не знает!

Но ведь и мы не знаем Зарека.

Поверь мне, нимфа, я таких парней на своем веку повидал немало. Всю жизнь с ними воюю. С подонками, которые воображают, что весь мир настроен против них, — и ведут себя со всеми как с врагами. — Не без труда он поднял на руки обездвиженное тело Зарека. — Следи за своим сердцем, Астрид. Я не хочу, чтобы тебе снова причинили боль.

Сидя на полу и прислушиваясь к удаляющимся тяжелым шагам Саши, Астрид размышляла над его предупреждением. Он прав. Один раз она уже позволила Майлзу себя одурачить: он умудрился сделать так, что она совсем забыла о здравом смысле.

Но Майлз был горд и тщеславен. А о Зареке не скажешь ни того, ни другого.

Майлз притворялся добросердечным, на самом же деле думал только о себе.

А Зарек не притворяется. Он действительно ни в грош не ставит никого, и менее всех — самого себя.

И все же... есть только один способ выяснить истину.

Она пошла на кухню и налила Саше стакан сока.

И что ты теперь будешь с ним делать? — поинтересовался Саша, присоединяясь к ней несколько минут спустя.

Дам ему немного поспать, — уклончиво ответила она.

Если бы Саша догадался, что у нее на уме, — ох, какой бы разразился скандал! А она не собиралась тратить время на препирательства с разъяренным оборотнем.

Вот почему, пока Саша возился с Зареком, она добавила в его стакан несколько капель настойки лотоса.

Саша молча взял у нее сок и полез в холодильник в поисках какой-нибудь еды.

Зелье подействовало не сразу, обмен веществ у катагари немного иной, чем у людей, и химические вещества действуют на них медленнее.

Астрид! — прорычал Саша несколько минут спустя. — Только не говори, что ты со мной сделала то же самое! — Чуть позже легкое электрическое потрескивание подсказало ей, что он сменил облик.

На ощупь Астрид нашла Сашу, растянувшегося на полу. Он снова был волком — и спал крепким сном.

Оставшись одна, она прошла по дому. Убедилась, что везде выключен свет, что камин не горит, что обогреватель настроен на комфортную температуру.

Затем взяла в своей спальне склянку с идиосом и, сжав ее в руке, вошла в спальню Зарека.

Отпив глоток, она свернулась клубочком рядом с ним на широкой кровати. Ей предстояло вновь погрузиться в темные тайны этого загадочного мужчины...

Зарек снова был в Нью-Орлеане. Стоял напротив старого монастыря Урсулинок во Французском квартале, вдыхал прохладный воздух, прислушивался к доносящейся откуда-то издали музыка.

Рядом остановилась группа туристов под предводительством гида, одетого точь-в-точь как вампир Лестат, герой романов Энн Райс [9]. Рядом крутился еще один «вампир», в длинном черном плаще и с накладными клыками.

Туристы, разинув рты, слушали рассказ гида о знаменитом убийстве, которое произошло на этом самом месте. На ступенях монастырского крыльца были найдены два тела — без единой капли крови в жилах! Должно быть, не случайно старинные легенды гласят, что в этом монастыре когда-то находили приют вампиры: днем они укрывались здесь от солнца, а ночью отправлялись на поиски добычи...

Тут Зарек, не выдержав, громко фыркнул.

Гид с бейджилом «Андре, вампир, 300 лет» посмотрел в его сторону и вдруг громко объявил:

Смотрите-ка, вон стоит вампир! Самый настоящий!

Туристы, все как один, повернулись к Зареку.

Тот ответил им свирепым взглядом, а затем сделал то, чего определенно делать не стоило: обнажил клыки и зарычал.

Туристы с визгом бросились врассыпную.

Оба «вампира» — тоже.

При виде их поспешного бегства Зарек непременно рассмеялся бы, если бы умел это делать. Но он не знал, что такое смех, — лишь его губы изогнулись в циничной ухмылке.

Поверить не могу, что ты это сделал!

Обернувшись, он увидел в тени Ашерона: тот стоял словно призрак, облаченный в черное, со сверкающей пурпурной гривой.

Зарек пожал плечами.

Как только они остановятся и спросят себя, что же произошло, — тут же подумают, что это часть представления.

А гиды?

Решат, что кто-то их разыграл. Смертные прекрасно умеют находить разные объяснения. Ашерон тяжело вздохнул.

Черт побери, Зет! Я-то надеялся, ты постарайся доказать Артемиде, что исправился и что тебя можно подпускать к людям!

Скорее ад замерзнет, — бросил Зарек и, развернувшись, зашагал прочь.

Эй, Зет! Я не договорил с тобой!

Зарек не обернулся.

Используя телекинез, Ашерон впечатал его в стену соседнего дома. Надо сказать, за все прошедшие две тысячи лет старший из Темных Охотников ни разу не прикоснулся к Зареку. Должно быть, догадывался, насколько неприятны ему чужие прикосновения.

И, как ни странно, уважал его чувства.

Ашерон твердо встретил его взгляд.

С прошлым покончено, Зет. А будущее зависит от того, какое решение ты примешь на этой неделе. Пятьсот лет я торговался с Артемидой, умоляя ее дать тебе шанс доказать, что ты способен вести себя прилично. Ради твоей собственной жизни, ради твоего рассудка — не продуй этот шанс!

С этими словами он отпустил Зарека и зашагал следом за туристами.

Зарек не двигался с места, пока Ашерон не исчез за углом. Он размышлял над словами атлантйца.

Он не хотел покидать этот город! Нью-Орлеан очаровал его с первого взгляда, едва он увидел толпу на Джексон-сквер.

Как же здесь тепло!

Нет, этот шанс он не упустит! Он будет выполнять свой долг и честно защищать людей, которые здесь живут!

Чего бы это ни стоило, он убедит Артемиду, что ему можно доверять!

Он никогда больше не убьет ни одного смертного...

Двинувшись вниз по улице, Зарек почти сразу заметил четырех молодых мужчин. По высокому росту, золотистым волосам и поразительной, нечеловеческой красоте он мгновенно опознал в них дαιмонов.

Даймоны шептались между собой, но он ясно различал, что они говорят.

Главный сказал, она живет над клубом «Бегущий Волк».

Другой дαιмон рассмеялся.

Подружка Темного Охотника — удивительно! Разве такое бывает?

Как видишь, бывает. Ну, теперь мы ему оплатим! Представь: приходит он к ней, — а она ждет его в постели... холодная и без единой капли крови в жилах!

Зарек готов был напасть на них прямо сейчас, но остановился: двери соседнего бара распахнулись, и из них, спотыкаясь и хохоча, вывалилась какая-то подгулявшая компания. Даймоны, увлеченные своим замыслом, даже не взглянули в их сторону.

вернуться

9

Энн Райс (настоящее имя — Говард Аллен О'Брайен; род. в 1941 г.) — американская писательница, актриса, сценарист, продюсер. Один из ее романов — «Вампир Лестат».

Туристы брели по тротуару, смеясь и обмениваясь шутками. Они никогда не узнают, что, если бы не счастливая случайность, для всех них эта ночь стала бы последней.

Хрупкая штука — жизнь смертного.

Зарек стиснул зубы. Он понимал: придется подождать. Напасть на даймонов удастся только в каком-нибудь темном закоулке, где их никто не увидит.

Отступив в тень и сделавшись для них невидимым, он последовал за ними к дому Саншайн...

У Астрид раскалывалась голова, но она, не отступая, следовала за Зареком в его снах. Она была с ним единым целым, когда он довел даймонов до пустынной автостоянки и пресек их замыслы несколькими смертельными ударами. И позже, когда на него набросились полицейские.

Она была с ним на крыше, откуда он позвонил Тейлону и предупредил об опасности, грозящей Саншайн. Чувствовала его ярость. Его отчаянное желание помочь людям, которые в ответ отталкивали его или смотрели на него с презрением.

Все они судили о нем несправедливо.

И он не понимал, как достучаться до них.

Поэтому — нападал. Набрасывался на них первым, чтобы они не успели причинить ему боль.

Наконец Астрид почувствовала, что больше не в силах совершать это путешествие. Нужно отделиться от сознания Зарека — или она сойдет с ума, захваченная силой и болью его мучительных переживаний.

Оторваться от него было непросто, связующее зелье продолжало действовать. Но Астрид была неземным созданием, и в конце концов ей удалось преодолеть его притяжение.

Собрав все свои силы, она оторвала свой дух от духа Зарека и продолжала следовать за ним незримой тенью, безмолвной свидетельницей его грез.

Теперь она не чувствовала того, что с ним происходит, только лишь видела.

Но собственные чувства остались с ней. Сердце Астрид разрывалось от сострадания, какого она не испытывала никогда в жизни. Сила собственных эмоций пугала ее: жалость к Зареку, страстное желание облегчить его боль пробили панцирь равнодушия, в который она заключила себя много столетий назад.

В первый раз за все эти века она ощущала чужую боль. И не просто ощущала — мечтала ее прекратить. Согреть, успокоить, утешить этого несчастного, который бежал, но не мог убежать от самого себя.

Тем временем сновидение изменилось: теперь Зарек, полуголый и босой, в одних лишь черных кожаных брюках, пробирался через заснеженный лес. Бушевала страшная буря. Метель хлестала его по обнаженному телу. Обхватив себя руками, дрожа от холода и проклиная все на свете, Зарек пробирался через сугробы по пояс высотой.

Он то и дело падал, но каждый раз поднимался и продолжал свой путь. Астрид не могла не восхититься его силой.

Его обнаженные мускулистые плечи покраснели от холода. Его длинными черными волосами играл ветер. Зарек неотрывно всматривался в даль, словно пытался разглядеть что-то в заснеженной пустыне.

Но его взору открывалась лишь холодная, мертвая чаша.

Астрид беззвучно шла за ним — не проваливаясь в сугробы, не ощущая ни холода, ни ветра.

— Нет, я не умру! — прорычал Зарек, ускоряя шаг и запрокидывая голову к черному беззвездному небу. — Вы меня слышите? Артемида! Ашерон! Я не сдохну — не доставлю вам такого удовольствия!

И он пустился бежать по хрустящему снегу. Его босые ноги стали багровыми: Астрид страшно было даже представить, как ему сейчас больно.

Она старалась не отставать.

Но вот он споткнулся и упал.

Тяжело дыша, Зарек лежал неподвижно лицом в снегу. Одна рука его была запрокинута за голову, другая — вытянута перед собой. Астрид, невидимая, стояла рядом, глядя на вздымающуюся от глубоких вздохов татуировку — змею, обвившую его пояс.

Перевернувшись на спину, он устремил глаза в черное небо, усеянное сверкающими точками звезд. Снежинки падали на его разгоряченное лицо, мокрые пряди черных волос прилипли ко лбу. Он все еще тяжело дышал, стуча зубами от холода.

Астрид замерла на месте.

— Я хочу тепла, — прошептал он. — Я так хочу тепла! Хоть раз в жизни! Неужели ни одна звезда не спустится с неба, чтобы поделиться со мной своим теплом?

Астрид нахмурилась, не понимая этого вопроса. Впрочем, странные слова и нелогичные поступки — самое обычное дело во сне.

Перекатившись на бок, Зарек заставил себя подняться и продолжил свой путь сквозь метель.

Вслед за ним Астрид добралась до хижины, затерянной в лесах. В маленьком окошке бревенчатого домика горел свет — словно яркий маяк посреди холода и тьмы арктической ночи.

Из дома доносились приглушенные голоса, то и дело прерываемые взрывами смеха.

Счастливый приют!

Едва держась на ногах, Зарек побрел к одинокому окну. Приложил ладонь к замерзшему

стеклу, отогревая его теплом своего тела. Вгляделся внутрь — отчаянно и жадно, словно маленький бродяжка, с улицы наблюдающий за рождественским праздником богачей, куда он никогда не попадет. Невидимая Астрид приблизилась, чтобы увидеть то, что видит он.

Дом посреди леса был полон Темных Охотников. Они что-то праздновали: ярко горел огонь в камине, стол ломился от выпивки и разнообразных блюд. Гости смеялись и болтали между собой, как братья. Как одна семья.

Астрид не узнала никого, кроме Ашерона, но Зарек, очевидно, знал их всех.

Сжав руку в кулак, он оторвался от окна и двинулся к двери лесной хижины.

Впустите меня! — крикнул он и забарабанил кулаком в дверь.

Дверь отворилась. На пороге показался молодой Охотник — мускулистый блондин в наряде байкера: кожаных штанах и жилете, расшитом алыми кельтскими узорами. Его красивые карие глаза при виде Зарека потемнели от отвращения.

Тебе здесь не место, — отрезал он и попытался захлопнуть дверь.

Однако Зарек удержал дверь рукой.

Черт побери, кельт,пусти меня!

Кельт отступил назад, но теперь дорогу Зареку преградил Ашерон.

Что тебе нужно, Зет?

Зарек устремил отчаянный взгляд в суровое, словно высеченное из камня лицо своего наставника.

Я хочу войти. — Поколебавшись, он выдавил: — Пожалуйста, Ашерон,пусти меня!

Ни одно чувство не отразилось на каменном лице Ашерона.

Тебе нет места среди нас. И никогда не будет.

И он захлопнул дверь.

Будь ты проклят, Ашерон! Будьте вы все прокляты! — Зарек бесновался у двери, колотя в нее кулаками и ногами. — Лучше убей меня, слышишь, ты, ублюдок! Убей!

Когда он заговорил снова, ярость ушла из его голоса. Теперь он говорил тихо, жалобно, словно сломленный ребенок, и это тронуло Астрид еще сильнее, чем его мольба о смерти.

Впусти меня, Эш. Пожалуйста. Клянусь, я больше не буду. Я буду хорошим. Прошу тебя! Не оставляй меня одного! Мне так холодно! Я так хочу тепла! Пожалуйста!

Астрид ощутила, что по щекам ее текут слезы.

Но дверь оставалась заперта.

Охотники за стеной пировали и веселились, и никто не вспоминал о Зареке.

В этот миг Астрид вполне ощутила то страшное, беспросветное одиночество, которое сопровождало его всю жизнь.

Ну и черт с вами! — взревел Зарек. — Вы мне не нужны! Мне никто не нужен!

Он оторвался от двери, и лесная хижина растаяла у него за спиной, но звуки веселого пира еще звенели в воздухе. Зарек бессильно опустился на колени в снег. Ветер хлестал его по лицу, метель запорошила волосы и ресницы.

Он прикрыл глаза, словно не мог больше слышать доносящегося издали шума и смеха.

Мне никто не нужен, — шептал он. — Мне ничего от вас не нужно.

И вдруг, как часто бывает во сне, все снова изменилось: теперь Зарек оказался у дверей своего собственного дома.

Ветер стих, утихла и метель. Стояла тихая, ясная ночь.

Астрид! — ее имя он выдохнул, словно молитву. — Как бы я хотел, чтобы ты была со мной!

При этих словах Астрид застыла, боясь шевельнуться. Никогда прежде он не произносил ее имени, и в его устах оно звучало, как музыка.

Он поднял взор в темное небо, где мерцали миллионы звезд.

«Хотел бы я знать, зачем звезды светятся, — проговорил он задумчиво, вновь цитируя «Маленького принца». — Наверное, затем, чтобы рано или поздно каждый мог вновь отыскать свою».

Зарек вздохнул. Обхватив руками колени, он продолжал неотрывно всматриваться в звездное небо.

Я нашел ее — свою звезду. Она — сама красота, само очарование. Сама доброта и милосердие. Мой теплый огонек посреди бесконечной зимы. Хрупкая — и сильная. Отважная — и нежная. Но я не могу к ней прикоснуться. Никогда не осмелюсь.

Астрид, затаив дыхание, слушала его поэтическую речь. Сама она никогда не задумывалась о том, что ее имя по-гречески означает «звезда».

Но Зарек об этом вспомнил.

Может ли быть убийцей человек с таким поэтическим даром?

Астрид, — повторил он задумчиво. — Моя Цирцея. Но Цирцея превращала людей в животных, а ты сумела сделать человеком дикого зверя.

И вдруг его охватил гнев: он яростно топнул ногой, взметая снег.

Что я за идиот! Мечтаю о звезде, которая никогда мне не достанется!

И он снова с тоской устремил глаза в небо.

Ни одному человеку не суждено дотянуться до звезды. А я даже не человек!

И, закрыв лицо руками, он зарыдал.

Астрид почувствовала, что больше этого не вынесет. Она хотела вырваться из его сна, но не могла этого сделать без помощи М'Адока.

Ей оставалось лишь стоять рядом с Зареком, следить за ним, быть немой свидетельницей его невыносимого горя.

В жизни он иной. Железный человек, способный выдержать любой удар. Невозможно себе представить, чтобы он расклеился или проявил какие-то чувства, кроме гнева. А подойти к нему вплотную, прикоснуться, утешить, ободрить просто невыносимо.

Только во сне Астрид открылись потаенные глубины его сердца. Его ранимость. Его хрупкая красота.

Только теперь она по-настоящему поняла то, чего этот человек никогда никому не показывал.

Его нежную, поэтическую душу, глубоко оскорбленную людской злобой и равнодушием.

Всей душой Астрид желала облегчить его страдания! Взять его за руку и повести за собой в мир, в котором он не будет изгоем. Показать, что и он может потянуться к кому-то и не будет отвергнут.

Ни разу за все столетия своей жизни, ни к одному из своих подсудимых Астрид не испытывала того, что сейчас чувствовала к Зареку. Он затронул какую-то глубинную часть ее существа, — прежде Астрид и не подозревала о ее существовании!

И больше всего он задел ее сердце. Сердце, которое, как она боялась, заledenело навеки.

Но теперь оно снова билось, жарко и взволнованно — ради него.

Нет, она не может больше стоять и смотреть на его муки!

Не раздумывая о том, что делает, Астрид перенеслась в его хижину и распахнула дверь...

Сердце Зарека на мгновение замерло в груди, когда, подняв глаза, он увидел перед собой ее небесное лицо.

Нет, не небесное — прекраснее любых небес!

Никогда еще, ни в одном сне никто не отворял ему запертую дверь.

Но теперь это сделала Астрид.

Она стояла в дверях, ласково улыбаясь ему. Светло-голубые глаза ее больше не были слепы — она смотрела прямо на него. Смотрела жарким, призывным взглядом.

— Входи, Зарек. Входи и позволь мне тебя согреть.

Не думая, что делает, он вскочил и сжал ее протянутую руку. Наяву Зарек никогда, ни за что не осмелился бы до нее дотронуться, но ведь это сон!

Рука ее была теплой. Почти горячей. На миг ему показалось, что ее прикосновение обжигает.

Она обняла его обеими руками, притянула к себе. Зарек застыл, пораженный неведомыми прежде ощущениями. Близостью и теплом ее тела, ее дыханием на своей замерзшей щеке. Мягкой девичьей грудью, прижатой к его груди.

Так вот каково это — обнимать женщину! Боги, что за чудо!

Он закрыл глаза, всем своим существом впитывая это новое, неведомое наслаждение. Никогда в жизни он не испытывал ничего подобного!

Какая же она мягкая и нежная!

Вдыхая ее теплый, сладкий запах, он спрашивал себя, что с ним. Быть может, это нирвана?

Или рай?

Не все ли равно? Зарек точно знал одно: впервые в жизни ему хотелось грезить вечно.

Не выпуская его из объятий, Астрид накинула ему на плечи теплое одеяло.

Зарек взял ее лицо в ладони, прижался щекой к ее щеке и снова замер в блаженстве.

Он даже не представлял себе, что женская кожа может быть такой мягкой, нежной... такой влекущей.

Тепло ее щеки растопило ледящий холод. Он чувствовал, как постепенно согревается все его тело, даже сердце, казалось, навеки заточенное во льдах.

Астрид вздрогнула, ощутив, как щетина Зарека царапает ей кожу, почувствовав на своей щеке его дыхание.

Его нежданная нежность тронула ее до глубины души.

Она знала: в жизни ему не случалось ни встречаться с нежностью, ни дарить ее самому, но тем не менее он держал ее в объятиях бережно, словно хрупкую вазу.

— Ты такая теплая! — прошептал он ей на ухо. Дыхание его пощекотало ей кожу, и от этого по телу пробежала сладостная дрожь.

Откинув голову, он смотрел на нее, словно на несказанную драгоценность. Затем осторожно провел костяшками пальцев по ее щеке. В полночно-черных глазах его было столько счастья и муки, словно он боялся, что в любой миг она может растаять у него в руках.

Он неуверенно тронул кончиком пальца ее губы.

Знаешь, я еще никогда никого не целовал.

Это признание ее потрясло. Такой красавец — и ни разу не целовался?!

Глаза его вспыхнули.

Астрид, я хочу тебя! Хочу взять тебя, горячую и влажную! Хочу смотреть в твои глаза, когда я буду тебя трахать!

Это грубое словцо заставило ее поморщиться. Конечно, в реальности Зарек именно так бы и

выразился; но от спящего Зарека, от Зарека-какой-он-есть-на-самом-деле, она ожидала иного.

Ведь теперь она знала, что скрывается за грубым обличьем его угрюмого вида и дурных манер.

То, чего он хотел, было запрещено для Астрид. Судьям не позволялась физическая близость с подсудимыми.

Только однажды — с Майлзом — она едва не переступила опасную черту. Но в тот раз у нее хватило мудрости и воли воспротивиться искушению. И много раз с тех пор она благодарила за это судьбу.

Однако с Зареком все было сложнее. Что-то в этом человеке зацепило ее так, как не трогало ничто и никогда прежде.

Глядя в его черные глаза, полные огня и страдания, она словно видела перед собой его раненое сердце...

Он никогда не знал доброты.

Не знал, что это такое — тепло любящих рук.

Едва ли Астрид смогла бы это объяснить, но всей душой она желала стать его женщиной и сделать его своим мужчиной. Хотела сжать его в объятиях и показать ему, что это значит, когда тебя принимают с любовью.

Но тогда ты не сможешь больше быть Судьей!

Не все ли равно? Эта работа давно ей постыла. И теперь для нее имел значение только Зарек.

Если сейчас она протянет ему руку, быть может, Зарек научится доверять людям.

Быть может, ей удастся достучаться до глубин его сердца. Показать ему мир, в котором добрую, любящую душу не нужно прятать от людей. Убедить, что не все вокруг желают ему зла.

Теперь она наконец окончательно поняла, чего хотел от нее Ашерон.

Но как спасти Зарека? Ведь он совершил страшнейшее из преступлений: истребил людей, которые доверяли ему, которых он должен был защищать.

Ей нужны доказательства, что никогда больше он не сделает ничего подобного.

Можно ли отыскать такие доказательства?

Так или иначе, придется. Выбора нет. Она не допустит, чтобы он снова страдал!

Она защитит его. Любой ценой.

Нет, Зарек, — прошептала она. — Я не стану с тобой «трахаться». Никогда. Я буду тебя любить.

Он смотрел на нее смущенно и неуверенно.

Но я... я никогда ни с кем не занимался любовью... по-настоящему...

Но она уже исчезла.

Зарек едва владел собой. Он задыхался, голова его шла кругом от странных, незнакомых переживаний. Предложение Астрид не на шутку его напугало.

Что, если после этого он никогда уже не будет прежним?

В смертной жизни Зарек совсем не знал женщин. Какая женщина согласится лечь с жалким, изуродованным рабом? А в жизни Темного Охотника он лишь изредка встречался с проститутками. Никогда не смотрел им в лицо. Ни одной женщине не позволял обнять себя и поцеловать.

Но теперь... Если он примет то, что предлагает ему Астрид, все изменится.

Во сне она не слепа и может его видеть...

Быть может, она сумеет его приручить? Впервые в жизни Зарека охватила жгучая жажда привязанности. Связи с другим человеком — и физической, и эмоциональной.

Пусть все это сон, но этот сон изменит его навсегда. Ибо сейчас осуществится единственное его желание — желание, похороненное так глубоко, что много столетий он не осмеливался признаться в нем самому себе. Скрытое в глубинах сердца, раздавленного людской жестокостью.

— Зарек!

Он поднял взгляд. Она стояла в дверях спальни: в одной тонкой, полупрозрачной рубашке, с обнаженными длинными ногами. Золотистые волосы ее рассыпались по плечам.

Свет, падающий из-за ее спины, пронизывал тонкую ткань рубашки и подчеркивал каждый соблазнительный изгиб ее зовущего тела...

Зарек тяжело сглотнул. Если он на это решится, Астрид станет для него совершенно особенной. Единственной в мире.

Она станет его женщиной.

А он — ее мужчиной.

Она его приручит.

Ведь это только сон...

Но даже во сне никто и никогда его не приручал.

До сегодняшней ночи.

С сердцем, бьющимся в груди, словно паровой молот, он подошел к ней, поднял ее на руки. Нет, никто и никогда его не приручит — даже во сне. Но сегодня он сделает Астрид своей.

Она будет принадлежать ему.

Он нес ее к кровати, и она дрожала, вглядываясь в его решительное, почти свирепое лицо. В обсидиановые глаза, пылающие неутолимым голодом. Ее охватил странный испуг: быть может,

Зарек прав?

Разве способен этот мужчина — дикий, неукротимый — любить!

Голос разума упрасивал остановиться, пока еще не поздно.

Но что-то более сильное, более властное подсказывало: не останавливайся. Не сопротивляйся. Ты хотела узнать, что он за человек, — так познай же его до конца, до самой глубины!

Он уложил ее на постель. Прикоснулся кончиками пальцев к ее губам — так, словно наслаждался их нежной мягкостью, словно хотел запомнить это ощущение навеки. А затем — неторопливо и нежно поцеловал ее.

Жар его поцелуя застал Астрид врасплох. Она и не подозревала, что поцелуй может быть таким — страстным, даже свирепым и в то же время нежным. Требовательным. Горячим. Бережным. Захватывающим. С глухим рычанием Зарек ворвался языком в нежную пещеру ее рта, исследуя его, ощупывая каждый его уголок.

Удивительное мастерство — особенно для того, кто ни разу в жизни не целовался! Вот его язык достиг ее нёба, и по телу Астрид прошла острая, жаркая волна наслаждения.

Запустив руки в спутанную копну его волос, она стонала от наслаждения, а он лизал и покусывал, пока она не поняла, что вот-вот лишится сознания. Никогда прежде она не испытывала ничего подобного!

Ничего, хоть отдаленно похожего на ощущения, которые дарил ей Зарек. Конечно, ей случалось целоваться, хоть и так давно, что эти поцелуи почти стерлись из памяти. Но ни один из них не мог бы сравниться с поцелуем Зарека. Теперь она боялась: боялась не его — самой себя.

Ни одному мужчине она не позволяла заходить дальше поцелуев. Судья должна быть непорочна. Решившись на близость с женщиной, она лишится своего положения.

И все же она не находила в себе сил его оттолкнуть.

Впервые в жизни она захотела чего-то для себя. Хотела достичь недостижимого. Дать Зареку нечто особенное. Подарить ему минуту покоя и радости рядом с женщиной, которая принимает его и хочет быть с ним.

Если кому-то на свете нужно понимание, приятие и нежность, то именно ему!

Только он сможет понять...

Зарек приподнялся и начал расстегивать на ней рубашку, хотя больше всего ему хотелось сорвать ее с Астрид и отшвырнуть прочь. А затем ворваться в ее тело со всей свирепой страстью, на которую он был способен!

Но — нет. Даже во сне он не позволит себе обойтись с ней грубо.

Сам не понимая почему, он хотел быть с ней нежным. Хотел овладеть ею как человек, а не как дикий зверь.

Нет, он не станет врываться в нее, гонясь за ускользающим миготом наслаждения. Не станет спешить. Он хочет, чтобы эта ночь длилась вечно.

Впервые в жизни он ждал от женщины ответных чувств. Хотел, чтобы она показала, что он ей небезразличен. Что ей нравится быть с ним.

Никогда прежде, даже в самых смелых фантазиях, он не осмеливался выказать такое желание!

До сегодняшней ночи.

Астрид взяла его лицо в ладони и повернула к себе. Вгляделась ему в глаза своими чудными голубыми глазами. Она смотрит на меня как на человека, с изумлением и восторгом понимал Зарек. Смотрит так, словно видит во мне что-то хорошее!

— Зарек, ты такой красивый!

Эти слова, спокойные и нежные, пронзили его, словно удар меча. Красивый? Да он же отвратителен! Он урод!

По крайней мере, был уродом последние две тысячи лет.

Но — странное дело! — сейчас, глядя в ее лицо, полное нежности и ласки, он уже не чувствовал себя ни уродом, ни ничтожеством.

Разве такая женщина, как она, станет ложиться в постель с ничтожеством? Конечно, нет!

Даже во сне...

Он расстегнул на ней рубашку — и остановился, залюбовавшись ее телом. Нежные округлые груди — не слишком большие, не слишком маленькие, с набухшими темными сосками, словно молят: «Прикоснись к нам!». Мягкие линии живота и бедер, белоснежных, словно источающих сияние. Но по-настоящему у него перехватило дыхание при виде ее чуть раздвинутых ног. Между ними сияли влажные белокурые завитки, скрывающие за собой рай. По крайней мере, такой рай, в котором найдется место Зареку.

Астрид затаила дыхание: Зарек пожирал глазами ее тело с такой страстью, что взгляд его ощущался физически как прикосновение.

Вот он сошел с кровати и начал стягивать штаны.

Во все глаза смотрела она на его мощное, напряженное мужское естество — смуглое, обрамленное завитками угольно-черных волос. Никогда она не видела ничего столь же мужественного. Как же он прекрасен! Ее темный воин. В отличие от него, она знала, что этот сон реален. И, когда оба они проснутся и вспомнят о том, что произошло, — должно быть, она сильно об этом пожалеет.

Ее долг — оставаться беспристрастной. Но она нарушила кодекс Судьи: позволила себе ощутить сострадание к боли Зарека и страсть к нему самому.

И теперь хотела облегчить его боль. Любым способом. Любой ценой.

Ни один человек не заслуживает такой судьбы, какая выпала ему. Таких унижений, такой всеобщей ненависти.

Он накрыл ее собой и сжал в объятиях. Астрид прищурилась, наслаждаясь его тяжестью, впитывая каждой своей клеточкой ощущение его мощного, мускулистого тела.

Зарек задышался от наслаждения. Никогда он не испытывал ничего подобного!

Руки ее нежно гладили его по мускулистой спине. Вот она распахнула ресницы и снова взглянула ему прямо в глаза.

И в прекрасных глазах ее не было ни гнева, ни отвращения.

Только тепло. Только радость оттого, что он с ней.

Он нежно поцеловал ее, затем поймал губами ее верхнюю губу и сжал, наслаждаясь ее сладостью.

Когда он был смертным женщины, завидев его, отшатывались. А если он осмеливался подойти слишком близко — визжали и кидали в него чем попало.

Много ночей он пролежал без сна, пытаясь представить себе, каково это — обнимать женщину. Чувствовать, как тебя обвивают ее руки.

И вот это случилось — и оказалось неизмеримо лучше всего, что он мог вообразить!

Ни за что он не оставит ее по доброй воле! Он будет любить ее снова и снова, пока оба они не лишатся сил... или пока не кончится сон.

Астрид застонала, когда Зарек, прервав поцелуй, скользнул губами по ее шее вниз, к груди. Твердое орудие его упиралось ей в бедро, жарко и требовательно, и это интимное ощущение порождало сладкую дрожь во всем теле.

Нежно сжав рукой ее грудь, он обвел языком набухший сосок, а затем втянул его в рот и принялся сосать, чуть покусывая.

Она обхватила его голову ладонями и смотрела на него, слушая его тихие, умиротворенные вздохи. Казалось, ее тело для него — божественная амброзия. Он не мог насытиться ею: лизал, кусал, дразнил, пробовал на вкус каждый дюйм ее кожи — и все ему было мало!

Ни одному мужчине до сего дня она не позволяла столь интимной игры со своим телом. И теперь ужасалась при мысли о том, куда все это может ее завести. Что такое секс, Астрид до сих пор знала лишь теоретически; собственные чувства изумляли ее и пугали.

Что с ней происходит?

Разве нимфа справедливости не должна быть холодной, бесстрастной, не должна всегда сохранять спокойствие и ясный разум?

И, разумеется, не должна превращаться в игрушку мужчины!

Но все это теперь неважно. В конце концов, мама поймет — ведь у самой Фемиды множество детей! Отец Астрид — смертный, чье имя мать никогда не произносит. А об отце ее сводных сестер, Судеб, не известно ничего — не только имя, но даже то, человек это, бог или демон.

Так что, разумеется, мать простит ей это прегрешение.

Одна ночь любви — неужели для нее и это слишком много?

Впрочем, сейчас Астрид начинала подозревать, что одной ночи с Зареком ей окажется

слишком мало.

От нежного аромата Астрид, от мягкости и нежности ее тела у Зарека кружилась голова. Она тихо стонала от наслаждения, а он со звериным рычанием продолжал наслаждаться ее близостью, вкушал каждый дюйм ее чудной плоти.

Вкушал — и все не мог насытиться.

Астрид вскрикнула в экстазе, когда он, раздвинув ей ноги, припал устами к ее естеству.

Она не могла ни шевельнуться, ни вскрикнуть, так захватило ее пламя неведомого прежде наслаждения. Каждое движение его языка и губ дарило ей новое, невысказанное блаженство.

Она и не знала, что такое бывает!

Будь она смертной, наверное, умерла бы от счастья!

Но Астрид не спешила умирать. Наоборот, ей хотелось еще и еще!

И еще... И еще...

С колотящимся сердцем она приподняла голову, чтобы взглянуть на Зарека. Глаза его были закрыты, а на лице отражалось такое удовольствие, словно он, вкушая ее, наслаждался не меньше, чем она — его сладостная «пища».

Она зарылась руками в его шелковистые волосы и раздвинула ноги шире, приглашая его проникнуть в самые потаенные уголки ее существа. Зарек тихо рассмеялся, от этого по телу ее прокатилась новая волна наслаждения, — а затем слегка потерся небритой щекой о самое чувствительное ее местечко.

Астрид громко застонала.

Пальцы его скользнули внутрь и принялись аккуратно обводить тот самый уголок, что ныл от страстной жажды принять его в себя.

Он не спешил; нежно и аккуратно он ласкал Астрид, пока все тело ее не запылало.

Боги, возможно ли на земле такое блаженство?

Восторг ее рос и рос — и наконец не стало сил его удерживать. Имя Зарека сорвалось с ее губ, и впервые за долгие тысячелетия своей жизни Астрид испытала оргазм.

Но Зарек не останавливался! На ее стон он ответил удовлетворенным рычанием — и продолжал мучить ее сладкой мукой, пока она не взмолилась:

Зарек, пожалуйста! Пожалуйста, хватит! Остановись!

Он поднял голову и устремил на нее пылающий взор. Уголки его рта изогнулись в непривычной улыбке.

Остановиться? Принцесса, да я только начал!

Словно огромный свирепый зверь, он прополз вверх по ее телу, не отрывая губ от ее благоуханной плоти — пока наконец лица их не оказались друг с другом вровень.

Он сжал ее лицо в ладонях и снова яростно, страстно прильнул к ее губам.

Астрид застонала, ощутив, как он властно раздвигает коленом ее ноги. Жесткие курчавые волосы его щекотали ее нежную плоть, вселяя дрожь сладостного предвкушения.

От аромата и вкуса Астрид у Зарека кружилась голова. Она извивалась под ним, лаская его руками, ногами, всем телом. А когда ладони ее легли на его ягодичи и плотно прижали к ее телу, когда она вновь, задыхаясь, выкрикнула его имя... неужели возможно еще большее наслаждение?

Впервые за две тысячи лет он чувствовал себя человеком.

И еще — чувствовал себя желанным.

Раздвигая ее ноги еще шире, он приподнялся и взглянул ей в лицо.

Да, этого он и хотел. Хотел, чтобы она содрогалась под ним, влажная и жаждущая, в нетерпении ожидающая, когда он в нее войдет. Хотел ощутить, как обволакивает его ее тепло, ее мягкость, ее непорочная белизна.

Он хотел видеть ее лицо в миг, когда овладеет ею. Хотел знать, не пожалеет ли она о том, что ему позволила.

Мысленно приготовившись к худшему, не сводя испытующего взора с ее лица, он скользнул в ее бархатную глубину. Наслаждение было столь острым, что у Зарека потемнело в глазах.

Шумно выдохнув, Астрид выгнула спину и крепче сжала его плечи.

На лице ее промелькнула и исчезла боль, но не было ни отвращения, ни сожаления.

Напротив: глаза ее горели страстью и еще какими-то более нежными чувствами, которых Зарек не понимал и не умел назвать, ибо никогда прежде с ними не встречался.

Он чувствовал, что губы его сами собой растягиваются в улыбке. Впервые за два тысячелетия Зарек улыбался не злобно, не саркастически, а простодушно и радостно, как ребенок, получивший неожиданный и чудесный подарок.

Астрид задышалась от волнения и восторга. Не раз она пыталась вообразить себе, каково это — заниматься любовью с мужчиной, ощущать его внутри себя. Но ни в одной самой смелой фантазии не представляла, что это так прекрасно!

Он любил ее медленно и бережно, словно хотел, чтобы это длилось вечно. Словно ему достаточно было просто находиться внутри нее. Она обвила ногами его бедра; не отрываясь, они смотрели друг другу в глаза.

Что за блаженство — чувствовать его внутри себя, ощущать тяжесть его тела, видеть, как его лицо, всегда суровое, расплывается в изумленной и счастливой улыбке!

Странное чувство: словно они только что встретились по-настоящему. Или, может быть, заново узнали друг друга?

Привет! — проговорила она, повинувшись этому чувству.

Зарек поднял брови, неуверенно улыбнулся:

Здравствуй, принцесса!

Она сжала его лицо в ладонях, а он ускорил темп и начал входить в нее быстрыми, резкими толчками, так глубоко, что, казалось, доставал до пупка изнутри. Это были неопишуемые ощущения!

Зарек прикрыл глаза, наслаждаясь новообретенным блаженством.

Теперь он не удивлялся, что мужчины воюют и убивают друг друга ради женщин. Не удивлялся и тому, что Тейлон был готов умереть за Саншайн.

Астрид вознесла его к невообразимым высотам. Ожила в нем то, что он считал давно погибшим. Сердце. Душу.

Здесь, в ее объятиях, он впервые ощутил покой.

Да, странно сказать, но и в самом огне страсти, в яростном желании овладеть ею и познать ее всю, без остатка, он чувствовал такой покой и радость, как никогда в жизни.

Наклонив голову, Зарек слегка прикусил нежную кожу у нее на шее. Мочку уха. Почувствовал, как по ее телу пробежала сладостная дрожь.

Он царапнул ее кожу клыками. Искушение вонзить их в нежную шею было почти непреодолимо.

Какова на вкус ее кровь?

Какие новые чувства она ему подарит?

Зарек, ты хочешь меня укусить? — спросила она, и жилка на ее горле затрепетала под его зубами.

Он провел языком по пульсирующей венке.

А ты этого хочешь?

Нет. Я боюсь. Не хочу стать для тебя такой же, как все прочие женщины.

Этого не будет, принцесса! Ты такая одна.

Я — твоя роза?

Он коротко рассмеялся, вспомнив урок Маленького принца.

Да, ты — моя роза. Единственная на многих миллионах звезд и планет.

В ответ она крепко прижала его к себе.

Это объятие поразило его, словно удар молнии. Как будто открылся последний шлюз, запирающий его чувства, — и из глубин сердца хлынула наружу нежность, накопленная за две тысячи лет.

Он застонал и зарылся лицом ей в волосы.

Астрид прикусила губу, чувствуя, как он содрогается в ее объятиях, извергая в нее горячий поток семени. Улыбнувшись, она обняла его еще крепче и поцеловала в плечо.

Он замер в неподвижности. Тихо, словно уснул глубоким сном.

Возможно ли такое? Зарек — огромный, сильный, резкий, всегда «на взводе»; человек, вокруг которого, кажется, сам воздух потрескивает от напряжения...

Но не сейчас. Сейчас он обрел покой.

Он лежал на ней, неподвижный и бессильный, словно новорожденный младенец. Тела их по-прежнему сплетались. Он не хотел двигаться.

Да, пожалуй, и не мог.

Касаться ее — просто блаженство... Но было и кое-что еще. Он чувствовал, что теперь они связаны друг с другом. Чувство совсем новое, непонятное, немного пугающее... но Зарек боялся его утратить.

Неужели все это — только сон? Боги, пожалуйста, нет! Пусть это будет на самом деле!

Астрид устало прикрыла глаза. Зарек потерся носом о ее шею, и ей вдруг подумалось, что она только что приручила свирепого дикого зверя.

Она погладила его ноги своими, лаская его телом, провела рукой по эбеново-черным волосам. Зарек поднял голову и взглянул на нее. В его глазах читалось изумление и благоговение.

Теперь Астрид знала: она никогда не раскается в том, что на это решилась.

Он склонил голову и снова прильнул к ее губам.

Астрид наслаждалась его запахом и нежностью его поцелуя.

— О Зарек! — простонала она. Его имя, срывающееся с ее уст, дарило Зареку острое до боли наслаждение.

Он снова осторожно прикусил клыками нежную кожу на ее шее. Если бы это был не сон, давно бы уже прокусил вену и пил ее кровь...

В реальности он не стал бы заниматься с ней любовью.

Просто вкусил бы ее крови, а с ней — и жизни, и чувств, которых ему так не хватало. Интересно, каковы ее чувства во сне?

Приоткрыв губы, он ощутил пульсацию крови в трепещущей жилке.

Вкус у нее наверняка чудесный, это он мог сказать точно, и во сне, и наяву.

Зарек!

Он слышал ее голос — и чувствовал губами, как рождается у нее в горле его имя.

— Да?

Больше всего мне нравится, когда ты нежный, как сейчас.

Что-то в этих словах неприятно царапнуло. Нахмурившись, он отстранился от нее.

Что-то не так?

Все не так! Это не сон! Во всяком случае, не его сон. Его сны хорошими не бывают.

Никогда еще во сне он не занимался любовью.

Никогда и никто во сне не разговаривал с ним так, как она.

Никто не открывал ему запертую дверь.

Вскочив с постели, он принялся натягивать штаны. Пора уходить отсюда. Черт знает, что здесь творится, но это явно не обычный сон, а значит... значит, это какая-то ловушка.

Он не должен быть здесь! В постели с Астрид ему делать нечего.

Даже во сне.

Астрид встала и, завернувшись в одеяло, подошла к нему.

Зарек, не нужно от меня сбегать!

Я не бегу! — рывкнул он. — Я никогда ни от кого не бегаю!

И это правда. Более сильного человека Астрид не знала. Зарек грудью встречал все удары, что готовила ему судьба.

Останься со мной!

Зачем? Нам с тобой вместе делать нечего.

Она взяла его за руку.

Зачем ты отталкиваешь от себя людей?

Он отбросил ее руку.

Ты не понимаешь, о чем говоришь.

Нет, Зарек, понимаю, — с чувством проговорила она. — Еще как понимаю! Я знаю, каково это — нападать первым, чтобы не напали на тебя.

Что ты можешь об этом знать, принцесса? На кого ты нападала? И кто нападал на тебя?

Зарек, я знаю, что в тебе есть доброта. Покажи ее мне. Под панцирем боли и гнева в тебе прячется человек, умеющий любить. Умеющий оберегать и защищать.

Застегивая штаны, он холодно усмехнулся.

Слезливая чушь из дамских романов! — И, смерив ее последним убийственным взглядом, направился к выходу.

Астрид бросилась было за ним, но тут же остановилась.

Она не понимала, что делать. Как до него достучаться?

Она думала, ее слова успокоят Зарека, но вместо этого он разозлился. Впрочем, Зарек вообще отличается непредсказуемостью.

Растерянная и разозленная, она поспешно оделась и последовала за ним.

Похоже, мягкость и всепрощение на него не действуют.

Попробуем по-другому.

Пулей промчавшись мимо него, она распахнула перед ним входную дверь.

Зарек замер. За дверью сиял солнечный день, но лучи солнца не причиняли ему вреда.

Значит, это все-таки сон.

И все же...

Что это ты делаешь? — спросил он.

Как видишь, открываю тебе дверь. И придерживаю, чтобы она не стукнула тебя по заднице.

Зачем?

Ты же хотел уйти. Так иди. Убирайся! Зачем тебе сидеть здесь со мной, если я тебе так отвратительна?

Что ты говоришь? — недоуменно воскликнул Зарек.

Что значит «что говорю»? Разве не понятно? Я легла с тобой в постель, а ты не чаешь поскорее от меня отделаться. Видимо, я оказалась для тебя недостаточно хороша. Ну, извини, я старалась.

Недостаточно хороша для него?! Она что, издевается?!!

Он ошеломленно уставился на нее, разрываясь между двумя желаниями: утешить ее, приласкать — и обругать за тупость.

Наконец гнев победил.

Значит, ты «нехороша»? А я-то? Я тогда кто? Да знаешь ли ты, что при жизни со мной никто не ложился даже из жалости? Да что там, ко мне даже пальцем не притрагивались, брезговали! Хорошо еще, если палкой ткнут, чтобы убирался с дороги! Так что не надо тут корчить из себя обиженную и рассказывать, что ты ничего не стоишь! Я-то знаю, что значит ничего не стоить! Я знаю, каково это, когда тебя работоторговцу отдают даром, да еще и приплачивают, чтобы отделаться от тебя раз и навсегда!

Тут Зарек замер, сообразив, что он только что ляпнул. Ведь это один из его секретов. То, о чем он не рассказывал никогда и никому.

Одна из тех горьких истин, что столетие за столетием грызли его изнутри. Никто никогда не

хотел видеть его рядом с собой.

Никто и никогда. Кроме Астрид.

Вот почему он не мог остаться. Рядом с ней он впервые ощутил тепло. И это смертельно его напугало — потому что не было и не могло быть реальностью.

Это была еще одна жестокая пытка, назначенная ему судьбой.

Он проснется, и рядом с ним окажется реальная Астрид. Чужая, холодно-вежливая. Настоящая Астрид, которой он, разумеется, не нужен.

Им не быть вместе.

Все они были слепцами, Зарек. Они не видели тебя — и проморгали свое счастье. Это им не повезло, а не тебе.

Боги, как же он хотел этому поверить!

Как хотел поверить ей.

Почему ты так говоришь? Почему ты так ведешь себя со мной?

Я ведь уже сказала, Зарек: потому что ты мне нравишься.

Но почему? Я никому никогда не нравился!

Это неправда. У тебя всегда были друзья — просто ты никому не позволял подойти поближе и помочь тебе.

Ашерон... — прошептал он. — Джесс... — И горько усмехнулся, вспомнив, чем окончилась его дружба с Закатом.

Тебе надо научиться доверять людям.

Зачем? Чтобы они потом стреляли мне в спину?

Нет. Чтобы они тебя любили.

Любили? — Он саркастически рассмеялся. — На кой черт мне их любовь? Я без нее всю жизнь прожил — и дальше проживу! Да пошли вы все со своей любовью!..

Астрид выпрямилась, глядя ему в лицо пронзительным взглядом. На миг ему показалось, что ее голубые глаза излучают свет.

Можешь обманывать себя, — но я знаю правду. — Она протянула к нему руку. — Зарек, тебе нужно научиться доверию. Ты всегда был отважным. Так покажи мне свое мужество. Возьми мою руку. Доверься мне. Поверь, что я тебя не предаю.

Зарек стоял в нерешительности; сердце в груди стучало, как барабан. Никогда в жизни он не испытывал такого страха.

Даже в день собственной смерти.

Пожалуйста, поверь мне! — Голос ее смягчился. — Я никогда не причиню тебе боли!

Он неотрывно смотрел на ее руку. Изящную узкую руку с длинными пальцами.

Руку своей женщины.

Ему хотелось бежать.

Но вместо этого, сам не понимая почему, он сжал ладонь Астрид в своей руке.

Глава 9

Слезы облегчения покатались по щекам Астрид, когда ее рука утонула в огромной теплой ладони Зарека.

Руки у него сильные, мужественные. Руки, умеющие убивать. Но и защищать. А еще — ласкать и доставлять неземное наслаждение.

Теперь Астрид знала, что наконец достучалась до его сердца.

Достигла недостижимого.

Но лишь на миг. А в следующую секунду...

В следующую секунду лицо Зарека окаменело, и он отдернул руку.

Я не собираюсь меняться. И терпеть не могу, когда меня воспитывают!

С этими словами он резко развернулся и вышел из дома.

Тут Астрид впервые в жизни совершила еще один грех.

Выругалась.

Черт бы побрал этого твердолобого Охотника и его дурацкое упрямство!

Я же тебе говорил, с ним нелегко сладить.

Повернувшись, она увидела у себя за спиной М'Адока. Бог сновидений задумчиво следил за тем, как полуголый Зарек пробирается через сугробы.

И долго ты подслушивал? — поинтересовалась она у старшего из онэрос.

Не так уж долго. Я знаю, когда лучше не заглядывать в чужие сны.

Вот лучше и не заглядывай! — предупредила Астрид.

М'Адок не ответил на эту невысказанную угрозу, взгляд его не отрывался от мелькающей на белом фоне черной фигуры Зарека.

И что теперь будешь делать? — поинтересовался он.

Возьму дубину потолще и вобью в него немного ума!

Многие уже пробовали, — сухо заметил М'Адок. — Не помогло.

М-да, не поспоришь. Астрид устало вздохнула.

Честно говоря, я не знаю, что делать, — призналась она. — Рядом с ним я чувствую себя беспомощной.

Серебристые глаза М'Адока блеснули.

Не стоило тебе усыплять ни его, ни себя. На этом плане реальности опасно задерживаться слишком долго.

Знаю, но что мне оставалось? Он твердо решил уйти. Ты же знаешь, я не могла ему этого позволить. — Помолчав, она устремила на Ловца Снов умоляющий взгляд. — М'Адок, мне нужен совет. Как мне сейчас не хватает Ашерона! Он — единственный, кто может мне что-то рассказать о Зареке!

А сам Зарек?

Ты же его видел!..

Он встретился с ней взглядом.

И что же, ты готова сдаться?

Никогда!

Улыбка — редкая гостья на устах М'Адока — показала ей, что он воспринял ее эмоции.

Так я и думал. Рад видеть, что ты снова обрела решимость.

Но как мне до него достучаться? Дай хоть какую-нибудь подсказку!

М'Адок поднял руку — и на его раскрытой ладони возникла тонкая книжечка в темно-синей обложке. Он протянул книгу Астрид.

Это был «Маленький принц».

Любимая книга Зарека, — пояснил М'Адок.

Неудивительно, что Зарек постоянно ее цитировал!

Это книга о том, как жить, когда твое сердце разбито, — прозвучал у нее над головой тихий голос Ловца Снов. — Книга о волшебстве, о любви и о надежде. Казалось бы, что может значить такая книга для такого, как он?

С этими словами М'Адок растаял в воздухе. Перелистав книгу, Астрид заметила, что бог сновидений подчеркнул для нее некоторые фразы и абзацы.

Астрид закрыла книгу и устало опустилась в удобное кресло, сотканное из воздуха прямо у нее за спиной.

«Таковы все боги сна, — улыбнувшись, подумала она. — Вечно изъясняются метафорами и загадками, ни за что не скажут того, что думают, напрямую. Предпочитают, чтобы их

собеседники потрудились над решением задачи и сами нашли ответ».

М'Адок, глава онэрос, спрятал ключи к разгадке в книге.

Что ж, она внимательно прочтет все подчеркнутые места — и постарается понять, как они связаны с внутренним миром Зарека.

Быть может, тогда у нее появится надежда его спасти.

Влетев в магазинчик, Джесс поспешно захлопнул за собой дверь и отряхнулся, словно пес, выходящий из воды. Будь он проклят, до чего же здесь холодно!

Как, интересно, Зарек жил на Аляске, пока не изобрели центрального отопления? Без друзей, без Оруженосцев... Надо отдать должное его другу: он в самом деле крепкий орешек!

Сам Джесс скорее согласился бы, чтобы его избили до полусмерти и засунули голым в термитник!

Седобородый джентльмен за прилавком, в потрепанном, но теплом и уютном на вид зеленом свитере, кивнул посетителю и одарил его понимающей улыбкой. Как видно, он прекрасно расслышал, что именно бормочет Джесс себе под нос, и прекрасно понял почему.

Джесс сдвинул шарф, почти полностью скрывающий его лицо, и вежливо кивнул хозяину. Хорошие манеры требовали снять при входе свой стетсон, — но, будь он проклят, если решится обнажить голову!

Он не хочет терять ни капли драгоценного тепла.

Доброго здоровьичка, сэр, — поздоровался он на манер американского Юга. — Будьте так любезны, не откажите в чашечке кофе. Или еще чего-нибудь горячего. По-настоящему горячего.

Хозяин, рассмеявшись, указал ему на кофе-машину у стены.

Вы, должно быть, не из здешних мест.

Слава богу, нет, сэр! — с чувством ответил Джесс.

Старик снова рассмеялся.

Ничего, вот поживете здесь немного — кровь у вас загустеет, и вы наших морозов даже замечать не будете!

«Загустеет? Да она должна в камень превратиться, чтобы такого не замечать!» — мысленно ответил Джесс.

Скорее бы домой, в Рено, пока он не стал первым в истории Темным Охотником, погибшим от холода!

Джесс налил себе самую большую чашку кофе и вернулся к прилавку. Поставив ее здесь, он долго копался в бесчисленных слоях своего обмундирования — куртка, фланелевая рубашка, свитер, комбинезон, — пока наконец не добрался до кармана с бумажником. Расплачиваясь, он заметил на стеклянной полочке над головой у хозяина необычную деревянную фигурку —

ковбоя верхом на норовистом скакуне.

Джесс нахмурился. Этот жеребец был ему знаком. Да и всадник...

Это же он сам!

Будь он проклят! Статуэтка — точная копия фотографии, сделанной прошлым летом, когда он объезжал этого жеребца у себя на ранчо. Этот снимок он послал по электронной почте Зареку.

Любопытная вещичка, правда? — проговорил хозяин, заметив, куда смотрит посетитель. — Вы с этим парнем очень похожи.

Да, сэр, я заметил. Откуда она у вас?

Старик повертел головой, словно сравнивая статуэтку с незнакомцем.

Купил в ноябре на нашем рождественском аукционе.

Такого ответа Джесс никак не ожидал!

На рождественском аукционе?

Каждый год наш клуб «Белый Медведь» собирает деньги для неимущих и нуждающихся. Под Рождество мы проводим благотворительный аукцион. И вот уже лет двадцать или около того каждое Рождество Санта приносит нам подарки — целые мешки таких вот резных фигурок. А мы их продаем. И так и не знаем, кто этот неизвестный художник. Кстати сказать, каждый месяц нам по почте приходит довольно большая сумма денег от неизвестного доброжелателя, и мы думаем, что это тот же парень.

«Санта»? В смысле, Санта-Клаус?

Старик кивнул.

Звучит, быть может, глупо, но как еще назвать человека, который приходит под Новый год и делает добрые дела? Раз или два полицейские видели, как он тащил мешки к входу в наш клуб, но, конечно, не трогали его и не пытались установить его личность. И еще много хорошего делает этот таинственный незнакомец: то расчистит от снега дорожки перед домами одиноких стариков, то вырежет и расставит по городу ледяные скульптуры... Кстати, несколько таких вы должны были видеть, когда шли сюда.

Тут Джесс сообразил, что у него все сильнее отвисает челюсть — того гляди, покажутся клыки, — и поспешно закрыл рот. Конечно, когда он шел по городу, то видел изящные ледяные фигуры.

Но предположить, что их сделал Зарек?! Тайком, чтобы доставить удовольствие местным жителям?

Ему бы и в голову не пришло, что бывший раб способен на такие... художества. Даже немногие друзья Зарека признавали, что он довольно-таки черствый тип. Что же до недругов — а их было гораздо больше, — они в один голос называли его ублюдком без сердца и без совести.

Хотя... Зарек ведь никогда не рассказывал Джессу, чем он здесь занимается в свободное время. В сущности, о себе он вообще говорил очень мало.

Расплатившись за кофе, Джесс вышел на улицу.

Дошел до конца улицы — до одной из тех самых ледяных скульптур на перекрестке. Луна озаряла ее серебристым светом и рассыпала причудливые блики по ее поверхности. Лось почти восьми футов в высоту — ноги напружинены, голова с тяжелыми рогами наклонена, и, кажется, вот-вот он сорвется с места и умчится в бескрайние северные леса...

И это — работа Зарека?

Быть такого не может!

Джесс поднес чашку к губам... и обнаружил, что кофе уже замерз.

— Ненавижу Аляску! — проговорил он, оглядываясь вокруг в поисках мусорного бака.

И в этот миг зазвонил мобильник. На экране высветился номер Джастина Кармайкла — Оруженосца из числа Братьев Кровавого Обряда. Вместе с другими Братьями Кармайкл явился на Аляску, чтобы выследить и убить Зарека. По всей видимости, едва узнав, что Артемида и Дионис желают его смерти, Оракулы сообщили об этом Совету, а тот немедленно отправил банду головорезов прикончить Охотника, сбившегося с пути.

Теперь между ними и Зареком стоял только Джесс.

Джастин родился и вырос в Нью-Йорке. Он был молод — лет двадцати четырех, не старше, — но успел усвоить бандитский жаргон и наглые манеры, от которых Джесса просто воротило.

Да, Кармайкл. Что тебе? — проговорил он в трубку.

Проблемка нарисовалась.

А именно?

Помнишь ту бабу, что помогала Зареку? Шерон?

И что с ней?

Мы только что ее нашли. Дом сожгли, саму ее избили до полусмерти. Поверь моему слову, это Зарек ей отплатил за то, что его заложила.

У Джесса похолодело в груди.

Черт! Что она говорит?

Ничего. Поверь мне, она еще долго ничего сказать не сможет. Сейчас она у докторов, а мы едем к Зареку. Покажем этому ублюдку, где раки зимуют, пока он еще кого-нибудь не покалечил!

А что с дочкой Шерон?

Слава богу, девчонка была у соседки. Сейчас Майк за ней присматривает — на случай, если Зарек надумает вернуться.

Джессу никак не удавалось вдохнуть — и не из-за колючего морозного воздуха. Что произошло? Кто мог это сделать? В отличие от Оруженосцев, Джесс точно знал: Зарек здесь ни

при чем.

Зарек сейчас совсем в другом месте. И только Джесс точно знал, где именно.

Эш объяснил ему, что происходит, и поручил проследить за тем, чтобы никто не трогал Зарека, пока не окончится его испытание.

Однако, похоже, в игру вступили какие-то новые силы. Кто-то решил подставить Зарека — и все полетело в тартарары!

Я пойду с вами, — решительно сказал Джесс. — Подождите меня в гостинице.

Это еще зачем? Опять встанешь у нас на пути, как в прошлый раз, когда ты не дал нам с ним разделаться?

Такой наглости Джесс не выдержал.

— Слушай, парень, — проговорил он тихо, но угрожающе, — ты этот свой тон спусти в унитаз и слей воду. Ты не со своим подчиненным разговариваешь. Так уж вышло, что я — твой начальник. Почему я иду туда или сюда — не твое дело. Просто сиди в гостинице и не трогайся с места, пока я не приду, иначе, богом клянусь, ты у меня узнаешь, почему Уайетт Эрп однажды в штаны напрудил, встретившись со мной!

Поколебавшись, Кармайл ответил сухо и официально:

— Слушаюсь, сэр. Мы в гостинице, ждем вас.

Джесс отключился и сунул мобильник в карман.

Бедная Шерон! Кто посмел такое с ней сотворить? Уж конечно, не Оруженосцы — никто из них на это бы не осмелился.

И, что бы там ни говорили другие, Джесс знал, что Зарек на такое не способен. И дело не только в том, что у него стопроцентное алиби.

Просто его друг Зарек — не из тех, кто нападает на слабых.

Но если не он, то кто же?

Астрид нашла Зарека посреди средневековой деревни, разгромленной и сожженной дотла.

Повсюду лежали трупы. Мужчины и женщины, молодые и старые, обожженные до неузнаваемости — и неповрежденные, если не считать страшных кровавых ран на горле. Такие раны оставляют своими клыками даймоны.

По разоренной деревне шагал Зарек. Глаза его, пылающие на мрачном лице, были полны несказанной муки.

Он шел, обхватив себя руками, словно пытался защититься от того ужаса, что творился вокруг.

Где мы? — спросила она.

Казалось, он совсем не удивился, увидев ее здесь. Не испытал ни радости, ни каких-либо иных

чувств. Он был погружен в страшные воспоминания.

В Таберли, — тихо ответил он.

Таберли?

Моя деревня, — произнес он глухо, едва слышно. — Здесь я прожил триста лет. Была здесь одна старуха... не всегда она была старухой, конечно, — впервые она встретила со мной еще девчонкой... порой она оставляла для меня угощение — вяленую баранью ногу, бурдюк эля... или просто записку — слова благодарности за то, что я за ними присматриваю... — Он повернулся, и Астрид увидела его искаженное горем лицо. — Я должен был их защищать!

Астрид не успела спросить, что произошло с деревней, из развалин послышался слабый женский стон.

Зарек поспешил туда.

На земле перед ними лежала умирающая старуха: тело ее, все в синяках и ранах, было страшно изувечено. По лицу Зарека Астрид поняла: это та женщина, о которой он говорил.

Он опустился перед ней на колени, отер кровь, пузыряющуюся на губах.

Женщина узнала его, и серые глаза на окровавленном морщинистом лице блеснули гневом.

Как... ты... мог? — прохрипела она из последних сил.

А в следующий миг обмякла у него в руках, и глаза ее навеки погасли.

Зарек испустил яростный рев. Отпустив женщину, он вскочил и зашагал кругами, шумно дыша, запустив руки во всклокоченную копну волос.

В этот миг трудно было сомневаться, что он безумен.

Сердце Астрид разрывалось от сострадания, но она не понимала, что происходит. Что здесь случилось? Отчего он так мучается?

Зарек, что произошло? — воскликнула она, подбежав к нему.

Он повернулся к ней: лицо искажено болью, глаза потемнели еще сильнее от ненависти и презрения к себе.

Широким жестом он обвел страшную картину бойни и разрушения.

Это я их всех убил! — Казалось, каждое слово дается ему со страшной мукой. — Не знаю почему. Не помню. Помню только ярость и жажду крови. Не помню даже, как их убивал, помню только, как они падали и умирали вокруг меня.

Астрид слушала с ужасом и болью, не в силах смотреть ему в лицо — и не в силах оторвать глаз.

— Теперь понимаешь, почему я не могу остаться с тобой? Почему нам нельзя быть вместе? Я — чудовище. А если однажды я убью и тебя?

При этих словах холодный ужас сдавил ей горло.

Что, если она в нем ошиблась?

«Невиновных не бывает, — любила говорить ее сестра Атти. — Единственные честные люди — младенцы, которые еще не научились лгать».

Пораженная страхом, она оглянулась вокруг, на груды мертвых тел...

Неужели Зарек в самом деле мог сотворить такое?

Теперь она не знала, что и думать. Человек, совершивший такое злодеяние, безусловно, заслуживает смерти. И это более чем объясняет, почему Артемида старалась держать его подальше от людей.

Людей... Стоп!

Астрид задумалась.

Что-то здесь не так.

Что-то совсем не так.

Астрид снова оглянулась на изуродованные трупы. Трупы смертных. В основном женщин. Но есть и дети.

Если бы это сделал Зарек, Ашерон убил бы его немедленно, своими руками! Глава Охотников не терпел тех, кто охотится на слабых и беззащитных. И никогда не прощал злодеев, причинявших вред детям.

Нет, Ашерон не пощадил бы Охотника, жестоко истребившего тех, кого он поклялся защищать! Астрид могла усомниться в чем угодно — только не в этом.

А ты уверен, что это сделал ты? — спросила она.

Этот вопрос, казалось, изумил его.

А кто же еще? Кто это мог быть, кроме меня? Ты видишь здесь кого-нибудь еще с клыками?

Может быть, какой-нибудь зверь...

Да, Астрид, зверь. И этим зверем был я. Больше никому.

Но она все же не верила. Должно быть какое-то иное объяснение!

Ты говоришь: ты не помнишь, как убивал их. Так, может быть, это все-таки не ты?

Глаза его сверкнули гневом и болью.

Нет, я помню. И знаю: это сделал я. И все остальные это знают. Вот почему другие Охотники боятся меня. Вот почему никто со мной не разговаривает. Вот почему меня изгнали в безлюдную глушь. Вот почему я просыпаюсь каждую ночь в страхе, что Артемида отправит меня куда-нибудь подальше от Фэрбенкса — туда, где нет людей, которым я могу навредить.

Астрид разрывалась между страхом и желанием ему верить. Она боялась, что он прав. Но внутренний голос подсказывал: нет, этот измученный человек с сердцем поэта, человек,

способный превращать деревянные поленья в чудные произведения искусства, человек, заботящийся о волке, который едва его не загрыз, — не мог стать убийцей невинных!

Однако одного убеждения мало, нужны доказательства.

«Просто не верю, что он мог убить!» — для судебного вердикта этого маловато. Ни ее мать, ни Артемиду ссылками на внутренний голос не убедишь. Она должна доказать невинность Зарека.

Доказать, что он не способен убить смертного.

Я хотел бы только одного — понять почему! — простонал Зарек. — Что привело меня в такое бешенство? Почему я убил их всех и даже этого не помню?

Он поднял на нее измученный, потухший взгляд.

Артемиды права. Я чудовище. Мне нельзя быть среди людей.

При этих словах глаза ее наполнились слезами.

Нет, Зарек! Ты не чудовище!

Никогда она этому не поверит!

Астрид подошла ближе и крепко обняла его, не зная, примет ли он это утешение.

На миг он напрягся, словно хотел ее оттолкнуть, но затем расслабился. Астрид с облегчением вздохнула, радуясь тому, что он принимает ее сочувствие.

Стальные руки обхватили ее и крепко прижали к сильному, бугрящемуся мышцами телу. Щекой, плечами, грудью Астрид ощущала его сильные мускулы. Никогда в жизни она не испытывала ничего подобного! Не сталкивалась с таким сочетанием стальной мощи — и щемящей нежности.

Она провела рукой по его спине — и почувствовала, что он дрожит.

Астрид улыбнулась, наслаждаясь своей новообретенной властью над ним. Нимфа справедливости — в первую очередь Судья и лишь в последнюю — женщина; так что нечасто ей приходилось ощущать себя женственной или сексуальной.

В сущности, не приходилось совсем. До сегодняшней ночи.

Она стала иной благодаря Зареку. Это он открыл для нее ее собственное тело, научил любить его, понимать и наслаждаться им. Научил слушать, как бьются в такт их сердца. Прислушиваться к тому, как закипает кровь, когда он сжимает ее в объятиях.

Он подарил ей наслаждение, и она страстно хотела чем-нибудь его отблагодарить.

Успокоить. Развеселить. Помочь улыбнуться.

Неохотно высвободившись из его объятий, она отступила на шаг и протянула ему руку.

Идем со мной.

Куда?

Туда, где тепло.

Зарек колебался. Он не привык доверять людям. Точнее, верил лишь в одно — что, если подойти к ним близко, они непременно причинят тебе боль. И в этом люди никогда его не разочаровывали.

Но поверить, что тебе не желают зла, — это совсем другое дело!

В глубине души ничего он так не хотел, как довериться.

Довериться ей.

Хотя бы раз. Хотя бы во сне.

Глубоко вдохнув, он сжал ее руку в своей.

В одно мгновение Астрид перенеслась вместе с ним из разоренной деревни на залитый солнцем пляж. Зарек, непривычный к сиянию летнего южного дня, заморгал и прикрыл глаза рукой, защищая их от почти забытого солнца.

Он никогда в жизни не был на пляже. Лишь видел их по телевизору или на снимках в глянцевых журналах. Солнце пекло и щекотало ему кожу, насквозь прогревало задубевшее от мороза тело. Его ласковые лучи, казалось, проникали в самую глубину его «я» — и растапливали тысячелетние ледники одиночества и отчаяния.

По-прежнему босиком и в одних кожаных штанах он шел по пляжу, оглядываясь вокруг.

Здесь еще лучше, чем в Нью-Орлеане! Рядом неумолчно шумел прибой; пенные волны набегали на песчаный берег и снова откатывались в море. Босые ноги ласкал теплый песок.

Мимо него пробежала к морю Астрид. На ходу она сбрасывала с себя одежду, пока не осталась в крошечном голубом бикини.

Остановившись у кромки воды, бросила на него лукавый взгляд, полный страстных обещаний, — взгляд, от которого он вздрогнул, несмотря на жару.

Не хочешь ли окунуться?

Извини, купальника я с собой не захватил.

Астрид расхохоталась.

Что это? Оказывается, ты умеешь шутить?

М-м... должно быть, меня кто-то околдовал.

И в самом деле, его околдовала прекрасная морская нимфа.

Астрид решительно направилась к нему.

Зарек ждал. Он не мог сдвинуться с места, не мог дышать — казалось, жизнь и смерть его сосредоточились меж ее соблазнительно покачивающихся бедер.

Встав перед ним, она начала расстегивать на нем штаны. Нежные пальчики скользнули по жестким волоскам, мысом спускающимся от пупка к чреслам, и это ощущение было столь ново, столь восхитительно, что естество Зарека мгновенно восстало. Он снова хотел ее — хотел до умопомрачения!

Медленно, очень медленно она расстегивала молнию, лукаво поглядывая на него из-под ресниц.

И вот в миллиметре от его возбужденного, рвущегося на свободу члена вдруг остановилась. Словно в нерешительности, прикусила губу. Скользнула ладонями в обратную сторону — вверх по животу, по груди...

Зачем ты так меня трогаешь? — задыхаясь, простонал Зарек, когда ладони ее легли на его обнаженную грудь.

Затем, что мне это нравится. А ты не против.

Он прикрыл глаза, наслаждаясь каждым мгновением. Она просто гладит его по груди: почему эта незатейливая ласка наполняет его таким невыносимым блаженством?

Она шагнула ему навстречу, и он инстинктивно прижал ее к себе. Нежные груди коснулись его груди, и возбуждение Зарека стало почти невыносимым.

Ты когда-нибудь занимался любовью на пляже?

От этих слов у него перехватило дыхание.

Я занимался любовью лишь раз в жизни. С тобой, принцесса.

Приподнявшись на цыпочки, она одарила его сладким, мучительным поцелуем.

А затем с улыбкой расстегнула молнию на его штанах до конца и сжала в ладони напряженное мужское оружие.

— Что ж, полярный житель, смотри, как бы тебе не растаять!

Эш был один в храме Артемиды, на террасе, соседствующей с тронным залом, откуда открывался вид на прекрасный водопад, переливающийся всеми цветами радуги. Ашерон сидел на мраморном парапете, прислонившись обнаженной спиной к резной колонне. Его золотистые волосы были отброшены за спину и собраны в хвост.

За перилами балкона простирался цветущий сад. Здесь, в заоблачном раю, паслись олени и антилопы, спасенные Артемидой от охотников и других опасностей, отсюда доносился лишь шум падающей воды да неумолчное пение птиц.

Все вокруг излучало безмятежность и покой. И все же Эш не находил себе места от тревоги.

Артемиды и ее прислужницы отправились в Теокрополь — град богов. Зевс созвал всю свою родню на совет олимпийцев, и это означало, что хотя бы несколько часов Ашерон может побыть в одиночестве.

Но даже это его не радовало.

Его беспокоило испытание Зарека. Эш чувствовал: что-то идет не так. Но не мог выяснить, что происходит, не используя свои сверхъестественные силы. А это повлекло бы за собой гнев Артемиды. Пусть только на него — это он бы стерпел; но не хотел подставлять под удар разгневанной богини ни Зарека, ни Астрид.

Так что оставалось мучиться неизвестностью.

«Акри, можно мне сойти с твоего плеча и немножко погулять?»

Это была Сими, и, как всегда, услышав ее нежный голосок, Ашерон немного успокоился.

Сейчас, будучи частью Ашерона, юная демонесса ничего не видела и не слышала — вплоть до того момента, когда он назовет ее по имени и прикажет действовать. Она не могла даже читать его мысли.

Но чувства различала. Эта способность позволяла ей догадаться, что он в опасности, — и, если в ней возникнет нужда, броситься на его защиту, не дожидаясь приказа.

Да, Сими. Прими человеческий облик.

Демонесса соскользнула с плеча Ашерона и явилась перед ним. Сегодня белокурые волосы ее были заплетены в косу, крылья отливали серебристой сталью, а глаза — цветом грозового неба.

Акри, почему ты грустишь?

Я не грущу, Сими.

Ну я же вижу! У тебя болит вот тут, где сердце. Как у Сими, когда Сими плачет.

Я никогда не плачу, Сими.

Знаю.

Она села рядом и положила голову ему на плечо. Один из ее черных рожков царапнул ему щеку, но Ашерон этого не заметил. Сими обняла своего хозяина и крепко прижалась к нему.

Прикрыв глаза, Ашерон прижал ее к себе, накрыл детскую головку огромной ладонью. На сердце у него стало чуть полегче. Только Сими умела успокаивать его измученную душу — должно быть, потому, что она одна прикасалась к нему без страсти, без чувственности, без скрытых желаний и притязаний.

Невинно, по-детски. Как маленькая девочка обнимает отца или старшего брата.

Для него это было счастьем.

А можно, я все-таки съем эту рыжую богиню?

Ашерон улыбнулся. Сколько раз уже он слышал этот вопрос — и отвечал всегда одинаково:

Нет, Сими, нельзя.

Сими вздернула голову и показала ему язык. Затем соскользнула вниз, чтобы он покачал ее на ноге.

Ну почему? Мне так хочется ее съесть! Она такая противная!

Боги все такие.

Ну, нет, не все. Только некоторые. Вот атлантйские боги мне нравились. Они были такие хорошие! Почти все. Вот, например, Ар-хон... ты когда-нибудь встречался с Архоном?

Нет.

Хотя, честно говоря, он иногда тоже бывал довольно противным. Он был очень высокий, как ты, даже выше, и волосы тоже светлые, как у тебя. И красивый. Хотя ты еще красивее. Ты красивее всех, даже богов. Других таких нет. Хотя... — Она запнулась, вспомнив о его брате-близнеце. — Нет, есть еще один. Но он, хоть и похож на тебя, на самом деле гораздо, гораздо хуже! Он знает об этом и тебе завидует, правда?

Эш улыбнулся еще шире.

Сими задумалась, отыскивая потерянную мысль.

— О чем я говорила? Ага, теперь вспомнила. Вот ты всех любишь, а Архон не очень-то всех любил. Он часто делал так же, как ты, когда по-настоящему рассердишься, — вот знаешь, когда ты взлетаешь и все вокруг тоже взлетает в воздух, горит, звенит, так что прямо ужас? Ну вот. Он тоже часто так делал. Только у тебя это лучше получается, акри, потому что у тебя вообще все получается гораздо лучше, чем у других! Ты умеешь все делать красиво, даже сердиться!.. Ой, я опять отвлеклась. Так вот. Архон меня любил. Он часто говорил: «Сими, ты настоящий демон!» Хотя, если как следует подумать, это странно: разве бывают фальшивые демоны?

С рассеянной улыбкой Эш слушал ее болтовню о богах и богинях, которым поклонялись люди во времена его смертной юности.

Он любил слушать путанные рассказы Сими. Рассказы ребенка о чуждом ему мире взрослых — сложном мире, в котором пытается разобраться малыш.

В свои одиннадцать тысяч лет Сими оставалась ребенком. Ее взгляд на мир был по-детски прост и ясен. Тебе кто-то не нравится? Съешь его!

Сими не была злой или кровожадной. Она была обыкновенной девочкой-демоном, безмерно могущественной и по-детски наивной. Не имеющей представления о подлости, обмане или предательстве.

Как ей завидовал Ашерон! И именно поэтому так старательно ее оберегал. Не хотел, чтобы она прежде времени получила горькие уроки, столь хорошо знакомые ему самому.

Его судьба лишила детства, так пусть хотя бы детство Сими останется безопасным и счастливым! Он готов был защищать ее и оберегать любой ценой. Поскольку не представлял себе, как мог бы жить без нее.

Когда они встретились, ему едва исполнился двадцать один год, а она была, в сущности, младенцем. Можно сказать, они вырастили друг друга: демон и атлантиец.

Два безмерно одиноких существа нашли друг друга. И оставались вместе — вдвоем против всего мира — вот уже одиннадцать тысяч лет.

Сими сделалась частью Ашерона, такой же, как рука или нога.

Без нее он не сможет жить.

Двери храма растворились, и по шипению Сими Ашерон догадался: вернулась Артемида.

Повернул голову — так и есть: богиня на всех парах мчится сюда.

Ашерон устало вздохнул.

Увидев Сими, Артемида остановилась, как вкопанная.

А эта тварь что здесь делает? Почему она не у тебя на плече?

Арти, мы разговариваем.

Пусть убирается!

Сими негодуяще фыркнула:

Раскомандовалась тут, старая рыжая корова! Да, старая, старая, старая! И корова!

Сими! — негромко, но внятно окликнул ее Ашерон. — Пожалуйста, вернись ко мне!

В последний раз смерив Артемиду негодующим взглядом, Сими превратилась в бесформенную черную тень, скользнула Ашерону на грудь — и впечаталась в его кожу огромным татуированным драконом, свирепыми кольцами обвивающим его грудь и плечи.

Эш мрачно усмехнулся. Теперь Сими обнимает его и одновременно злит Артемиду, которая терпеть не может, когда демон занимает много места на его теле.

Прикажи ей подвинуться! — потребовала Артемида.

Но Эш предпочел сменить тему:

Почему ты так рано вернулась?

Выражение лица Артемиды ясно подсказало ему: грядут дурные вести.

Эш скрестил руки на груди.

Что случилось?

Артемида обвила рукой колонну и, опустив глаза и кусая губы, принялась теревить золотую отделку своего пеплоса.

Эш выпрямился; у него засосало под ложечкой. Артемида мнетя, словно нашкодивший ребенок, — верный признак, что стряслась беда.

Артемида, ответь мне!

Артемида шумно вздохнула.

Ну вот, началось! Ты и так все время на меня злишься, а если я расскажу, что случилось, ты вообще с ума сойдешь! Захочешь уйти, а уйти ты не можешь, поэтому начнешь кричать на

меня...

В груди у Ашерона что-то сжалось в тугой узел.

Даю тебе три секунды. Не скажешь, — я верну себе свои силы и узнаю сам; и плевать мне на то, что твои родственнички заметят меня и узнают твою тайну!

Нет! — поспешно вскричала Артемида. — Не смей!

Ашерон ждал; на щеке его дергался мускул.

Артемида отступила на шаг — так, чтобы их разделяла колонна, — и прошептала голосом ребенка, застигнутого над разбитой маминой чашкой:

Танат на свободе.

Что?! — Ашерон вскочил на ноги.

Вот видишь! Я же говорила, что ты раскричишься!

«Раскричишься»? Поверь мне, я еще и не начал кричать! — процедил Ашерон сквозь стиснутые зубы. Он начал мерять широкими шагами балкон, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не сорваться. — Ты же обещала, что отзовешь своего пса!

Я пыталась, но он... ему как-то удалось ускользнуть.

Как?

Не знаю. Он улучил момент, когда я отвлеклась. А теперь не повинуется мне. Даже не отзывается.

Эш бросил на нее убийственный взгляд.

Смертоносное чудовище вырвалось на волю. А он, Ашерон, единственный, кто способен его остановить, сидит под домашним арестом в храме Артемиды!

Черт бы побрал ее фокусы и уловки! Ашерон, в отличие от олимпийских богов, к своему слову относится очень серьезно. Дело в том, что нарушение клятвы может его убить.

В буквальном смысле.

В груди его кипел гнев. Если бы Артемида его послушалась! Тогда им не пришлось бы вновь переживать этот кошмар.

Девятьсот лет назад, когда я убил предыдущего Таната, ты обещала мне, что не станешь воссоздавать чудовище. Вспомни, что произошло тогда! Сколько смертных он растерзал! Сколько истребил Охотников! Хотя бы это ты помнишь?

Артемида выпрямилась и встретила его гневный взор упрямым взглядом.

А ты помнишь, сколько раз я тебе говорила, что твоих людей нужно контролировать? Что должна быть сила, карающая их, если они выйдут из повиновения. И кто этим будет заниматься — ты? Да ты даже со своим демоном нянчишься как с ребенком! И Охотников вечно выгораживаешь, сочиняешь для них оправдания! «Ах, Артемида, ты не понимаешь... Бла-

бла-бла!» Все я понимаю. Я прекрасно понимаю: ты добр и снисходителен ко всем на свете, кроме меня! Вот мне и пришлось создать слугу, который слушает, что я говорю. — Она смерила его многозначительным взглядом. — Который действительно мне подчиняется.

Сжимая и разжимая кулаки, Эш трижды досчитал до десяти. Артемида обладала удивительным талантом выводить его из себя, но сорваться на нее было бы смертельно опасно. Вступив в схватку с богиней, Ашерон мог потерять контроль над своей силой.

— Арти, на твоём месте я бы оставил эту тему. Как твой палач тебе «подчиняется» — мы уже видели.

Предыдущий Танат, измученный столетним заключением и жаждой мести, вырвавшись на волю, вихрем смерти пронёсся по европейским странам. Тогда Эшу пришлось сочинять миф о чуме, чтобы не объяснять ни смертным, ни Охотникам, почему население одной только Англии уменьшилось на сорок процентов.

При мысли о том, что этот монстр вновь на свободе, Ашерон с силой потер лицо руками. Черт бы побрал Артемиду! Когда он спорил с ней и умолял ее не выпускать Таната, надо было догадаться, что уже поздно!

Но он, как последний дурень, вообразил, что на нее можно положиться.

Сколько же можно попадаться на одну и ту же удочку?

Черт побери, Артемида! Ты же прекрасно знаешь, на что способен Танат! Он может собрать даймонов и подчинить их себе. Он способен призывать их за сотни миль. В отличие от моих Охотников он не боится солнца и его невозможно убить. А единственное его уязвимое место им неизвестно.

Ты сам виноват — надо было их предупредить! — надув губы, протянула Артемида.

О чем предупредить? «Ведите себя прилично — иначе эта стерва выпустит на вас безумного убийцу»?

Как ты смеешь называть меня стервой?

Ашерон выпрямился, прислонился спиной к колонне, взглянул ей прямо в глаза.

Ты понимаешь, что натворила?!

Он всего лишь мой слуга! Я всегда могу призвать его обратно!

Однако руки у нее дрожали, а на лбу выступили капельки пота.

Тогда почему же ты дрожишь? — поинтересовался Ашерон. — Объясни мне, как он сбежал.

Артемида сглотнула. Однако ей было ясно, что объяснений не избежать.

Его выпустил Дион. Он проболтался мне после совета.

Дионис?

Она кивнула.

На этот раз Эш обругал самого себя. Напрасно он стер воспоминания Диониса о схватке в Нью-Орлеане. Лучше бы этот идиот помнил, с кем имеет дело, и поостерегся снова с ним связываться!

Но Ашерон защищал Артемиду. Больше всего она боялась, что ее родные догадаются, кто такой Ашерон. Точнее, что он такое.

Для всех олимпийцев Эш был лишь любопытным курьезом. Живой игрушкой Артемиды.

Если они узнают...

Поэтому никто — даже сама Артемиды — не помнил, что именно произошло той ночью в Нью-Орлеане. В памяти их сохранилось лишь то, что была битва и Ашерон вышел из нее победителем.

Артемиды пообещала ему, что Дионис не станет мстить Зареку. Но затем решила уничтожить его сама...

Когда же он чему-то научится?!

Ей нельзя верить. На нее нельзя полагаться. Никогда и ни в чем.

Эш отвернулся.

Знаешь ли ты, что это такое, — когда тебя запирают в какой-то дыре и забывают? И много, много столетий ты ждешь, когда о тебе вспомнят...

А ты знаешь?

Эш молчал; на него нахлынули воспоминания. Горькие, болезненные воспоминания, без которых не обходилась для него ни одна мысль о прошлом.

Лучше молись о том, чтобы тебе никогда этого не узнать. Это безумие. Этот гнев. Эту жажду мести. Ты создала чудовище, Артемиды, — и только я могу его остановить.

А ты сидишь здесь и не можешь уйти! Что же нам делать?

Эш недобро прищурился. Артемиды поспешно отступила.

Послушай, все будет в порядке. Я все устрою. Сейчас свяжусь с Оракулами, и они вернут его в темницу.

— Постарайся, Артемиды. И побыстрее. Потому что, если тебе не удастся вернуть над ним власть, наш мир превратится в страшнейший из твоих ночных кошмаров.

Зарек и Астрид лежали у кромки воды, сплетенные воедино, и разгоряченные тела их омывал прибой.

Неужели все это — продолжение сна? Как он ярок, как реален! Вот бы никогда не просыпаться!

Интересно, каково было бы заниматься с ней любовью в реальности?

Но Зарек знал: этот вопрос лучше себе не задавать. Им с Астрид никогда не быть вместе. Она никогда не заинтересуется таким, как он.

Только во сне он может быть кому-то нужен. Для кого-то желанен.

Может быть человеком.

Скатившись с нее и повернувшись на бок, он наблюдал, как ее нагое тело омывает волна. Ее мокрые волосы прилипли к телу. Она казалась морской нимфой, что выплыла на берег погреться на солнышке и соблазнить гибким телом и шелковистой кожей какого-нибудь простодушного рыбака.

Она подняла голову и с нежной улыбкой, от которой сердце его забилося чаще, провела рукой по его груди.

Астрид тоже не сводила с него глаз. Сейчас Зарек выглядел каким-то... растерянным. Как будто с ним произошло нечто невиданное и неслыханное.

В сущности, так оно и было.

Интересно, удастся ли ей его приручить? Хотя бы немного. Настолько, чтобы и другие смогли разглядеть в нем то, что видит она.

Что ж, по крайней мере, он уже разрешает себя трогать — не отшатывается и не чертыхается.

Для начала неплохо.

Рука ее скользнула ниже, к мускулистому животу; затем — еще ниже... Глаза его вспыхнули голодом.

Астрид облизнула губы, гадая, решится ли на более смелое прикосновение. Рядом с ним она еще чувствовала себя неуверенно, не вполне понимая, как он реагирует на ее инициативы.

Она запустила пальцы в курчавые волосы, острым мыском спускающиеся к его мужскому естеству. Оно уже начало возбуждаться...

Зарек смотрел на нее, затаив дыхание. Ее нежные пальчики творили с ним что-то потрясающее!

Он еще не успел отдышаться, но был готов любить ее снова и снова.

Вот она опустила руку еще ниже.

Зарек сдавленно рыкнул, когда его яички легли, словно в гнездо, в ее теплую, нежную ладонь.

Вся кровь его хлынула в чресла, разжигая острое до боли желание.

Астрид провела пальцем по члену до самого его кончика. Там задержалась, играя с нежнейшей плотью.

— Вот так тебе нравится?

Он ответил ей поцелуем.

Астрид застонала, чувствуя, как естество его напрягается в ее руке, а язык сплетается с ее языком в древнем, как мир, танце страсти.

Неохотно она оторвалась от его губ. Ее озарила новая мысль: она поняла, как подарить ему нечто, доселе невиданное.

Доброту.

Приятие.

Любовь.

Любовь? Откуда взялось это слово? Нет, разумеется, она его не любит! Они ведь едва знают друг друга! И все же...

И все же он разбудил в ней чувства. Те чувства, что она считала утраченными навеки. И за это она многим ему обязана.

Крепко поцеловав его в губы, она заскользила поцелуями вниз по его телу.

Зарек, нахмурившись, следил за ее путешествием от его лица вниз, по груди и животу. Он не мог понять, что она задумала.

Продолжая поглаживать его рукой, она спускалась все ниже и ниже. Солнце ласкало ее обнаженную спину — белоснежную, без единого пятнышка, теплое дыхание щекотало ему живот. Зарек запустил руку в ее влажные золотистые волосы.

Астрид спустилась еще ниже.

Зарек ахнул, когда кончик его члена оказался у нее во рту.

Он застыл от наслаждения. Ласки ее губ и языка в самом интимном месте... ничего подобного он никогда не испытывал! Ни одна женщина не ласкала его так, как Астрид. Другим он этого просто не позволял.

Но ей... Он сомневался, что теперь сможет хоть в чем-нибудь ей отказать.

Астрид застонала от удовольствия. Ей нравилось все, даже запах Зарека и его солоноватый вкус. Конечно, она не раз слышала от сестер об этом виде любви, но он казался ей каким-то грязным, непристойным. Она не могла представить себя за подобным занятием.

Однако с Зареким все оказалось иначе. Не было ничего непристойного ни в ее чувствах к нему, ни в нем самом.

Она дарила ему минуты величайшего наслаждения — и, как ни странно, сама наслаждалась не меньше.

Обхватив ее за плечи, он стонал в ответ каждому движению ее губ и языка. Его реакция подстегивала ее и заводила. Она старалась доставить ему как можно больше удовольствия, ведь он этого достоин! Зарек выгнул спину, подставляя свое тело ее ласкам. Сам он с трудом верил, что позволяет кому-то ласкать себя. Прежде, занимаясь сексом, он никогда не позволял ничего подобного случайным партнерам.

Не разрешал им ни ласкать себя, ни целовать.

Просто нагибал, делал свое дело, расплачивался и уходил.

Но с Астрид все было по-другому. Казалось, он делится собою с ней — а она в ответ отдает ему самое себя.

Так вот что значит «заниматься любовью»? Отдавать себя друг другу!

Что ж... почему бы не попробовать?

Астрид на мгновение замерла, когда пальцы Зарека скользнули в ее разверстое лоно. Она раздвинула ноги пошире, продолжая ублажать его ртом.

Зарек повернулся на бок — так было удобнее — и начал ласкать ее вагину.

Астрид вздрагивала то от прохладного прибоя, омывающего их тела, то от его жарких прикосновений. Даже палящее солнце в небесах не могло сравниться с жаркими ласками Зарека.

Ласками, воспаляющими кровь.

Он раздвинул ей ноги еще шире.

Астрид громко застонала, когда он начал ласкать ее губами и языком.

Она запрокинула голову от удовольствия. Зарек лизал, дразнил, пронзал языком самый центр ее существа. Сжав руками ее бедра и притянув ее к себе, одаривал и мучил ее изысканным, грешным наслаждением.

Одновременно вкушать друг друга — о, что это за восторг! Даже лучше, чем секс!

Астрид права: они занимаются любовью.

Не просто соединением тел — о нет, соединяются их сердца. Быть может, даже души.

Неторопливо и нежно они ласкали друг друга, заботясь не о своем удовлетворении, но лишь о том, чтобы было хорошо другому, — и оба одновременно достигли сладостной кульминации.

Астрид откинулась назад, а Зарек продолжал дразнить ее языком.

Увлечшись ею, он забыл о прибое, и вдруг большая волна окатила их с ног до головы.

Прощуршала по песку и побежала назад, в море, оставив их отплевываться от соленой воды.

Астрид рассмеялась звонким, серебристым смехом.

А вот и приключения на море!

Подняв голову, он покрыл поцелуями ее живот, грудь и, наконец, встретился с ней глазами.

Я бы сказал, достойный финал.

Она коснулась пальцем его щеки.

Эй, Прекрасный Принц, а у тебя на щеках ямочки!

Улыбка вдруг стерлась с его лица, и он отвел взгляд. Астрид обхватила его лицо ладонями, повернула к себе.

Пожалуйста, улыбайся! Мне так нравится твоя светлая сторона!

Глаза его вспыхнули гневом.

А темная — нет?

Астрид утомленно покачала головой.

Ах ты, ворчун! Неужели ты все еще не понял, что мне нравятся в тебе все стороны? Даже самые колючие! — И в подтверждение своих слов она погладила его по небритой щеке.

Зарек, казалось, немного расслабился.

Я не должен быть здесь, с тобой.

А я не должна быть с тобой. Но мы вместе, — и я счастлива! — И она потерлась бедром о его бедро, заставив его застонать от удовольствия.

Он смотрел на нее, словно на ожившую мечту. Впрочем, для него так оно и есть, напомнила себе Астрид. Он ведь считает, что все это сон.

Интересно, что будет, когда он проснется? Поможет ли это им сблизиться наяву или он еще сильнее замкнется в себе?

Как хотела бы она избавить его от дурных воспоминаний! Подарить ему новое детство, полное любви и нежности.

Новую жизнь, полную радости и дружбы.

Он положил голову между ее грудей и замер, словно ничего больше не желал от жизни, лишь бы вечно наслаждаться этим состоянием: теплом солнечных лучей сверху и женского тела снизу.

Зарек, у тебя есть счастливые воспоминания? С тобой случилось в жизни что-нибудь хорошее?

Он молчал очень долго, она уже думала, что не услышит ответа. Наконец ответил — так тихо, что у нее болезненно сжалось сердце:

Только ты.

Слезы защипали ей глаза. Она обняла его, прижалась к нему всем телом, словно стараясь защитить и успокоить его мятущийся дух.

Теперь Астрид понимала, что будет сражаться за этого мужчину, не жалея себя. И где-то в глубине сознания всплыла пугающая истина: кажется, она влюбилась.

Эта мысль ворвалась в ее мозг пугающим призраком; на миг у нее перехватило дыхание.

Однако отрицать невозможно: да, она готова на все, чтобы он был жив, здоров и счастлив.

Вот он лежит, склонив голову ей на грудь. Она чувствует биение его сердца; дыхание его

щекочет ее обнаженный сосок.

Ни один мужчина не пробуждал в ней таких чувств. И дело не только в сексе. Рядом с ним она чувствует себя нежной, женственной. Желанной.

Он заботится о ней, но в отличие от матери и сестер не принижает этим ее силу и независимость.

Она прикрыла глаза, впитывая в себя тепло солнечных лучей, соленую влагу моря. Тяжесть его тела.

Что же теперь делать? Сомнений нет: она его любит, а Зарек не раз повторял, что не нуждается в чужой любви.

Тем более в любви женщины, которая должна вынести ему приговор.

Если он узнает, кто она, — возненавидит ее навеки.

От этой мысли все блаженство этого дня растаяло, как дым.

Но рано или поздно ей придется ему открыться.

Распахнув дверцу черного «Форда Бронко», Джесс выпрыгнул на снег. Достал из-под сиденья дробовик.

Так, на всякий случай.

Ледяной ветер кусал за щеки, но ночь была ясной. Светила луна, и ее колдовской свет отражался от снежного полотна. Джесс торопливо опустил на нос темные очки, хоть они и не слишком ему помогли.

Сияние луны и блеск снегов резали чувствительные глаза Темного Охотника.

В хижине Зарека было темно и тихо, никаких признаков жизни. Однако у крыльца оказался припаркован ярко-красный снегоход. Энди Симмс, Оруженосец Джесса, вместе с ним прилетевший из Рено, вылез из «Форда» и воззрился на алую машину с большим подозрением.

Черноволосый и кареглазый, всего лишь шести футов росту, Энди был, можно сказать, совсем пацаном, лишь на днях он достиг совершеннолетия. На должности Оруженосца он заменил своего отца, несколько лет назад вышедшего на пенсию.

Джесс знал этого паренька едва ли не с рождения. Энди давно стал для него чем-то вроде младшего братишки.

Любимого, но порой чертовски надоедливого.

Энди кивнул в сторону снегохода:

— Чей это? Кого-то из Оруженосцев?

Джесс покачал головой. Все Оруженосцы, присутствующие в этих краях, сейчас выгружались из двух джипов у него за спиной.

С шумом и топотом, словно разгоряченное стадо быков, они покинули свои внедорожники и сгруппировались вокруг Джесса.

Всего их было не меньше дюжины, но Джесс знал только троих.

Самый высокий — настоящий великан, возвышающийся над землей на шесть футов и пять дюймов, — Отто Карвалетти. Длинные черные волосы его были аккуратно подстрижены — судя по всему, прическе он уделял немало времени.

Взгляд неизменно пронзительный и острый. А улыбка — на этом каменном лице она и не ночевала.

По одной линии Отто происходил от итальянских мафиози, по другой — из древнейшей и известнейшей семьи Оруженосцев. Дед его в свое время возглавлял Совет.

Тайлер Уинстед из Милуоки. Невысокий блондин, симпатичный на вид, пока не посмотрите ему в глаза. В его холодном, жестком взгляде ничего симпатичного не разглядишь.

Наконец, Аллен Кирби. Еще один потомственный Оруженосец. Прибыл на эту охоту из Торонто. Аллен — самый разговорчивый из троих; обожает острые шуточки — в отличие от Отто, предпочитающего помалкивать.

Однако что-то подсказывало Джессу: в любой момент Отто сможет отбрызнуть Аллена так, что тому мало не покажется. Если захочет.

Так и знал, что он уже здесь! — проговорил Аллен, с недоброй усмешкой кивнув на снегоход.

Джесс ответил ему скучающим взглядом.

Это не Зарек. Поверь мне, красный цвет — не в его вкусе.

Однако Джесс не сомневался, что снегоход принадлежит кому-то из Охотников. Он уже чувствовал, как понемногу покидают его сверхъестественные силы, — как всегда, когда кто-то из Темных братьев оказывался поблизости.

Откуда ты знаешь, что это не он? — спросил Тайлер.

Джесс вскинул обрез на плечо.

— Знаю, и все.

Приказав Оруженосцам оставаться на месте, он пробрался по сугробам к снегоходу. Стянув зубами перчатку с левой руки, приложил ладонь к мотору.

Холодный. Впрочем, сообразил Джесс, на таком морозе это ровно ничего не значит. Выключенный мотор здесь остывает мгновенно. Может, снегоход простоял здесь пять часов, а может, пять минут — как узнать?

Чей же он?

Джесс посмотрел налево, потом направо. Никого.

Вдруг слева послышался легкий шорох. Джесс едва успел обернуться и сдернуть с плеча дробовик, как из зарослей показались четверо даймонов.

Увидев его, они на миг остановились, а потом бросились прямо на него.

Одного Джесс остановил зарядом дроби в грудь, другого опрокинул ударом ствола.

В этот миг у самого его уха просвистела арбалетная стрела — и поразила третьего даймона. Пока Джесс приканчивал того, что лежал у его ног, четвертый снова бросился в атаку. Но не успел сделать и нескольких шагов, вторая арбалетная стрела вонзилась ему в сердце, и даймон рассыпался горсткой праха.

— Чертовы кровососы!

Джесс поднял бровь. Сильный, звучный голос, раздавшийся у него за спиной, немало его удивил, поскольку явно принадлежал женщине.

Из-за деревьев показалась его обладательница: высокая, атлетического сложения женщина, с ног до головы затянутая в черную кожу, с перекинутой через плечо черной косой. Вид точь-в-точь как у Эммы Пил в «Мстителях» [12]— с той лишь разницей, что на незнакомке куда лучше сидит сексапильный кожаный костюмчик!

Следом за ней из леса вышел второй Темный Охотник: очень светлый блондин, дюйма на четыре повыше Джесса, с широким разворотом плеч и пружинистой походкой хищника, как бы говорящей: «С этим человеком лучше не связываться!» Он был в длинной шубе и держался так, словно привычен к арктическому холоду.

Женщина остановилась перед Джессом и протянула ему руку:

— Сайра из Антикабы.

Джесс склонил голову и пожал протянутую руку:

Джесс Брэди, мэ. Рад с вами познакомиться.

Так ты Закат! — произнес, подойдя к ним, второй Охотник. Руки он не вынимал из карманов. — Слышал о тебе. Далеко ты забрел от родных краев.

Джесс смерил его подозрительным взглядом.

А ты кто?

Бьерн Торссен.

Джесс кивнул. Разумеется, он заочно знал этого викинга — по слухам, одного из тех норвежцев, что покорили средневековую Нормандию.

Я о тебе слышал, — заметил он. Затем повернулся к Сайре: — Прошу извинить, мэ, но вот ваше имя слышу впервые.

Ничего удивительного. В теплых краях, откуда ты родом, меня чаще называют «стервой из Юкона».

Джесс невольно улыбнулся. Разумеется, он знал о «юконской стерве» — греческой амазонке четвертого или третьего века до новой эры, по слухам, раздражительностью и вспыльчивостью не уступавшей Зареку. После того как она оторвала руку какому-то царьку, посмевавшему ущипнуть ее за задницу, ее отправили охранять суровые и малонаселенные территории

Северной Канады.

Н-ну... — протянул Джесс с лукавой улыбкой, окинув амазонку еще одним оценивающим взглядом, — могу только сказать, мисс Сайра, что глупцы, осмелившиеся наградить вас таким прозвищем, никогда не имели удовольствия насладиться вашей компанией. Иначе называли бы вас не иначе как «Королевой Юкона».

Сайра тепло улыбнулась в ответ.

Вижу, тебя не зря расхваливали: ты настоящий джентльмен.

Джесс улыбнулся еще шире.

Сзади звучно прокашлялся Аллен.

Э-э... дорогие господа! Да-да, я к вам обращаюсь, галантный кавалер и смертоносная дама! Не будете ли вы так любезны отвлечься друг от друга и вспомнить о том, что мы тут вообще-то маньяка ловим?

Джесс бросил через плечо недовольный взгляд, но прежде, чем он успел поставить Аллена на место, Сайра выстрелила в него из своего арбалета.

Аллен плюхнулся в снег вниз лицом и распластался в сугробе.

Сайра неторопливо подошла к нему, посмотрела на него сверху вниз.

Знаешь, я не очень люблю Оруженосцев. А Братство Кровавого Обряда и вовсе терпеть не могу. Так что, если тебе дорога собственная шкура, больше со мной не заговаривай. Иначе в следующий раз получишь настоящую стрелу, из тех, которыми я убиваю демонов.

С этими словами она подняла стрелу с тупым наконечником и убрала ее в колчан.

Джесс расхохотался. Ему всегда нравились барышни, которым палец в рот не клади!

А особенно те, что умеют стрелять.

Итак, — заговорила она, обводя взглядом их всех, — я вот уже четыре дня преследую группу демонов, направляющихся к Фэрбенксу. Бьерн отслеживает стаю демонов от Анкориджа. Вот почему мы здесь. А что здесь делаете вы? Джесс, ты гонишься за своими демонами от самого Рено?

Из группы Оруженосцев вперед шагнул Отто.

Мы пришли убить Зарека из Мезии. А если ты, детка, встанешь у нас на пути, нам придется убить и тебя.

Будь я проклят! — проговорил Джесс, сдвинув на кончик носа темные очки и изумленно уставившись на Отто. — Он, оказывается, умеет говорить!

Не будет следить за своим языком — скоро разучится, — зловеще пообещала Сайра. — Мужичок вроде тебя, Оруженосец, меня и оцарапать не сможет!

Отто игриво ухмыльнулся в ответ.

Любишь царапаться, крошка? Мне это тоже в кайф. Только полегче с коготками, не люблю, когда остаются следы!

И он двинулся вперед — так, словно собирался пройти сквозь нее.

— Ненавижу Оруженосцев! — прошипела Сайра и выпустила в него еще одну тупоконечную стрелу.

Стремительным, почти молниеносным движением Отто развернулся, легко поймал стрелу, затем поднес ее к носу и понюхал.

О, роза, мой любимый цветок!

Дорогие юные натуралисты, сейчас мы с вами наблюдаем ритуалы ухаживания, принятые у крутых парней и таких же крутых девиц, — прокомментировал Аллен. — Для полного счастья здесь не хватает только Ника Готье!

Следующая тупоконечная стрела ударила его в живот; Аллен охнул и согнулся пополам.

А Сайра, красная как рак, провожала ненавидящим взглядом Отто, который, больше не обращая на нее внимания, решительно шагал к хижине Зарека.

Джесс, у тебя есть Оруженосец? — спросила она.

Он кивнул в сторону Энди.

Можно сказать, я сам его вырастил.

И он тебя слушается?

Чаще всего — да.

Повезло тебе. А я вот своих троих пристрелила. — И, уже направляясь к хижине, она добавила на ходу: — Настоящими стрелами.

Джесс ухмыльнулся. Похоже, погоня за Зареком обещает быть веселой!

Однако веселье его мгновенно угасло, едва он вместе с Бьерном, Сайрой и тремя Оруженосцами вошел в лесную хижину.

Остальные остались снаружи, — внутри все они просто не поместились бы.

Снаружи хижина выглядела совсем маленькой, а внутри... нет, внутри она отнюдь не казалась больше, чем снаружи. Совсем наоборот.

Здесь было чисто, прибрано, однако обстановка поражала бедностью и неуютом.

Галогенные фонари Оруженосцев осветили скудный интерьер. Матрас, брошенный прямо на пол; на нем — старая вытертая подушка, несколько потрепанных шкур и одеял. Телевизор прямо на полу, книжные полки на стенах. Единственные предметы мебели — два шкафа.

Боже ты мой! — проговорил Аллен. — Он живет как дикий зверь!

Нет, — проговорила Сайра. Она подошла к книжным полкам и начала рассматривать корешки

книг. — Он живет как раб. И не так уж плохо — по сравнению с тем, как жил раньше.

Обернувшись, она встретилась взглядом с Джессом.

Ты его знаешь?

Да. И согласен с тобой.

Джесс отошел к другой стене. При этом ему пришлось пригнуться, чтобы не задеть головой вентилятор на потолке, — и вспомнилось, что Зарек дюйма на два выше его самого.

Будь ты проклят! — пробормотал он, потрогав пальцем острый край лопасти. Ему вспомнилось еще кое-что из рассказов Зарека.

Что такое? — спросил Бьерн.

Джесс оглянулся на Охотника. Тот инспектировал шкаф, в котором обнаружил лишь несколько банок консервов да батарею нетронутых бутылок водки.

Какая погода стоит на Аляске летом?

Бьерн пожал плечами:

Летом здесь бывает жарковато. В июле — градусов тридцать, даже тридцать пять. А что?

Джесс снова выругался.

Помню, как-то я разговаривал с Зареком. Спросил, как он поживает. Он ответил: «Жарюсь». — Джесс кивнул в сторону вентилятора. — Только теперь я понял, что он имел в виду. Представьте себе: сидеть взаперти в этой клетушке в разгар лета — без окон, без кондиционеров!

вернуться

12

«Мстители» — знаменитый британский шпионский телесериал 1960-х годов. Его героиня, бесстрашная разведчица Эмма Пил, прекрасно владеет приемами кунг-фу и карате, участвует в схватках и погонях на равных с мужчинами (прим. перев.).

Сайра тихо присвистнула:

Летом солнце в этих широтах палит круглые сутки. На улицу можно выйти минут на десять, не больше.

А где он моется? — спросил Аллен.

Сайра молча указала на корыто в дальнем углу.

Сколько он здесь прожил? — спросила она у Джесса. — Восемьсот лет, девятьсот?

Джесс кивнул.

Амазонка снова присвистнула:

Неудивительно, что он свихнулся.

Аллен фыркнул:

Чего-чего, а денег ему хватало. Этот идиот мог бы себе особняк отгрохать!

Нет, — ответил Джесс. — Не мог. Если ты всю жизнь прожил в нищете и лишениях, — никакие деньги не помогут тебе измениться.

Сайра подошла к другому углу, где лежала гора деревянных статуэток.

А это что такое?

Джесс нахмурился: только сейчас он заметил, что бревенчатые стены хижины покрыты сложными резными узорами.

Ему вспомнились деревянные фигурки, которые он видел в магазине.

И ледяные скульптуры на улицах Фэрбенкса.

Нет сомнения: все они выполнены одной рукой. Бедняга Зарек! Так вот чем он развеивал тоску и скуку многомесячного заключения в этой лачуге!

Будь оно все проклято! Дома у Джесса, в Рено, гараж и то побольше, чем это убожество!

Я бы сказал: это попытка сохранить остатки разума.

Бьерн поднял и повертел в руках раскрашенную статуэтку — белого медведя с медвежатами.

Отличная работа!

Сайра кивнула:

Никогда ничего подобного не видела! Мне кажется, несправедливо убивать человека, который столько лет прожил в таких условиях.

А мне кажется, — фыркнул Аллен, — несправедливо было оставлять его в живых после того, как он истребил целую деревню, которую взялся охранять!

Отто бросил на Оруженосца задумчивый взгляд. Этот взгляд привлек внимание Джесса: он готов был бы поклясться, что Отто вовсе не горит желанием прикончить Зарека.

Их взгляды встретились.

Сомнений нет! Отто не жаждет крови Зарека — он здесь с какой-то иной целью... возможно, с той же, что и сам Джесс.

Ладно, ребята, — проговорил Бьерн. — Все это очень интересно, но наши силы убывают с каждой минутой, а нам надо разобраться еще с одним дельцем — великим переселением даймонов. Кто-нибудь может предположить, с чего их всех понесло в эти края?

Все взоры обратились на Сайру, старейшую из присутствующих.

Что? — спросила она.

Ты когда-нибудь видела что-то подобное или, может, слышала о таком?

Она покачала головой.

Я слышала о том, что даймоны порой собираются в боевые отряды. В те времена, когда никто из вас еще не родился на свет, встречались даймоны-воины, называемые спати. Но вот уже тысячу лет о них ничего не слышно. Вообще все это очень странно. Жаль, что Ашерона сейчас не дозовешься, — может быть, он бы нам что-нибудь подсказал.

Бьерн развернулся и молча вышел из хижины.

Джесс последовал за ним. На пороге он обернулся и еще раз окинул взором убогое жилище Зарека.

Будь оно все проклято! Бедняга Зарек, что у него здесь за жизнь! Такое жалкое прозябание и жизнью-то не назовешь!

Он даже не мог себе представить, каково это: оказаться в заточении в глухих лесах, в стране, где температура скачет от минус сорока зимой до плюс тридцати летом.

Неудивительно, что Эшу его жаль.

Снаружи шестеро Оруженосцев доставали из багажников своих джипов канистры с бензином.

Что это вы делаете? — подозрительно поинтересовался Джесс.

Хотим сжечь дом, — ответил рыжий Оруженосец. — Когда охотишься, прежде всего надо...

Черта с два! — Джесс вырвал у него канистру и зашвырнул ее далеко в лес. — Этот дом — все, что у него есть. Я не дам вам отнять его единственное достояние.

Он избил до полусмерти женщину! — выкрикнул Аллен.

Джесс прищурился:

— Это тебе придется доказать.

Аллен закатил глаза, словно не понимая, как у Джесса хватает глупости — или наглости — защищать своего друга.

Если не Зарек, то кто? Кто мог это сделать?

Например, я.

Глава 10

Такого множества даймонов Джесс не видел никогда в жизни. Их было не меньше сорока — и это лишь те, что вышли из леса. Сверхъестественное чутье Охотника подсказало ему, что немалая часть врагов прячется в засаде.

Здесь были мужчины и женщины, одни в коже, другие в мехах. Все они были похожи, как

братья и сестры: золотистые волосы, клыки и то поразительное совершенство телосложения и черт лица, что свойственно народу аполлитов.

Их вождя Джесс узнал с первого взгляда. Этого даймона он уже встречал в городе, когда гнался за Зареком. Вместо того чтобы, увидев Охотников, бежать от них прочь, как поступают все нормальные даймоны, этот бросился за ними.

Судя по всему, он тоже преследовал Зарека.

На голову выше остальных, он шел впереди всех. И в глазах его — в отличие от других даймонов — не было страха.

Только безжалостность и стальная решимость.

Это еще что за чертовщина? — тихо, словно не веря своим глазам, проговорила Сайра.

Предводитель даймонов усмехнулся.

«Твой самый страшный кошмар», — мог бы я ответить. Но не терплю штампов.

Значит, ты все-таки существуешь!

Все «хорошие парни» повернулись к Отто; тот смотрел на предводителя даймонов такими глазами, словно ему явился сам Дьявол.

Карвалетти, ты знаешь этого парня? — спросил Джесс.

Слышал о нем, — приглушенным голосом ответил Отто. — Когда я был еще мальчишкой, отец рассказывал мне историю о супер-даймоне по имени Танат. Но мы всегда считали, что это просто выдумка.

Что же он рассказывал? — поинтересовался Бьерн, беспокойно поглядывая в сторону Таната.

Легенду о Дневном Убийце, палаче Темных Охотников. Эта история передавалась в нашей семье от поколения к поколению. От Оруженосца к Оруженосцу.

Палач Темных Охотников? — переспросила Сайра.

А Бьерн спросил:

И что же, хочешь сказать, вот этот сукин сын — это он и есть?

Отто кивнул.

— Говорят, Артемида создала чудовище, способное истреблять Охотников, сбившихся с пути. Этот даймон не боится солнечного света и не нуждается в человеческих душах для поддержания жизни. Легенда гласит, что он непобедим и неуязвим.

Танат несколько раз хлопнул в ладоши.

Браво, малютка Оруженосец. Я впечатлен.

Но отец рассказывал мне, — продолжал Отто, и голос его становился все тише и тише, — что Ашерон убил Таната тысячу лет назад!

— Быть может, я не слишком сообразителен, — проговорил Бьерн, — но сдаётся мне, что этот парень вовсе не мертвый!

Танат расхохотался:

Разумеется, нет! Во всяком случае — не мертвее тебя!

И неторопливо двинулся к ним.

Джесс напрягся, приготовившись к схватке.

Скрестив руки на груди, Танат небрежно обратился к Отто:

Скажи, смертный, а твой отец рассказывал тебе когда-нибудь о спати, даймонах-воинах? — Он перевел взгляд на Темных Охотников. — Или, быть может, старейшие из вас еще их помнят? — Он ностальгически вздохнул. — Славные были деньки! Охотники гонялись за нами, а мы — за ними. Мы обитали под землей, в катакомбах и гробницах, куда не могли войти Охотники, ибо неупокоенные духи, обитающие на кладбищах, осаждали их и пытались вселиться на место их потерянных душ. Да, в то время и даймоны, и простые аполлиты вели увлекательную жизнь!

Он оглянулся через плечо на свою армию. Большинство даймонов явно нервничали, но один или двое не проявляли страха, и за ними Джесс следил особенно внимательно.

О даймонах-воинах он никогда не слыхивал, но знал все, что нужно знать о расправе с любым хищником, питающимся человеческими душами.

Танат заговорил снова — теперь голос его словно загустел, наполнился злобой:

Все это было прежде, чем мы открыли для себя цивилизацию и удобства современной жизни. Теперь мир смертных развился до того, что мы можем жить среди них и притворяться такими же, как они. Аполлиты живут в человеческих городах и ведут свой бизнес. Даймоны играют в «Нинтендо». Куда катится мир?

Внезапно — так стремительно, что никто и моргнуть не успел, — Танат выбросил вперед обе руки. Молния, сверкнувшая из его ладоней, опрокинула наземь всех Оруженосцев. Двенадцать крепких мужчин рухнули как подкошенные и остались лежать недвижимо.

Танат взирал на дело своих рук с нескрываемым наслаждением.

— Что ж, теперь я, пожалуй, убью Охотников и дам моим людям насытиться Оруженосцами... или, может быть, сначала поговорим?

— Нет, если хотите драться, пожалуйста, давайте подеремся. Только не забывайте, что с каждой секундой вы становитесь все слабее.

О чем нам говорить? — спросил Джесс, придвигаясь поближе к Сайре. Пусть она способна сама за себя постоять; он с детства приучен к мысли, что долг мужчины — защищать женщину.

О Зареке, — процедил Танат сквозь стиснутые зубы. — Где он?

Мы не знаем, — ответила Сайра.

Неверный ответ.

Один из Оруженосцев — Джессу он был незнаком — испустил страшный вопль. С ужасом Джесс следил за тем, как рука бедняги сама собой изогнулась под неестественным углом, а затем звучно хрустнула.

Madre de Dios! Никогда он не видел ничего подобного!

Бьерн бросился в атаку.

Танат без труда опрокинул его наземь. Разорвал на нем рубашку, обнажил клеймо Артемиды — лук и стрелу, вытатуированные на плече.

В это клеймо Танат ударил Бьерна сверкающим кинжалом с резной золотой рукоятью.

В тот же миг Бьерн рассыпался в пыль — так же, как исчезают без следа убитые даймоны.

Двое Охотников застыли на месте.

Джесс задыхался от ужаса и ярости. Как легко эта тварь разделалась с его товарищем! Как и все его братья, он привык думать, что убить Охотника можно лишь тремя способами — обезглавливанием, расчленением или смертоносным солнечным светом.

Но, как видно, еще об одном способе Ашерон умолчал.

Проклятье! Какого черта наставник их не предупредил?

Но об этом Джессу сейчас некогда задумываться. Ему нужно защитить невинных; а сражаться с Танатом, пока рядом Сайра, — все равно, что драться со связанными руками, когда противник дерется в полную силу.

Хочешь добраться до Зарека? — спросил он.

Танат медленно поднялся на ноги.

Для этого я и пришел.

Джесс тряхнул головой, отгоняя страх, гнев и скорбь. Он совсем не знал Бьерна, но все же успел понять, что перед ним доблестный воин, достойный член Темного братства. Чертовски тяжело терять товарища — особенно когда он гибнет у тебя на глазах.

Но Бьерна он оплачет позже; сейчас надо спасти Оруженосцев.

Бросив быстрый взгляд на Сайру, Джесс передал ей телепатическое послание: «Спаси Оруженосцев. А я уведу этого ублюдка подальше».

А вслух сказал:

— Если так — следуй за мной, и получишь то, что хочешь. Зарек будет рад с тобой встретиться — он обожает хорошую драку!

И Джесс побежал к своему «Бронко».

Зарек, обнаженный, лежал на песке; рядом с ним свернулась клубочком Астрид. Он не помнил, сколько раз за последние несколько часов они занимались любовью, и подозревал, что, когда

проснется, у него будет ныть все тело.

Не может быть, чтобы такие акробатические упражнения не оставили по себе никакого следа... даже если все это было во сне.

Он устал — устал настолько, что, кажется, не мог больше пошевелить ни рукой, ни ногой. Однако в его сердце царил мир — такого чувства он никогда раньше не испытывал.

Выходит, это и есть нормальная человеческая жизнь?

Астрид приподнялась на локте.

Скажи-ка, когда ты в последний раз ел сахарную вату?

Он нахмурился — неожиданный вопрос поставил его в тупик.

А что такое сахарная вата?

Астрид изумленно уставилась на него.

Ты не знаешь, что такое сахарная вата?

Он покачал головой.

Улыбнувшись, она вскочила и потянула его за руку.

Пошли к людям!

Да она совсем с ума сошла!

К каким людям? Здесь же никого нет!

Да есть, конечно, — вон за теми скалами!

Зарек взглянул в ту сторону, куда указывала Астрид, и увидел заполненный людьми дощатый пирс, которого не было здесь еще минуту назад.

Странно. Очень странно. Почему она управляет его сном? Он подозрительно взглянул на нее:

Кто ты? Быть может, ты — скотос, демон — похититель снов, принявший облик Астрид?

Конечно, нет, — с улыбкой ответила она. — Я не хочу ничего у тебя похищать, Зарек. Наоборот — хочу кое-что тебе подарить. Подарить прекрасное воспоминание.

Но зачем?

Астрид вздохнула, вглядываясь в его лицо. Никогда в жизни Зарек не сталкивался с бескорыстной добротой. Как можно радовать другого просто ради того, чтобы увидеть его улыбку, — выше его понимания.

Потому что ты это заслужил.

Чем? Я ничего не сделал.

Просто тем, что живешь на свете, — отчеканила она, надеясь, что он наконец поймет. — Ты

есть, Зарек, значит, ты имеешь право быть счастливым.

Недоверие, отразившееся в его глазах, наполнило ее душу состраданием. Твердо решив его развеселить, она «соткала» себе из воздуха голубой топик и белые шорты, а ему — футболку и черные джинсы.

А затем повела его в гущу призрачной толпы.

Зарек молчал, пока они поднимались по деревянным ступенькам на пирс. Близость других людей явно его напрягала. Астрид чувствовала: еще немного — и он взорвется.

Все хорошо, Зарек, — шепнула она.

Он проводил злобным взглядом какого-то отдыхающего, который, проходя мимо, задел его плечом.

Терпеть не могу, когда меня трогают!

Однако рука Астрид лежала в его руке, и он этого как будто не замечал.

Одна мысль об этом наполнила ее сердце теплом.

Улыбаясь самой себе, Астрид подвела его к киоску, где пожилая дама продавала хот-доги и сахарную вату. Здесь она купила самую большую порцию и, зачерпнув рукой, протянула ему пригоршню сладкой розовой массы.

Попробуй. Сейчас узнаешь, какова на вкус амброзия!

Зарек потянулся за ватой, но она отвела руку:

Нет, я хочу сама тебя угостить!

В его глазах полыхнула ярость.

Я не животное, чтобы есть с руки!

При этих словах улыбка стерлась с ее лица и хорошее настроение мгновенно улетучилось.

— Нет, Зарек! Конечно, ты не животное! Ты — мой мужчина, и я хочу о тебе позаботиться.

Зарек застыл как вкопанный, вглядываясь в ее лицо. Лицо, на котором читались искренность и любовь.

Позаботиться о нем?

Часть его сердца гневно отвергала саму мысль об этом, но странно затрепетала другая часть, незнакомая и пугающая.

Одинокая.

Изголодавшаяся по чужой заботе.

Та часть, которую он давным-давно запер на семь замков и постарался забыть о ее существовании.

Беги, пока не поздно!

Но Зарек остался.

Заставил себя наклониться и приоткрыть рот.

Астрид улыбнулась — от этой нежной улыбки у него словно что-то запылало внутри — и положила ему в рот сладкую сахарную массу, а затем вытерла руку о его щеку.

— Вот видишь, совсем не страшно!

Нет, не страшно. Совсем, совсем не страшно! Просто чудесно!

Но ведь все это сон.

Совсем скоро он проснется — в холоде и во тьме.

Снова один. В реальности Астрид не поведет его на пляж и не станет угощать сахарной ватой.

Он увидит ее — и прочтет на ее прекрасном лице недоверие и страх. Ее будет охранять белый волк, ненавидящий Зарека почти так же сильно, как ненавидит он самого себя.

Реальная Астрид не станет тратить время на то, чтобы его приручить.

Впрочем, неважно. Ему вынесен смертный приговор, так что на реальную Астрид у него просто нет времени.

В реальности у него одна забота — выжить. Вот почему этот сон так драгоценен для него.

В первый раз в жизни он счастлив. Только бы этот сон не стерся из памяти при пробуждении!

Рука об руку с Астрид они шли по пирсу, сквозь шум и смех, грохот игровых автоматов и вкусные запахи разнообразных лакомств, которых Зарек никогда не пробовал, лишь читал о них в Интернете. Он не улыбался, но глаза у него разбегались, словно у ребенка, оказавшегося в волшебной стране.

— Попробуй! — предложила она, протягивая ему сахарное яблоко.

И тут же обнаружила, что не так-то легко есть сахарные яблоки, когда во рту у тебя клыки!

Вдосталь намучившись над сладким лакомством, Зарек наконец умудрился откусить от него кусочек. Подняв глаза, встретился с выжидающим взглядом Астрид.

Ну как?

Неплохо, — проглотив, ответил он, — вот только повторять этот опыт что-то не тянет. Слишком уж сложно обращаться с этой штуковиной!

Астрид от души рассмеялась, а Зарек бросил остатки яблока в мусорный бак.

Затем она повела Зарека в игровую галерею и подвела к столу для ски-бола — своей любимой игры. К ее удивлению, Зарек бросал шары в цель так метко, словно тренировался много лет.

Где ты научился так метко попадать в цель?

Принцесса, я живу на Аляске, в стране вечных снегов. Шарик из дерева или из снега — велика ли разница?

Такой ответ удивил Астрид. Как она ни старалась — не могла представить себе Зарека, на досуге лепящего снежки!

А... а с кем ты играл в снежки?

Зарек неторопливо отправил еще один шар прямо в центр круга.

Ни с кем. Я бросал снежки в медведей, чтобы они разозлились, подошли поближе и дали себя убить.

Ты убивал маленьких медвежат?!

Он смерил ее угрюмым взглядом.

Поверь мне, принцесса, они были совсем не маленькие. Чем больше, тем лучше. Мяса в них побольше, чем у кроликов, — хватает на несколько раз. Да и на шубу или на одеяло их нужно куда меньше, чем мелких зверьков. Пока на Аляске не появились магазины, выбор в зимнюю пору был невелик: ешь медвежатину или соси лапу.

В груди у Астрид что-то болезненно сжалось. Она знала, что жизнь Зарека на Аляске была нелегка, но от того, что он рассказывал, ее охватило жгучее желание обнять его, прижать к себе и никогда больше не отпускать.

Как же ты их убивал?

Своим оружием — серебряными когтями.

Ты убивал медведей когтями? — изумленно повторила Астрид. — Да неужели же не было более простых способов? Копье, лук и стрелы, ружье?..

До изобретения ружей, принцесса, было еще очень далеко. И потом, это было бы нечестно. Медведь-то не может поразить меня на расстоянии. Я рассуждал так: мы с ним на равных. У него есть когти — у меня тоже. Посмотрим, кто выйдет победителем!

Астрид покачала головой, не в силах подобрать слова. И он так легко говорит об этом!

А что, если... если побеждал медведь?

Небрежно пожав плечами, Зарек отправил в цель еще один шар.

Все лучше, чем пустое брюхо. К боли я привык, к шрамам тоже. — Он бросил через плечо лукавый взгляд. — Принцесса, хочешь медвежью шкуру на пол? У меня их много!

Но Астрид не улыбнулась в ответ.

Что-то сжимало ей горло, хотелось плакать. Перед глазами стояла картина: Зарек, измученный, залитый кровью, тащит по снегу огромную медвежью тушу... Столько опасностей и трудов — только для того, чтобы пообедать!

И ведь убить медведя — еще не все. Притащив тушу домой, ее надо освежевать и разделать — быстро, пока другие хищники не сбежались, учуяв запах крови и мяса.

А потом — приготовить...

И все — в одиночку. Никто тебе не поможет. Либо сделаешь все это, либо будешь голодать.

А что, если не повезет на охоте? Если не встретишь медведя?

Что же ты ел летом, когда солнце светит двадцать два часа в сутки? Ты ведь не мог заготавливать мясо надолго. А на огород тебе попросту не хватило бы времени. Что же ты делал?

Голодал, принцесса. И молился, чтобы поскорее пришла зима.

Глаза ее наполнились слезами.

Зарек, мне так жаль!

О чем тебе-то жалеть? — не глядя на нее проговорил Зарек. - Ты ведь в этом не виновата. И потом, не так страшен голод, как жажда. Слава богам за воду в бутылках. Пока ее не было... колодец у меня недалеко от дома, но в середине лета порой я и до него дойти не успевал.

И он потянулся за следующим шаром.

Но Астрид накрыла его руку своей.

Зарек обернулся к ней, и она, обняв его, прильнула к нему в поцелуе. Как хотелось ей подарить ему хоть каплю покоя и утешения!

Зарек крепко прижал девушку к себе. Она приоткрыла губы, впитывая его вкус, наслаждаясь его силой.

Но вдруг он со стоном оторвался от нее.

Зачем ты здесь?

Ради тебя, мой Прекрасный Принц.

Не верю. Говори правду: зачем ты здесь? Чего хочешь от меня?

Какой же ты параноик! — вздохнула Астрид.

Нет, просто реалист. Обычно мне такие сны не снятся.

Что, никогда? — вскинула бровь Астрид.

По крайней мере, в последние две тысячи лет.

Кончиком пальца она провела по его нахмуренным бровям.

— Что ж, все течет, все изменяется.

Зарек молча покачал головой. В эту присказку он не верил.

Кое-что не меняется.

Никогда.

Зарек!

Что-то мягко толкнуло его в грудь.

И это была уже не Астрид.

Что-то не так? — спросила она.

Зарек!

Голос издалека — словно из-за тысячи миль.

Не знаю... со мной что-то странное...

Что такое? — допытывалась девушка.

Зарек!

Солнечный день стремительно угасал. Деревянный помост уходил из-под ног.

Зарек чувствовал, что все расплывается у него перед глазами, что какая-то сила подхватывает его и несет прочь от Астрид. Он напрягал все силы, чтобы остаться с ней.

Остаться во сне.

Он не хочет, чтобы этот сон оборвался! Не хочет вновь просыпаться в мире, где он никому не нужен!

О, если бы остаться с ней!

Пожалуйста! Еще хоть на минуту...

Зарек! Будь ты проклят! Просыпайся, пока я тебе не врезал! Сотрясение мозга тебе сейчас уж точно ни к чему!

Зарек с трудом разлепил веки. Над ним склонился Джесс и тряс его, словно тряпичную куклу.

Выругавшись, Зарек пнул ковбоя ногой, и тот отлетел к стене.

Теперь проклятиями разразились оба: Джессу, со всего маху врезавшемуся в стену, пришлось несладко, — но и Зарек ощутил его боль, как свою.

Но на это ему было плевать. Неважно, чем эта выходка обернется для него самого, но предателя он отделает так, что тот долго не встанет!

Зарек у него в долгу за ту пулю, что выпустил в него ковбой.

А свои долги он привык выплачивать с процентами.

Зарек с ревом вскочил с кровати, готовый к бою.

Стой, Зет! — вскричал Джесс. Пригнувшись, он избежал встречи с летящим навстречу кулаком. — Успокойся!

Зарек пожирал его глазами, словно лев — раненую антилопу, которую присмотрел себе на

ужин.

«Успокойся»?! — взревел он. — Ты, сукин сын, всадил мне пулю в спину...

Лицо Джесса словно окаменело. Спокойно и смело он встретил яростный взгляд Зарека.

Для начала, дружище, оставь в покое мою мамочку. А потом вздохни поглубже и немного поработай головой. В смертной жизни, если помнишь, я был наемным убийцей. И, надо тебе сказать, меня считали мастером своего дела. Если бы я действительно вздумал тебя прикончить, — ты бы сейчас валялся без головы. Меня самого убил выстрелом в спину человек, которого я считал другом, — и, будь уверен, я никому не пожелаю такой судьбы. Никому. Даже такому субчику, как ты. Да и с какой стати я стал бы вредить самому себе лишь для того, чтобы достать тебя? Будь ты проклят, парень, включи мозги!

Но Зареку все еще не верилось. Спина его уже почти зажила, однако болезненно ныла, напоминая о том, что кто-то очень старался его прикончить.

Тогда кто же в меня стрелял?

Кто-то из этих идиотов Оруженосцев. Разрази меня гром, если знаю кто. Для меня они все, кроме Энди, на одно лицо.

Зарек замер в нерешительности. Перед ним вновь разворачивались события последних нескольких дней.

Все вспоминалось как в тумане. Последнее, что он помнил, — как пытался уйти из дома Астрид...

Зарек оглянулся — и нахмурился, сообразив, что он по-прежнему у нее.

Когда Джесс разбудил его, он лежал одетым на кровати. Как попал в спальню, как лег на кровать, хоть убей, не помнил.

Он нахмурился, обнаружив, что Астрид лежит на этой же кровати.

И этот сон...

Что за чертовщина?

Тем временем Джесс перезаряжал дробовик.

Послушай, времени у нас немного. Знаешь, кто такой Танат?

Встречались.

Вот и хорошо. Он только что убил одного Охотника, а сейчас идет за мной по пятам. Так что ноги в руки и убирайся отсюда. Чем быстрее, тем лучше.

При этих словах желудок Зарека ухнул куда-то вниз.

Что?!

Он убил Охотника, как будто таракана раздавил, — мрачно подтвердил Джесс. — Я в жизни ничего подобного не видел. А теперь этот Танат гонится за тобой. Так что садись лисе на хвост

и уматывай из Далласа, пока не поздно.

Что бы это значило? Голова у Зарека и без того шла кругом, он не чувствовал в себе сил расшифровывать ковбойские идиомы столетней давности.

Главное, — продолжал Джесс, — не позволяй Танату добраться до твоей метки. Она, похоже, действует так же, как клякса на груди у даймонов: один удар — и мы рассыпаемся в прах.

Какая метка? — недоуменно спросил Зарек. — У меня никаких меток нет.

Разумеется, есть! — фыркнул Джесс. — Клеймо с луком и стрелой, знак Артемиды. Он есть у каждого Охотника.

У меня — нет.

Может, он у тебя на заднице, — спокойно предположил Джесс. — Или еще в каком-нибудь месте, куда ты редко заглядываешь. Но метка есть у каждого. Она остается там, где коснулась нас Артемида, когда забирала душу.

Зарек покачал головой:

Ко мне Артемида не прикасалась. Ей было противно до меня дотрагиваться, и она превратила меня в Охотника прикосновением жезла. Клянусь тебе, на мне нет никаких меток!

От изумления у Джесса отвисла челюсть.

Подожди, подожди! Что же это получается? Тебя отправили в края, где не водятся даймоны, а у тебя, оказывается, еще и слабого места нет? Да что за дерьмо такое! Я живу, можно сказать, в даймоновой столице, ахиллесова пята у меня на самом видном месте, и черта с два меня кто-нибудь об этом предупредил, а ты сидишь тут в тишине и покое и при этом, оказывается, еще и неуязвим?

И Джесс зашагал взад-вперед по комнате. Об этой его привычке Зарек узнал из одного ночного телефонного разговора: взволнованный или разъяренный, Джесс принимался мерить комнату шагами.

Вот так история! — восклицал он. — А теперь Ашерон отправляет меня сюда спасать твою задницу — и что же? Оказывается, мы тут мрем, как мухи, а тебе хоть бы хны! Что-то здесь нечисто. Извини, парень, но это какая-то подстава! Я тут яйца отмораживаю, а ты, оказывается, вовсе не нуждаешься в защите! Защита нужна как раз мне! Потому что это у меня на плече сигнализатор, который вопит этому накачанному ублюдку: «Съешь меня!»

Дойдя до стены, он развернулся, набрал воздуха в грудь, и разразился новой тирадой:

Знаешь, что со мной тут было? Подъезжаю я к заправке, хочу заплатить за бензин, сунул ключи в рот, чтобы освободить руки и достать бумажник, а они мигом примерзли к языку! Ты сам-то понимаешь, в каком жутком месте ты живешь? Боги всемогущие! Я не хочу умереть здесь от рук какого-то чокнутого монстра, которым престарелые Оруженосцы пугают внуков! Ясно как день, меня подставили — и кто-то за это ответит!

Джесс снова набрал воздуха в грудь, но продолжить монолог не успел: за спиной у него с грохотом распахнулась входная дверь.

С такой силой, что сотрясся весь дом.

Зарек ощутил, как вверх по позвоночнику ползет знакомый холодок.

Странное и страшное чувство. Это с ним уже было! Но когда?.. Где?..

Не помню...

На раздумья времени не было: при помощи телекинеза Зарек захлопнул дверь спальни и задвинул ее на засов.

Затем подтолкнул Джесса к окну.

Где-то в доме волк. Найди его и выпусти наружу.

Что-то звучно ударилось о дверь.

Зарек, выходи! — взревел за дверью Танат. — Я думал, ты любишь играть с дαιмонами!

Сейчас, сейчас поиграем, ублюдок! — Телекинезом Зарек выбил окно и выпихнул туда Джесса.

Танат продолжал ломать дверь.

Зарек подхватил безмятежно спящую Астрид и передал ее через окно Джессу.

Унеси ее отсюда!

Едва Джесс успел подхватить спящую девушку, как дверь слетела с петель.

Зарек неторопливо развернулся.

Твоя мама не учила тебя, что входить без разрешения невежливо?

Танат устремил на него холодный, ненавидящий взгляд.

Шеррилин Кеньон

— Моя мать ничему не успела меня научить. Она рассыпалась прахом, когда мне был лишь год от роду. Но ты — ты научил меня охотиться и убивать врагов!

Пораженный этими неожиданными словами, Зарек пропустил первый удар.

Танат выпустил молнию ему в грудь, и Зарек скорчился от боли.

Но в боли он черпал силу.

Едва он выпрямился и приготовился к атаке, прогремел двойной выстрел. Танат покачнулся, затем со злобным рычанием обернулся к дверному проему.

Расширенными глазами следил Зарек за тем, как две дыры от пуль у него в черепе затягиваются и исчезают на глазах.

Будь ты проклят! — послышался из коридора голос Джесса. — Что же ты за тварь такая!

Джесс, уходи! — рявкнул Зарек. — Я сам с ним разберусь!

Танат бросился на Джесса. Зарек догнал его и, прыгнув ему на спину, впечатал дэймона в дверной косяк.

Беги! — проревел он. — Я не смогу с ним драться, пока ты здесь! Мне нужны все мои силы!

Джесс кивнул и бросился к входной двери.

Наконец-то мы остались вдвоем! — Мощным ударом Танат отбросил его к стене, но Зарек лишь расхохотался. — Боль, старая подруга! Как я ее люблю!

Похоже, ты в самом деле страдаешь душевным расстройством, — зло усмехнулся Танат.

— Кто сказал «страдаю»? Я им наслаждаюсь!

Теперь, когда Джесса не было рядом, Зарек ощутил прилив сверхъестественной силы. Вытянув руки ладонями вперед, он направил молекулы воздуха в сторону Таната.

Воздушная волна вынесла дэймона в коридор и швырнула оземь.

Не теряя времени, Зарек нанес следующий удар на расстоянии — и еще, и еще, пока Танат не рухнул на пол у камина в гостиной.

Иной на месте Зарека, пожалуй, тут бы и бросился наутек.

Но Зарек не из тех, кто избегает опасности. И потом, он уже староват для игры в кошки-мышки. Танат легко его догонит.

Дэймон поднялся на ноги.

Зарек опрокинул его новым мощным ударом. Танат перекатился через диван, рухнул на пол и остался недвижим.

Зарек покачал головой:

— Знаешь что, парень? Приходи, когда подрастешь!

Он выбежал из дома и телекинезом запер за собой дверь. Мгновение спустя мощный удар возвестил ему, что Танат пришел в себя и пытается вырваться из ловушки.

Не оглядываясь, Зарек подошел к снегоходу — по всей видимости, на нем приехал сюда Танат. Открыл бензобак, убедился, что он полон. Присоединил шланг и, припав к нему губами, набрал бензина в рот.

Затем вернулся к дому. Вытащил из кармана зажигалку.

Зажег ее и выплюнул бензин на крыльцо. Дверь занялась огнем мгновенно.

Еще несколько ходок туда-сюда с бензином во рту — и дом Астрид уже пылал с четырех концов.

Хорошо, что денег у нее куры не клюют.

Теперь ей понадобится новая квартира.

Зарек вытащил сигарету и закурил, с усмешкой напевая классическую песенку «Talking Heads»: «Burning Down the House...» [14]

Астрид проснулась от рева пламени. Она снова ничего не видела — и не сразу сообразила, что что-то вырвало ее из очарованного сна.

Но как? И почему?

Они с Зарекom должны были проспать еще не меньше суток!

Судя по звукам и по собственной сидячей позе, она уже не в кровати.

Кажется, она... в машине?

Зарек! — неуверенно позвала она.

Нет, мэм, — слышался рядом незнакомый голос с густым южным выговором. — Зовите меня просто Закат.

Сердце ее гулко забилося.

А где Зарек? И Саша?

Рука незнакомца успокаивающе легла ей на плечо.

Расслабьтесь, леди. Все в порядке.

Где мой волк?

По движению воздуха возле лица она догадалась, что Закат машет рукой у нее перед носом.

Да, я слепая! — крикнула она. — Объясните мне, где Саша!

вернуться

14

«Токинг Хэдс» (Talking Heads) — американская рок-группа, образованная в 1975 г. в Нью-Йорке и исполнявшая стилистически разнообразный нововолновый рок с использованием многочисленных сторонних влияний (фанк, классический минимализм, африканские ритмы и т.п.).

Если вот этот клубок шерсти — Саша, то он у ваших ног.

Астрид вздохнула с облегчением. Но страх ее рассеялся лишь наполовину.

А Зарек?

Он нас догонит.

Нет! — воскликнула она. Сердце заколотилось еще сильнее. — Мне нельзя его бросать!

Нам с вами лучше...

Окончания фразы Астрид не слышала — она уже нащупывала дверную ручку.

Сильная рука потянула ее назад.

Поверьте моему слову, мэм, нам с вами здесь опаснее, чем ему. И моя задача сейчас — увезти вас как можно дальше. Если кто-то сможет справиться с тем, что здесь происходит, то это Зарек.

Нет! — воскликнула она, пытаясь встать. — Мне нужно к нему вернуться! Как вы не понимаете? Если кто-нибудь узнает, что я не с ним, — считайте, он уже мертв!

Послушайте, леди...

Она отбросила его руку.

За ним тут же пошлют Таната! Мне надо вернуться!

Ты знаешь о Танате?

Астрид молча протянула руку к лицу Заката, пытаясь нащупать клыки.

Он отвел ее руку.

Ты работаешь на Ашерона? — спросила она.

А ты?

Сначала ответь. Ты — один из его... людей?

Да, — колебавшись, ответил он.

Она вздохнула с облегчением. Спасибо Зевсу за его маленькие милости!

Я — Судья, призванная судить Зарека. Если он останется без моего присмотра, Артемида тут же отправит за ним Таната.

Жаль тебя расстраивать, но это уже произошло. И сейчас эти двое разбираются друг с другом у тебя дома... точнее, там, где раньше был твой дом.

Голова у Астрид шла кругом. Как такое может быть?

Ты уверен, что это Танат?

Так он представился. И, судя по тому, как он порвал моего товарища Охотника, — я склонен ему верить.

Астрид ощутила тошноту. Как такое могло случиться?

Почему Артемида нарушила обещание?

Да, она требовала обвинительного приговора, но все же...

Отвези меня назад! Зарек не сможет его убить. И никто из вас не сможет.

А кто сможет?

Только Ашерон. Он один способен противостоять Танату. Для любого из вас это самоубийство.

Закат выругался сквозь зубы.

Ладно. Держись крепче, детка! И будем молиться, чтобы ты ошиблась.

И он круто, словно на американских горках, развернул машину. Саша вздрогнул и заворочался у нее в ногах.

Ш-ш, Саша! — прошептала она и наклонилась, чтобы его погладить.

«Где мы? Что происходит?»

Она почувствовала, как он поднимает голову, чтобы взглянуть на Заката. Затем волк тихо зарычал.

«А это что еще за герой вестерна?»

«Он наш друг. Веди себя прилично».

«Прилично? Ладно, договорились, есть его не буду. Пока. — Саша прижался к ее ногам. — Почему мы в машине? Как я сюда попал? И почему у меня голова раскалывается?»

«Я опоила тебя сонным зельем».

Хоть она и не видела Сашу — не сомневалась, что он сощурил глаза и оскалил клыки.

«Повтори, что ты сказала?»

Она поморщилась, услышав в его голосе гнев.

«Ничего другого мне не оставалось. Послушай, все, что ты обо мне думаешь, скажешь позже. Сейчас у нас большие неприятности».

«Какие?»

«Танат на свободе. И гонится за Зареком».

«Что ж, у Дневного Убийцы хороший вкус».

«Саша!..»

«Извини. Ты же знаешь, как я отношусь к этому психопату».

Вздыхнув, она запустила руки в густую шерсть Саши, чтобы взглянуть на мир его глазами. Он положил голову ей на колени и посмотрел в окно.

Несколько миль спустя она начала узнавать пейзаж. Знакомые места — ее дом неподалеку.

Не сразу она заметила впереди пламя пожара.

Закат выругался и прибавил скорость.

Когда они подъехали ближе, Астрид увидела, что ее дом в огне. Перед домом маячила одинокая тень; трудно было сказать, Зарек это или Танат.

Астрид в ужасе затаила дыхание. Только бы это был Зарек! Только бы он был жив!..

Только когда Закат остановил машину, она смогла разглядеть темную фигуру на фоне пламени.

И едва не разрыдалась от облегчения. Это Зарек! Она распахнула дверцу, оставив Сашу, выскочила из машины и помчалась туда, где только что его видела.

Астрид не знала, как он спасся от Таната и где Дневной Убийца теперь. Это ее и не волновало. Все, чего она хотела, — быть рядом с Зареком.

Прикоснуться к нему. Убедиться, что он не пострадал.

Не успела она пробежать и половины пути, как раздался пронзительный, полный ужаса вопль.

Астрид остановилась, завертела головой, пытаясь понять, откуда он донесся.

Сбоку от нее захрустел снег, видимо, это Закат. Саша подбежал и уткнулся теплым носом ей в руку.

Кто же кричал?

И вдруг прогремел взрыв.

Астрид упала на колени и схватилась за Сашу, чтобы увидеть, что происходит.

Ее дом взорвался. Пламя взметнулось к небесам, сливаясь с северным сиянием. Обломки досок и мебели разлетались во все стороны.

А затем из пламени вышел Танат. Целый и невредимый.

Без единого пятнышка на одежде. Жуткое зрелище. Зарек выругался:

Черт бы тебя побрал! Как же тебя убить?

Танат не ответил. Молча он целеустремленно приблизился к Зареку, занес руку для удара. Тот увернулся, пригнувшись, и нанес ответный удар.

Закат двинулся к Астрид.

Тебе лучше...

Закончить он не успел, она бросилась бежать.

Саша, фас! — крикнула она на бегу.

«Черта с два! — рывкнул Саша. — Охранять тебя я еще готов, но спасти этого психопата от любимчика Артемиды... Его же нельзя убить! Я его и поцарапать не смогу! А вот он меня... А знаешь, что бывает с ранеными волками? Их пристреливают!»

Астрид была в ужасе. Она ничего не видела — лишь слышала тяжелое дыхание дерущихся мужчин, проклятия и глухие звуки ударов.

Кто-то схватил ее и повалил наземь, прикрыв своим телом. Она завизжала.

Замолчи! — рявкнул Зарек.

Он перекатился по снегу вместе с ней, затем поднял ее и подтолкнул вперед.

Что происходит? — крикнула она на бегу.

Ничего особенного, — слегка задыхаясь, ответил Зарек. — Какой-то неуязвимый ублюдок очень хочет меня прикончить. А тебе здесь делать нечего. — Он отпустил ее. — Джесс, увези ее отсюда!

Не могу.

Зарек скривил губы. Он с удовольствием врезал бы Джессу, если бы не был уверен, что это фатально отразится на его собственных силах.

Все, что ему оставалось, — повернуться лицом к Танату, который гнался за ним по пятам.

В чем дело, Зарек? Испугался смерти?

Зарек подтолкнул Астрид к Джессу.

Смерть не страшна. Жизнь — гораздо страшнее.

Танат на миг остановился, эти слова застали его врасплох.

Этого Зарек и добивался! Выхватив из ножен кинжал, предназначенный для убийства даймонов, он бросился вперед и вонзил свое оружие в самую середину груди Таната, туда, где у каждого даймона находится чернильно-черное пятно. Это пятно — печать, удерживающая в плену похищенные ими человеческие души. Стоит взломать печать, и души обретают свободу, а их похититель рассыпается в прах.

Но сейчас это не сработало!

Танат спокойно вытащил кинжал из своей груди. Рассмеялся.

— Неужели ты забыл, Темный Охотник? Я ведь не демон. Я был аполлитом, пока не встретился с тобой.

Зарек нахмурился.

Танат схватил его за ворот.

Помнишь, как ты убил мою жену? Помнишь, как сжег мою деревню?

В мозгу заметались воспоминания. Разоренная деревня, трупы...

Стоп! Кажется, он что-то вспомнил!

Там был непобедимый демон! Но не этот. Не тот, что стоит сейчас перед ним.

Горящие красные глаза...

Что же это было? Почему он не помнит?

Мысли его перенесли в Нью-Орлеан.

К...

Почему же он не может вспомнить?

Вот он на заброшенном складе с Саншайн Раннинвульф и двумя богами. Вот отвечает Дионису и Камулу, чтобы подтерли себе задницу своими приказами. А следующее, что он помнит, — как, не желая больше слушать упреки Ашерона, разворачивается и исчезает в толпе.

И снова — клочки и обрывки воспоминаний: словно картины, лишь на мгновение озаренные ударом молнии.

Он видел кого-то...

Но кого?

Ашерона? Или, быть может, самого себя?

Зарек скрипнул зубами.

А, черт с ними! Сейчас его волнует лишь одно воспоминание. О том, что рядом с ним — чудовище, мечтающее его убить.

Он пнул Таната в пах.

Даймон сложился пополам.

Что скажешь? Живой или мертвый, а яйца все-таки болят, а?

Даймон в ответ прошипел что-то нецензурное.

Обоими кулаками Зарек что было силы саданул его по спине.

Эй, есть у кого-нибудь предложения, как прикончить этого парня?

Джесс покачал головой:

Взрывчатки я с собой не захватил. Может, у тебя фанаты найдутся?

С собой нет.

Танат выпрямился.

А теперь, Охотник, ты умрешь!

Ты первый!

Зарек бросился на него — и, сцепившись, враги покатались по снегу.

В какой-то миг Танат оказался сверху. Приподнявшись, он разорвал на груди Зарека рубашку. Зарек мгновенно понял, что он ищет, — метку-клеймо, о которой говорил Джесс!

Сюрприз, сюрприз! Что, урод, мамочка тебя не предупредила?

Вдалеке слышались голоса Джесса, уговаривавшего Астрид уйти отсюда подальше — она решительно отказывалась, — лай, повизгивания Саши и рев мотора.

Машина быстро приближалась. В тот самый миг, когда Зареку удалось вывернуться из хватки Таната, из-за деревьев вылетел снегоход.

Ложись!

Голос был Зареку незнаком. В обычной ситуации он бы ни за что не подчинился, но сейчас, черт побери, ему смертельно надоел даймон, который раз за разом надирает ему задницу.

Он упал на землю и перекатился, уйдя с пути бешено мчащегося зеленого снегохода. На нем восседал человек, одетый во все черное; лицо его скрывал черный шлем. Он остановился и поднял ракетницу.

Вспышка пламени прорезала тьму, ударила Таната в грудь, заставив даймона отлететь метров на десять.

Как ты посмел меня предать! — взревел Танат. — Ведь ты — один из нас!

Незнакомец спрыгнул со снегохода и зашагал туда, где лежал Зарек, на ходу перезаряжая ракетницу.

Вот именно, — горько ответил он. — Ты бы вспомнил об этом прежде, чем прикончить Бьерна. — Незнакомец снова выстрелил — и Танат вновь отлетел на несколько метров. — Он был единственным Охотником, которого я хоть как-то терпел.

Протянув руку, он помог Зареку подняться. Затем снял шлем и протянул ему.

Бери женщину и уматывай отсюда. Быстро.

Зарек взглянул ему в лицо. Золотистые волосы, неестественное совершенство черт. Он сразу его узнал.

Единственный Охотник, которого другие ненавидят даже больше, чем его самого.

Спаун?

Охотник-аполлит кивнул.

Беги, — проговорил он, передергивая затвор своего оружия. — Только я могу его задержать. Но убить и у меня не выйдет. Ради Аполлона, кто-нибудь, достучитесь до Ашерона, сообщите ему, что Дневной Убийца вышел на охоту!

Зарек бросился к Астрид.

Не уйдешь! — взревел Танат.

И Зарек увидел, как из его руки вырвалась молния. Повинуясь инстинкту, он бросился в сторону — и сумел увернуться. Но молния обожгла волка Астрид.

Зверь взвыл... и мгновенно превратился в человека, а затем снова в волка.

Зарек замер, сообразив, что друг Астрид — оборотень-катагари.

Почему катагари охраняет слепую? И что им обоим нужно от Темного Охотника?

— Саша! — воскликнула Астрид.

Джесс метнулся к катагари, а Зарек бросился к Астрид.

Твоего дружка задело, принцесса.

На ее лице отразился страх.

Как он?

Зарек подтолкнул Астрид к Джессу, но тут же чертыхнулся, сообразив, что Джесс не сможет доставить в безопасное место одновременно и девушку, и раненого оборотня. Получив энергетический удар, катагари некоторое время непроизвольно меняют облик.

Джесс с трудом втащил человека-волка в свой «Бронко» и помчался прочь.

Зарек надел на Астрид шлем.

Что ж, принцесса, похоже, мы с тобой остались вдвоем. Не сомневаюсь, ты предпочла бы компанию даймона.

Астрид ответила не сразу, ее поразили горечь и ненависть, звучащие в голосе Зарека.

Я верю тебе, Зарек, — наконец ответила она.

Ну и напрасно!

Он взял ее за руку и повел прочь от звуков битвы.

Грубо толкнул на сиденье снегохода.

Она ожидала, что они поедут прочь, но вместо этого, судя по звукам, Зарек помчался туда, где продолжалась драка.

Она инстинктивно прикрыла лицо руками, почувствовав, как что-то пронеслось мимо нее.

Сюда, быстро! — крикнул Зарек.

Что-то тяжело упало на соседнее сиденье; снегоход развернулся и понесся в обратную сторону. Сердце Астрид отчаянно билось; она гадала, что еще случится.

Снегоход затормозил. Она ощутила движение — кто-то встал с сиденья. Руки Зарека по-прежнему обнимали ее, и Астрид предположила, что это, должно быть, Спаун.

Спасибо, — проговорил Спаун. — Вот уж не ожидал, что Зарек из Мезии явится мне на выручку!

А я не ожидал увидеть, что даймон нападет на своего. Квиты?

Я никогда не был даймоном, римлянин! — гневно прорычал Спаун.

А я, мать твою, никогда не был римлянином!

Спаун коротко рассмеялся:

Вот и поквитались.

Астрид почувствовала, что Зарек позади нее поворачивается на сиденье.

Да, поквитались. — Зарек, по-видимому, смотрел в ту сторону, откуда они приехали. — Ты не знаешь, что это за тварь за нами гонится?

Представь себе Терминатора, посланного Артемидой. Это будет довольно близко к истине.

То есть как?

У нашего народа есть легенда о Дневном Убийце. Говорят, Артемида избрала одного из нас своим личным стражем. Этому аполлиту повезло больше, чем всем прочим. Он не боится солнца, не нуждается в чужих душах и, насколько известно, совершенно неуязвим. Когда он на свободе, единственное его желание — истребить всех Темных Охотников.

Короче, этим мерзавцем пугают Охотников, которые плохо себя ведут?

Ты мне не веришь?

Верю. После того, что видел, — верю.

Спаун устало вздохнул:

Я слышал, что Артемида объявила на тебя кровавую охоту, но думал, что тебя убьет Ашерон.

Что ж, как видишь, я еще жив. Чтобы со мной разделаться, нужно что-то покруче. — Помолчав, Зарек добавил: — Просто из любопытства: а как вы все здесь оказались? Может, Ашерон устроил на Аляске съезд Охотников, а меня не пригласил?

Бьерн попал сюда, преследуя группу даймонов. Я приехал, потому что услышал Зов.

Зов? — переспросила Астрид. Откровенно говоря, об аполлитах и даймонах она знала очень мало: они относились к ведомству Аполлона и Артемиды.

Это как радиосигнал, — объяснил Спаун. — Никто из народа аполлитов не в силах ему противиться. Я тоже чувствую Зов Таната и, должно быть, сопротивляюсь только потому, что я Темный Охотник. Но не будь я Охотником... Скажем так: все человечество ждут очень нелегкие времена.

Сомневаюсь, — фыркнул Зарек. — Как его убить?

Ты его убить не сможешь. Артемида сделала его оружием против Охотников, непобедимым и неуязвимым. Он не боится даже солнечного света. И вот что еще хуже: он уничтожит не только тебя, но и тех, кто давал тебе приют.

Кто давал тебе приют...

Перед глазами Зарека вновь предстала разоренная деревня.

Старуха, умирающая у него на руках...

Что же пытается подсказать его подсознание?

Я когда-нибудь прежде с ним встречался? — спросил он у Спауна.

Ты жив, так что, очевидно, ответ — нет, — усмехнулся Спаун.

И все же...

Зарек спрыгнул со снегохода.

Ладно. Теперь бери Астрид и...

Зарек, ты что, меня не слышал? Я не могу взять ее с собой! Она дала тебе приют, так что теперь Танат постарается ее убить. Без тебя, считай, она уже покойница.

Со мной — тоже.

У всех у нас есть проблемы. Эта девушка — твоя проблема, а не моя.

Астрид не видела, что произошло дальше, — но ей показалось, что Зарек щелкнул пальцами, и Спаун отлетел на несколько метров.

Побереги силы, грек, они тебе скоро пригодятся, — проговорил Спаун, подтвердив ее предположение.

Зарек сел за руль снегохода.

Эй, Зарек! — окликнул его другой Охотник. — Мобильник у тебя с собой?

Нет, сгорел вместе с домом.

Под ногами Спауна закрипел снежный наст.

Возьми мой. Как только доберешься до безопасного места, — звони Ашерону и зови его на выручку.

Спасибо, — без особой благодарности в голосе процедил Зарек. — А ты что же будешь делать — без снегохода, без телефона?

Отмораживать себе задницу. Что мне еще остается? — Помолчав, он добавил: — Обо мне не беспокойся. Со мной все будет в порядке.

Астрид снова ощутила на себе сильные руки Зарека и услышала, как он заводит мотор.

Куда мы теперь? — спросила она.

Знаешь, есть такой полярный зверь, песец называется. Едем прямо к нему в гости!

Глава 11

Что ж, — не менее саркастическим тоном ответила Астрид, — надеюсь, карта у тебя есть? Я там никогда не была.

Поверь, мне владения песка знакомы как свои пять пальцев. Я там провел большую часть жизни.

Не зная, смеяться или плакать, Астрид еще крепче вцепилась в бензобак. Зарек гнал машину на предельной скорости. Снегоход оглушительно ревел и трясся так, что Астрид всерьез опасалась, как бы он под ними не развалился.

Эй, кэп, сдается мне, наше старое корыто не выдержит таких скоростей! — крикнула она, постаравшись изобразить шотландский акцент.

Удивительно: Астрид могла поклясться, что из груди Зарека вырвался мягкий смех.

Наше старое корыто выдержит, — проговорил он ей прямо в ухо. Дыхание его щекотало ей кожу, и от этого прикосновения по спине Астрид пробежал холодок, не имеющий ничего общего с морозами Аляски.

Стоит поблагодарить судьбу за мою слепоту, — снова заговорила она. — Если бы я видела, с какой скоростью ты гонишь, меня, наверное, удар бы хватил!

Не сомневаюсь, — отозвался Зарек.

Астрид закатила глаза. Не такого ответа она ожидала!

Умеешь же ты подбодрить человека!

Вот мерзавец!

И все же в сарказме Зарека было что-то обаятельное. Он иронизировал резко, порой обидно, но без злобы; и теперь, узнав Зарека лучше, Астрид понимала, чем служили для него эти саркастические «шпы».

Это его защита.

Способ держать людей на расстоянии. Не позволять им приближаться, чтобы потом не стать жертвой их предательства.

Она не представляла, как выдержал Зарек эти бесконечные столетия, полные одиночества и боли. Столетия, когда ненависть была его единственной опорой.

Неудивительно, что яда в нем больше, чем в девятиглавой Гидре! Но и Гидра однажды встретила себе достойного противника.

Как и Зарек.

И речь не о Танате.

Речь о ней. Астрид не сдастся.

Они неслись вперед со страшной скоростью. В ушах звенело, тело промерзло до костей. Астрид боялась, что никогда уже не сможет пошевелить ни рукой, ни ногой.

Зарек, по-видимому, равнодушный к холоду, бросал снегоход из стороны в сторону, словно старался сбить Таната со следа.

В тот момент, когда она уже задумалась о том, правда ли, что бессмертный не может погибнуть от переохлаждения, Зарек наконец затормозил.

Выключил мотор.

На смену реву и грохоту пришла оглушительная тишина. Тревожная тишина.

Она ожидала, что Зарек встанет и поможет ей сойти на землю. Но он только снял с нее шлем и, тихо выругавшись, бросил его наземь.

Шлем глухо ударился о снег, и снова наступила тишина, прерываемая лишь их дыханием.

Астрид почти физически ощущала гнев Зарека — клокочущий, готовый вырваться на свободу.

Она чувствовала: он готов на нее наброситься и с трудом сдерживает себя. И еще чувствовала боль, скрытую за этим гневом.

Кто ты такая?

Он по-прежнему крепко держал ее обеими руками. Голос его — у самого ее уха — был холоден, как арктический лед.

Я же тебе говорила...

Ты мне лгала, принцесса! — прорычал он. — Может, я и не умею читать мысли, но точно знаю: ты не та, кем представляешься! Катагари не служат смертным женщинам. Я хочу знать, кто ты такая и какого черта хозяйничаешь в моих снах!

Астрид невольно задрожала. Что он теперь с ней сделает?

Бросит здесь, на растерзание Танату?

Она боялась сказать правду, но и лгать не хотела. Не в правилах Астрид было лгать без крайней необходимости.

Он имеет право на нее злиться. Положим, напрямую она не лгала, но все же кое о чем умолчала. Например, о том, какова ее истинная цель. Почему она ему помогает. Или о том, что волк, с которым у Зарека не сложились отношения, умеет превращаться в человека...

Впрочем, нет, один раз все-таки соврала — сказала, что Саша умер. Но Саша это заслужил!

А потом опоила Зарека зельем...

Ну, хорошо, хорошо. Звания «Мисс Совершенство этого года» ей не видать. Впрочем, как и самому Зареку.

Особенно в его теперешнем расположении духа.

Кто ты такая?! — повторил он, — и она ощутила щекой его горячее дыхание.

Что ж, хватит обманов. Он имеет право знать правду. Раз Артемида разорвала соглашение и отправила за ним Таната, какой смысл и дальше прикрывать богиню?

Я нимфа.

Вот как? Нимфо... а дальше?

То есть? — Она не сразу сообразила, что имеет в виду Зарек, а когда поняла, то ее щеки запылали. — Нет, не нимфоманка, просто нимфа! Ним-фа! Понял?

Несколько минут он не двигался и не произносил ни слова.

Затем медленно, глубоко вздохнул. Впервые в жизни Зарек делал нечто совершенно для себя непривычное — старался сдерживать ярость.

Нимфа! Так он и знал! Надо было сразу догадаться, что тут дело нечисто!

Хотя... откуда ему было знать? Нимфа — не то существо, которое ожидаешь встретить на Аляске. Обычно они резвятся в зеленых лесах, нежатся на пляжах, купаются в океанских глубинах. Или наслаждаются жизнью на Олимпе.

А не появляются из ниоткуда в снежную бурю, чтобы втащить к себе в дом раненого Темного Охотника.

Внутри у Зарека что-то сжалось: он все яснее понимал, что их встреча не случайность.

Кто-то послал ее сюда.

За ним.

Он крепче сжал руль, опасаясь хоть на мгновение разжать руки. Зарек боялся того, что может сделать с этой женщиной.

И что же ты за нимфа, принцесса?

Нимфа справедливости, — тихо ответила она. — Я служу Фемиде и прислана сюда, чтобы судить тебя.

Судить меня?! — потрясенно выдохнул он. — Ну и ну!

Никогда в жизни Зарек не испытывал такого острого желания свернуть кому-то шею! Боясь не совладать с собой, он спрыгнул со снегохода и отошел подальше.

Везет как утопленнику!

Он думал: наконец-то нашел человека, который его не осуждает! И что же? Это оказалась Судья, явившаяся, чтобы вынести ему приговор!

Похоже, боги над ним просто издеваются!

Как всегда. Всю его гребаную жизнь.

В ярости он мерил шагами снег, то и дело бросая гневные взгляды на Астрид. Она сидела склонив голову, сложив руки на коленях — тоненькая и прямая, как юное деревце.

Настоящая леди, черт побери!

Как она посмела так его одурачить?!

Он устал от этих игр, устал от лжи! Устал от того, что его все время используют!

Судья! Ашерон отправил к Зареку Судью! Наш добродетельный чистюля Ашерон не может прикончить бешеную собаку просто так — ему нужно соблюсти все приличия!

Быть может, надо поблагодарить его за этот спектакль? Ведь в смертной рабской жизни Зарека казнили без суда.

— Выходит, все это было для тебя просто игрой! «Подойди поближе, Зарек, сядь ко мне на колени и расскажи, почему ты был таким нехорошим мальчиком». Так? — Он резко повернулся к ней. У него в глазах потемнело от ярости. — Будь ты проклята! Будьте прокляты вы все!

Сердце ее подпрыгнуло.

Зарек, прошу тебя!..

И что же? Ты решила, что Ашерон прав, — я безнадежный психопат? Поэтому Артемиды натравила на меня своего пса?

Астрид встала и повернулась туда, откуда доносился его голос.

Нет. Не знаю, кто и почему выпустил Таната, этого не должно было случиться! И Ашерон никогда не считал тебя виновным. Если бы он тоже был против тебя, тебя бы уже не было в живых. Артемиды настаивала на твоей немедленной казни, но он упрямил ее, пообещал ей, уж не знаю что, и добился того, чтобы тебя судили по закону. И послал меня, чтобы я нашла способ тебя спасти.

Ага, как же! — фыркнул Зарек.

Зарек, это правда! — звенящим от волнения голосом убеждала она. — Можешь не верить, — но это не отменит того, что мы на твоей стороне.

Он смерил ее убийственным взглядом. К сожалению, Астрид была не способна его оценить.

Стоило бы оставить тебя здесь, на пожизну морозу и волкам! Хотя нет, ты же бессмертная... к сожалению.

Она поднялась, вздернув подбородок, словно готовая к худшему.

Можешь бросить меня, если хочешь. Но тот человек, которого я успела узнать, не бессердечен, не жесток. Он никого не оставит на верную смерть.

Он скрипнул зубами.

Ты ничего не знаешь обо мне!

Астрид сошла со снегохода. Вытянув руку перед собой, осторожно двинулась к нему. Ей нужно было к нему прикоснуться! И что-то подсказывало ей: Зареку это нужно тоже.

Я была внутри тебя, Зарек. Я знаю то, чего никто больше не знает.

И что? Я теперь должен растаять? Ах, маленькая принцесса прокралась в мои сны, чтобы спасти меня! Как трогательно! Сейчас зарыдаю!

Она схватила его за руку.

Ощутила, что мышцы его напряжены до боли, как и он сам.

Перестань!

Протянув руки, Астрид взяла его лицо в ладони. От быстрой езды на морозе щеки его пылали и теперь согревали ее заледеневшие пальцы.

Астрид почти не сомневалась, что он отпрянет. Но, к ее удивлению, он стоял неподвижно, словно ледяная статуя. Безмолвная, холодная. Непрощающая.

Астрид тяжело вздохнула. Как же до него достучаться? Как убедить, что у него есть друзья, что нет нужды отталкивать от себя всех, кто его любит?

Почему же он не понимает?..

Когда ее теплые руки коснулись его лица, Зарек словно окаменел. Не мог двигаться, не мог даже вздохнуть. Видел только снежинки, блестящие у нее в волосах и на ресницах. Только прекрасное лицо, полное нежности и боли.

Что, если она действительно хочет ему помочь? Но нет, он не мог в это поверить.

Все вокруг думают только о себе. Все и всегда.

И она — не исключение.

Но как же он хочет ей верить!

Что это щиплет глаза? Неужели слезы?

Что она с ним сделала?!

На несколько минут во сне он начал верить, что, быть может, не так уж плох. Что, возможно, и он заслужил какое-никакое счастье.

Боги, что за идиот!

Как можно было совершить такую глупость? Довериться ей! Ему ли не знать, к чему приводит доверие!

Довериться другому — верная гибель.

В его мире доверию места нет.

Астрид погладила его по щекам.

Зарек, я не хочу, чтобы ты умирал!

Зато я хочу, принцесса.

Слезы заблестели в ее глазах, растопили снежинки на ресницах.

Я тебе не верю! Танат с радостью исполнил бы твоё желание, но ты сопротивлялся. Почему?

По привычке.

Она крепче сжала в ладонях его лицо, прикрыла глаза, словно от досады... а затем, к полному его изумлению, вдруг расхохоталась.

Что, никак не можешь удержаться?

От чего удержаться? — переспросил Зарек, совершенно сбитый с толку.

От споров. Какой же ты упрямец! — звонким от смеха голосом ответила она.

И снова покатилась со смеху.

Зарек смотрел на нее, не веря своим глазам и ушам. Никто еще не осмеливался над ним смеяться! Во всяком случае, после его смерти.

А затем она сделала нечто такое, чего он никак не ожидал: шагнула вперед — и крепко его обняла! Прижалась к нему всем дрожащим от смеха телом, — и ее прикосновение тут же зажгло в нем желание.

И так напомнило его сон...

Астрид обвила руками его шею и притянула его к себе.

Никто и никогда еще его не обнимал! Он не знал, что делать. Обнять ее в ответ? Оттолкнуть?

Зарек не знал, на что решиться... и вдруг обнаружил, что руки его, словно обретя собственную волю, обхватывают ее стан и неловко, непривычно прижимают к себе.

Наяву она оказалась такой же, как во сне, — нежной, сладкой...

Как это выдержать?!

Она крепко обняла его.

Я так рада, что Ашерон послал к тебе меня!

Почему?

Потому что ты мне нравишься, Зарек. А еще потому, что любой другой на моем месте давно бы тебя прикончил!

Зарек отпустил ее и отступил на шаг назад. Он все еще не мог поверить в ее искренность.

Какая тебе разница, что со мной станет? Ты была в моих снах — и теперь будешь уверять, что я тебя не напугал?

Она вздохнула:

Честно? Да, напугал. Но еще я увидела в тебе доброту.

А деревня, которую я сровнял с землей? Ты ведь видела ее в моем сне!

Астрид нахмурилась:

Эти воспоминания слишком отрывочны, бессвязны... Быть может, это и не воспоминания вовсе. Мне кажется, это что-то другое.

Что?

Не знаю. Но ты явно помнишь не все, что там произошло.

Он покачал головой. Как ей удастся так верить в него, когда он и сам в себя не верит?

Похоже, ты и вправду слепа!

Нет, Зарек. Я вижу тебя. И, кажется, разглядела в тебе то, чего никто никогда не видел.

Поверь мне, принцесса, — усмехнулся он, — если бы ты видела, каков я на самом деле, — с визгом бросилась бы наутек!

Только если бы знала, что там, куда бегу, меня ждешь ты.

Этот ответ поразил его до глубины души.

Не может же она в самом деле так думать!

Это снова игра! Еще одна проверка!

Никто никогда не хотел иметь с ним дела: ни отец, ни мать, ни хозяйева. Да что там, он сам себя терпеть не может!

Почему же она хочет быть с ним?

Зарек вдруг замер. Где-то глубоко внутри пробежала холодная дрожь.

Танат. Он идет за нами.

Глаза ее расширились от страха:

Ты уверен?

Уверен.

Он повел ее за собой к снегоходу.

Скоро рассветет. Зарек окажется в ловушке. Но Танат...

Этому гребаному Терминатору дневной свет не помеха.

Зарек обнял Астрид. Стоило бы, конечно, оставить ее здесь. Она это заслужила своим обманом. Отдать ее Танату, выиграв на этом немного времени, и бежать... Но его не оставляла безумная мысль: он должен ее защитить.

Нет, не мысль — жгучее желание, чтобы с Астрид ничего не случилось.

Подчиняясь собственной глупости, он завел снегоход и помчался на всех парах в сторону своего жилища.

Вместе они летели сквозь ночь. Астрид думала о том, сколько правил она нарушила за один

сегодняшний день.

Но не жалела об этом. Зарек был рядом, — и она знала: дело того стоило. Она должна его спасти.

Любой ценой.

Никогда в жизни она не чувствовала такой решимости. Такой уверенности в себе. Зарек разбудил в ней силу, о которой она прежде и не подозревала.

Она ему нужна. Что бы он ни говорил, даже что бы ни думал, — без нее ему не обойтись.

У этого человека нет больше никого в целом мире. И, сама не понимая почему, Астрид хотела оставаться единственной, на кого он готов положиться. Единственной, кому удалось его приручить.

Они ехали почти час — и наконец снова остановились.

Где мы? — спросила Астрид, когда Зарек спрыгнул на землю.

Возле моей хижины.

Здесь безопасно?

Похоже, нет. Вид такой, будто здесь ад разверзся!

Зарек оглядывался вокруг, не веря своим глазам. Снег залит кровью, но чьей?

А в следующий миг он понял.

Здесь погиб Темный Охотник. Охотники умирают нечасто. Зарек не знал погибшего, не имел никаких оснований о нем жалеть, но, как ни странно, сейчас чувствовал, что его наполняют гнев и горечь.

Это несправедливо!

Этот человек погиб вместо него! Это Зарек должен был быть на его месте, это он должен был сражаться с Танатом!

При мысли о том, какая страшная участь постигла ни в чем не повинного человека, ему захотелось вцепиться Артемиде в горло.

И где Ашерон, черт бы его побрал? Столько разговоров о том, что он готов задницу порвать за своих Охотников, а теперь, когда его присутствие так необходимо, атлантиец куда-то смылся!

Скривив губы, Зарек вернулся к снегоходу.

Пошли, — проговорил он. — Надо поторапливаться, дел у нас много.

И двинулся прочь, оставив ее самостоятельно искать дорогу.

Зарек, мне нужна помощь. Пожалуйста, скажи мне, куда идти, чтобы я на что-нибудь не наткнулась!

На кончике языка у него вертелась ядовитая фраза о том, что она уверяла, будто бы способна сама о себе позаботиться... Но тут же нахлынули гнетущие воспоминания: он знал, каково быть слепым.

Видеть лишь смутные тени. Натыкаться на предметы, которых не можешь разглядеть...

Но он не хочет больше к ней прикасаться!

Стоит до нее дотронуться, и его снова охватывает желание. Нет, только не это!

Однако против своей воли Зарек вдруг обнаружил, что идет обратно к снегоходу и берет ее за руку.

Пошли, принцесса, — проворчал он.

Астрид подавила улыбку. Она победила и наслаждалась своей маленькой победой. Не говоря уж о том, что слово «принцесса» в его устах больше не звучало оскорбительно. Вряд ли он сам замечал это; но теперь, когда он так ее называл, голос его чуть-чуть смягчался.

Где-то в царстве снов ядовитое словечко, которым он старался держать ее на расстоянии, превратилось в ласковое имя.

Зарек ввел ее в дом.

Стой здесь, — приказал он, остановив ее у самой двери.

Астрид слышала, как он шуршит чем-то справа от нее. Она протянула руку к ближайшей стене, чтобы нащупать к нему путь. И сразу наткнулась на что-то удивительное.

Нахмурившись, она водила пальцами по изрезанной поверхности деревянной стены. Ощущения были просто невероятные. Глубокие выемки, сложные кривые... Да это целый барельеф! И такой большой, что Астрид не могла понять, что же на нем изображено.

Следуя рукой за линиями, она догадалась, что изображение занимает всю стену.

Что это? — спросила она.

Пляж и купальщики, — рассеянно ответил он.

Астрид подняла бровь.

Ты вырезал у себя на стене пляж?

Заняться здесь нечем, — сухо ответил Зарек. — От скуки спасаюсь тем, что вырезаю разные вещи. Летом, когда кончаются дрова, начинаю вырезать на стенах и на мебели.

Ей вспомнилась фигурка волка, которую он вырезал у нее дома.

Астрид шагнула вперед — и сразу на что-то наткнулась. Несколько предметов упали и раскатились по полу.

Зарек чертыхнулся себе под нос.

Я, кажется, сказал тебе: стой на месте!

Извини. — Она присела на корточки, чтобы подобрать упавшие вещи.

Деревянные фигурки животных. Да как их много! Должно быть, несколько десятков!

Ощупывая каждую фигурку, Астрид не уставала изумляться сложности и изяществу их очертаний.

И все это сделал ты?

Он молча взял у нее фигурки и поставил их на место.

Зарек, ответь мне! — настаивала Астрид.

А что ты хочешь услышать? Да, все эти долбанные штуки вырезал я. Обычно делаю по три-четыре за ночь. Дальше что?

Если так, их должно быть гораздо больше! Где же остальные?

Понятия не имею, — раздраженно проворчал он. — Иногда я их отношу в город и оставляю там. Или просто топлю ими печку, когда выходят из строя генераторы.

Неужели они тебе не дороги?

Конечно, нет. Мне ничего не дорого.

Совсем ничего?

Зарек остановился, взглянул на нее. Присев на полу, она устремила взгляд куда-то за его плечо — туда, где он, по ее разумению, находился. Волосы растрепаны, губы вопросительно приоткрыты. Щеки разрумянились от холода. Теперь она уже не выглядела богатой, ухоженной девицей, нежным цветком, как в первое их знакомство, когда он очнулся у нее дома.

Он почти видел, как заключает ее в объятия, почти чувствовал, как соприкасается с его телом ее нежная кожа... И в этот миг Зарек сделал потрясающее открытие.

Неправда, что ему ничто не дорого!

А как же Астрид?

Пусть она ему лгала, пусть обманывала, он не хочет, чтобы с ней что-нибудь случилось! Ему больно даже подумать о том, что ее нежная кожа потрескается от мороза и ветра!

Всем сердцем он желал защитить ее от испытаний.

И ненавидел себя за эту слабость.

Да, принцесса, — прошептал он сдавленно. Ложь застревала у него в горле. — Совсем ничего.

Она протянула к нему руку.

Ложь во спасение — мое или твое?

А кто сказал, что это ложь?

Я, Зарек. Для человека, которому я безразлична, ты слишком уж заботишься о моей

безопасности. — Она улыбнулась. — Я хорошо тебя изучила, мой Прекрасный Принц. И вижу то, что ты пытаешься скрыть.

Ты ничего не видишь!

Она покачала головой:

Хоть я и слепа, но вижу куда больше, чем ты.

А дальше она сделала нечто поразительное: потянулась к нему и нежно поцеловала в губы.

При этом прикосновении что-то внутри него дрогнуло, словно касание мягких, влажных губ открыло какие-то шлюзы в глубине его существа. А уж когда ее язычок коснулся его языка...

Это уже не сон!

Это реальность!

И до чего же она хороша! В тысячу раз лучше любого сна!

Он привлек ее к себе, перехватывая инициативу. Сейчас ему хотелось бросить ее на пол, овладеть ею прямо здесь — и любить, любить до изнеможения.

Но, если верить снам, одного соития будет недостаточно, чтобы насытить жар, пылающий в нем.

Эту женщину он сможет любить всю ночь напролет, а утром, проснувшись, возжелать ее снова.

Астрид задыхалась от его яростного поцелуя. Жар его тела разжег огонь в ней самой.

Да он и в самом деле неукротим, ее воин!

Холодной рукой он скользнул ей под рубашку и обхватил ее грудь. Она вздрогнула, ощутив, как пальцы его отодвигают кружево лифчика, и ладонь накрывает напряженный сосок.

Никогда ни одному мужчине она не позволяла так себя трогать! Но с Зареком Астрид уже испытала множество переживаний, которые прежде считала для себя запретными.

Всю жизнь она была серьезной, практичной, осмотрительной. Из тех женщин, что живут по правилам, не отступая от них даже в мелочах.

Но Зарек помог ей освободиться. Открыть в себе нечто неожиданное.

Непредсказуемое, дикое.

Он оторвался от ее губ, и рука его скользнула ниже, за пояс, к талии. Астрид задрожала, когда он расстегнул пуговицу на ее джинсах и потянул вниз молнию. Во сне она не боялась, помня, что это всего лишь сон. Все, что с ней происходило, — нереально. Это давало какую-то защиту.

Но сейчас эта защита исчезла. Едва он до нее дотронется, пути назад не будет.

Но что за беда? Разве сейчас у нее есть дорога назад? Конечно, нет! Никогда уже она не будет прежней.

Не возражаешь, если я трахну тебя прямо на полу, принцесса? — хриплым от страсти голосом прошептал он.

Нет, Зарек, — выдохнула она. — Не возражаю, если ты займешься со мной любовью там, где хочешь.

И, сжав его ладонь в своих, направила ее под пояс расстегнутых джинсов, к своим трусикам.

Хрипло и тяжело дыша, Зарек не отрывал глаз от красавицы, распростершейся перед ним на полу, приглашающе раскинувшей ноги. Рубашка ее, задранная вверх, открывала округленный живот. Смуглая рука Зарека темнела на нежно-розовой хлопковой ткани девичьего белья. Он погладил розовый холмик, ощущая под пальцами тонкую поросль кудрявых волос.

Астрид расстегнула на нем штаны, выпуская на свободу его алчущего зверя. Зарек замер, когда она сжала в ладонях его член.

Пылая страстью, он сдернул ее трусики и нащупал вагину.

Она уже была жаркой и влажной, половые губы набухли, она ждала его. Зарек ласкал ее, а она не переставала играть с его органом, и наслаждение от ее прикосновений было почти невыносимым.

Он потербил ее клитор. Астрид застонала от наслаждения, этот звук принес ему ни с чем не сравнимое удовольствие.

Склонив голову, он припал губами к ее соску и начал неторопливо играть с ним.

Желая большего, скользнул пальцами внутрь... и вдруг наткнулся на нечто совершенно неожиданное. Во сне этого не было!

Он замер, словно громом пораженный.

Нахмурился, откинувшись назад. Осторожно ощупал еще раз. Сомнений не было: вход в ее святая святых охраняла хрупкая преграда.

Ты девственница?!

Да.

Выругавшись, он отстранился от нее.

Девственница! — повторил он. — Какого черта?.. Как?!

Очень просто. Я никогда не спала с мужчиной.

Но во сне...

Это был сон, Зарек. Мое тело в нем не участвовало.

У него потемнело в глазах. Непрошенная ревность пронзила сердце. Так вот, значит, как развлекается его маленькая нимфа!

И многих ты вот так отымела во сне?

Ах ты, мерзавец! — воскликнула Астрид, резко садясь. — Благодарю богов, что я не вижу твоего лица, иначе получил бы по морде!

Она торопливо застегнула на себе одежду и отодвинулась от него подальше. Лицо ее пылало, руки дрожали; вполголоса она осыпала проклятиями его, и себя.

В этот миг он осознал, что был несправедлив.

Если бы Астрид действительно распутничала в чужих снах, никогда бы так не разозлилась.

У нее никогда не было другого мужчины.

Только он.

Эта мысль поразила его, словно удар кинжалом.

Почему она предложила ему то, что так долго берегла от всех остальных? Этому Зарек понять не мог.

В его мире это было просто бессмыслицей.

Почему ты хочешь быть со мной?

Астрид гневно воззрилась в его сторону.

Понятия не имею! Ты грубый, наглый, злобный! Никогда в жизни я не встречала такого невоспитанного, такого... такого... зловредного типа! Никого не уважаешь, даже себя! Даже радоваться не умеешь! Только язвись, язвись, язвись!..

Она хотела продолжать, но в этот миг вдруг сообразила, что в вопросе Зарека не слышалось яда. Он не язвил, не обвинял; он действительно просто хотел знать.

Более того: этот вопрос вырвался откуда-то из глубины его существа.

Поэтому и Астрид ответила от всего сердца.

Хочешь знать правду, Зарек? Я хочу быть с тобой, потому что в тебе есть что-то такое, что зажигает во мне огонь. Когда я чувствую, что ты рядом, то ничего не желаю так, как протянуть руку и дотронуться до тебя. Я хочу, чтобы ты вошел в меня, хочу обнять тебя крепко-крепко, хочу сказать, что все хорошо, что я никому не позволю тебя обидеть...

Я не ребенок! — сердито прервал он ее.

Астрид потянулась к нему во тьме, нащупала его руку. Крепко сжала в своей.

Конечно, ты не ребенок. И никогда не был ребенком. О детях заботятся, их оберегают. А тебя никто не обнимал, когда ты плакал. Никто не утешал тебя, не ласкал. Не рассказывал тебе сказки, не старался тебя развеселить.

Она говорила, и ее сердце сжималось от боли. Все, что было у нее самой, когда она была маленькой, все, что она принимала как само собой разумеющееся: дружба, счастье, семья, удовольствия... и, конечно, любовь — все это для него недоступно! Во всем этом ему было отказано!

Как жестока к нему жизнь! При мысли об этой несправедливости на глазах у нее выступали слезы.

Она провела ладонью вверх по его мускулистой руке, по плечу; нащупала густые спутанные волосы, погладила его по голове.

— Люби меня, Зарек. Я не могу изменить твоё прошлое, но могу обнять тебя сейчас. Я хочу подарить тебе своё тело. Хотя бы ненадолго.

Он с силой привлек ее к себе и жарко прильнул к ее губам. Астрид застонала, выгнув спину; Зарек уложил ее на пол.

Астрид сбросила ботинки, стянула джинсы и трусики. Затем сбросила рубашку и расстегнула лифчик.

Ей следовало бы смутиться — никогда прежде она не раздевалась на глазах у других. Тем более если другие при этом остаются одетыми.

Но она не робела.

Рядом с Зарekom Астрид ничего не стыдилась. С ним она чувствовала себя сильной. Женственной. Знала, что он хочет ее, и сама мечтала лишь об одном: удовлетворить его желание.

Она легла на ледяной пол и широко раскинула ноги, будто приглашая его войти.

Словно замороженный, Зарек не мог ни шевельнуться, ни оторвать от нее глаз.

Соски ее затвердели от холода и желания. Волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Руки покоились на животе.

Но он, не отрываясь, смотрел на иную часть ее тела — на сокровенную сердцевину ее существа. Розовая, влажная, набухшая от нетерпения — она ждала его.

— Зарек, мне холодно! — прошептала Астрид. — Ты меня согреешь?

Он должен отказаться! Еще не поздно! Надо просто встать и уйти!

Нет. Невозможно.

Никто никогда не предлагал ему такой драгоценный дар.

Никто, кроме Астрид.

Он сдернул со своего ложа меховые одеяла и накрыл ими ее обнаженное тело. Затем, сорвав с себя одежду, скользнул к ней. Раздвинул ее бедра еще шире; на миг замер, любясь самым интимным уголком ее тела.

Как же она прекрасна!

Он пробежал пальцами по ее напряженному клитору, и Астрид задрожала еще сильнее, хотя меха и защищали ее от холода. Большими пальцами обеих рук он раскрыл ее тайные покои и прильнул к ним губами.

Астрид ахнула, ощутив, как язык Зарека ласкает ее. Он лизал и дразнил, согревая ее тело своим дыханием.

Обхватив ее бедра горячими ладонями, он пододвинул девушку ближе к себе — к своему рту, к колючей щетине на подбородке.

Он стонал от наслаждения, словно вкушал амброзию. Облизнув губы, Астрид потянулась к нему, сжала его лицо в ладонях.

Сердце ее гулко забилося, когда она ощутила, как двигается под пальцами его челюсть.

Во сне его прикосновения были неопишимо прекрасны, но наяву...

Наяву все это было намного реальнее.

У Астрид кружилась голова и замирало сердце. Она билась в путах экстаза, прижималась к нему и выкрикивала его имя.

А когда достигла вершины наслаждения, громко вскрикнула и прижала к себе его голову, чувствуя, что тело ее разлетается тысячью сверкающих искр.

А он все играл с ней и дразнил ее языком, пока она не взмолилась о пощаде.

Откинувшись назад, Зарек наблюдал, как она извивается на полу. Верхняя часть ее тела была прикрыта одеялами и шкурами; нижняя, обнаженная, сияла в тусклом свете лампы, блестела его слюной и ее интимными соками.

Лицо ее покраснелось, глаза сияли.

Никогда еще он не приводил домой женщину. Более того, ни одна женщина не была в его доме нагой.

Он сдернул с нее одеяла. Астрид тихо ахнула, когда жесткая шкура задела ее набухшие, возбужденные соски. Зарек отодвинулся — лишь для того, чтобы избавиться от одежды.

В следующий миг он лег на нее, а она прижалась к нему, согревая своим телом.

Зарек застонал, ощутив, как щекочат ему грудь узелки ее сосков. Его напряженное естество упиралось во влажные кудри ее лобка.

Астрид снова накрыла их одеялами и прильнула к нему еще крепче.

Боги, как же хорошо лежать с ней вот так, лицом к лицу! Обвив ногами его талию, она гладила обнаженную спину Зарека.

Он склонил голову и поцеловал ее, проникнув языком в рот.

Но не туда он мечтал проникнуть...

Проведя рукой по ее плечу и руке, Зарек нащупал ее ладонь, сплел пальцы с пальцами Астрид. Закинул руку ей за голову, одновременно углубляя поцелуй.

Астрид сглотнула, ощутив, как Зарек меняет позу. Теперь тело ее было полностью накрыто мощным, цветущим мужским телом.

Кончик его пениса прижался к ее влагалищу. Она выгнула спину в нетерпеливой жажде впустить его в себя.

Целуя ее еще глубже, одним мощным толчком он вошел внутрь.

Астрид скривилась и вскрикнула: боль, пронзившая ее, на миг прервала наслаждение.

Зарек немедленно отстранился.

— Боже мой, Астрид! Я сделал тебе больно? Прости! Я не знал!..

Его сожаление и испуг поразили Астрид намного сильнее боли.

Зарек и извинения — вещи несовместимые, как воздушный шарик и иголка!

И еще ей стало ясно, что он никогда не имел дела с девственницей.

Все хорошо! — проговорила она, успокаивающе целуя его. — Все нормально. В первый раз всегда бывает больно.

Но когда я делал это в первый раз, больно не было!

Она рассмеялась:

Такое бывает только у женщин. Все в порядке, мой Прекрасный Принц!

Потянувшись вниз, она нащупала его твердое, пульсирующее орудие. Зарек испустил низкий хриплый стон, когда она погладила его нежными пальчиками.

А затем, закусив губу, осторожно потянула его к себе.

Он напрягся, не желая входить.

Я не хочу снова делать тебе больно!

Ее охватила радость.

Нет, Зарек, мне не будет больно! Я хочу, чтобы ты снова вошел в меня!

Поколебавшись несколько секунд, он осторожно скользнул в нее.

Стон его слился с ее стоном.

Астрид выгнула спину. Она чувствовала его внутри себя — огромного, жаркого, властного, — и чувство это было ни с чем не сравнимо!

Обеими руками она гладила его плечи и мускулистую спину.

Лишь одного ей не доставало: сейчас, когда он любил ее, она хотела бы смотреть ему в глаза. Только поэтому она жалела, что все происходит не во сне. В остальном жалеть было не о чем: наяву все ее ощущения оказались неизмеримо богаче и ярче.

Простонав сквозь зубы ее имя, он склонился к ее шее, поцеловал бьющуюся жилку, царапнув горло клыками — и при этом не переставал неторопливо, размеренно вонзать в нее свое орудие.

Сердце Зарека забилося еще сильнее, когда запах, чудный свежий запах Астрид долетел до него и обласкал его ноздри.

Что за блаженство — ощущать ее прикосновения, слышать свое имя из ее уст!

Никогда, даже в самых смелых мечтах, он и не воображал себе, что близость с женщиной может дарить такое счастье!

Она сжала его лицо в ладонях.

Что ты делаешь? — прошептал он.

Хочу тебя увидеть.

Он накрыл ее руку своей и повернул голову, чтобы поцеловать ее открытую ладонь.

Его щетина щекотала ей кожу, но губы были мягкими, ласковыми, — и Астрид таяла от его нежности.

Он напоминал ей прирученного леопарда. Хищного зверя, мощного, стремительного, но смиряющего свой неукротимый нрав ради человека, который заботится о нем.

Приподнявшись, он снова припал губами к ее шее. Вздогнув от острого наслаждения, Астрид провела руками по его могучей спине до самых ягодиц.

Как же ей нравилось чувствовать на себе тяжесть его тела, ощущать толчки мощных бедер!

Она скользнула руками между их разгоряченных тел и, опустив руки, нащупала его мощное оружие. Обхватив пальцами ствол, она почувствовала, как он входит и выходит из нее.

От этого прикосновения у Зарека прервалось дыхание. О, какое наслаждение...

Он поцеловал ее, а она продолжала исследовать место их сочленения. Вот осторожно нащупала его яички, и он зарычал, чувствуя опасную близость оргазма.

— Полегче, принцесса! — прошептал он, отводя ее руки. — Кончать мне еще рано. Я хочу подольше насладиться тобой.

Астрид улыбнулась этим словам. Он завел обе ее руки за голову и, склонившись над ней, припал губами к ее соску.

Как же она его любит!

Да-да — этого ужасного, невыносимого типа.

— Я вся твоя, милый, — прошептала она. — Наслаждайся мною.

Так он и сделал: не выходя из нее, покрыл поцелуями каждый дюйм ее тела, до которого мог дотянуться.

Нежность его была поразительна — и казалась настоящей драгоценностью. Астрид знала: ее возлюбленный — не из тех, что бегут на свет каждой женской улыбки и ласкают всех подряд.

Он — ее Лис. Он выходит из норы, лишь когда слышит ее шаги.

Только она смогла его приручить.

Никогда и никому он не будет принадлежать так, как принадлежит ей.

С этой мыслью Астрид достигла оргазма, громко выкрикнув его имя.

Зарек ускорил движения — и несколько секунд спустя присоединился к ней, блаженствуя.

Он лежал на Астрид обессиленный, задыхающийся, слыша и чувствуя биение ее сердца. Голова его кружилась от счастья.

Ничего он так не желал, как навсегда остаться с ней! Вечно лежать вот так, чувствуя под собой ее тело, вдыхая ее нежный запах.

Никогда в жизни ему не было так тепло. Так сладко.

Никогда он не был так счастлив.

Если бы остаться с ней и навеки забыть обо всем!

К несчастью, именно этого Зарек позволить себе не мог.

Нежно поцеловав ее, он перевернулся на спину.

— Пора одеваться. Не знаю, выследит ли нас здесь Танат, но что-то мне подсказывает что это вполне возможно.

Она кивнула.

Зарек на миг замер, наткнувшись взглядом на кровь у нее на бедрах — следы взломанной девственности.

Стиснув зубы, он отвернулся. Все-таки взял ее прямо на полу, как дикий зверь! Такого она не заслужила.

Не заслужила такого, как он.

Что же он натворил?

Он погубил ее!

Астрид села и тронула его за плечо. От этого прикосновения внутри у него словно что-то растаяло.

Знакомое чувство. Так хорошо... и так больно.

Зарек? Что-то не так?

Нет, — солгал он, не желая раскрывать ей свои мысли.

К чему ей слышать, что она отдала свою невинность недостойному?

Он не заслуживает ее доброты. Он вообще ничего хорошего не заслуживает!

Но почему она снова тянется к нему? Неужели не понимает... Все это не укладывалось у него в

голове.

Она прижалась щекой к его спине, обвила рукой его талию. Он затаил дыхание, когда она успокаивающим жестом положила руку ему на грудь.

Зарек, я ни о чем не жалею. Надеюсь, что и ты тоже.

Он откинулся назад, прижавшись к ней. Нет, он не позволит ноющему сердцу испортить то, что они разделили друг с другом.

Как я могу жалеть о лучшей ночи в своей жизни? — Тут он горько рассмеялся, припомнив все, что произошло с тех пор, как его разбудил Джесс. — Конечно, если не считать того, что за нами гонится Терминатор, что Артемиды хочет моей смерти и...

Поняла, поняла, — со смехом проговорила она. Затем уткнулась носом ему в затылок, от этого по телу его пробежала сладкая дрожь. — Наше положение безнадежно, ведь так?

Он задумался и ответил не сразу:

«Безнадежно» означает, что раньше надежда была. Но для меня это еще одно непонятное слово. Надежда существует лишь для тех, у кого есть выбор.

А у тебя нет выбора?

Я раб, Астрид, — ответил он, в задумчивости наматывая на пальцы прядь ее белокурых волос. — Надежда — не для меня. Я просто делаю то, что мне говорят. По-моему, как раз этого ты никогда и не делаешь!

Не совсем так. В смертной жизни он не смел протестовать или сопротивляться. Побой следовали за побоями, унижения за унижениями — он все сносил безропотно.

Только став Темным Охотником, Зарек научился давать отпор.

Как ты думаешь, как там Саша?

Думаю, с ним все в порядке, — удивившись такой перемене темы, ответил Зарек. — Джесс любит животных и умеет с ними обращаться. Даже с катагари.

Астрид хихикнула:

Зарек, ты стремительно осваиваешь навыки цивилизованного общения! Честно говоря, я ждала, что ты ответишь: «Надеюсь, он подох где-нибудь в канаве!»

Он посмотрел вниз — на маленькую белую руку на своей груди, как раз против сердца. Все верно. Она его приручила.

Изменила.

И это пугало куда больше чудовища, идущего по его следам.

С Танатом он справится. Но с этими чувствами...

Перед ней он беззащитен.

Ладно, пожалуйста. Надеюсь, что даже Джесс не сможет ему помочь!

Астрид рассмеялась, затем поцеловала его в спину и отодвинулась, чтобы одеться.

Зарек не отрывал от нее глаз. Сердце его отчаянно билось. Непонятно почему, эта женщина рождала в нем страстное желание стать иным.

Рядом с ней он хотел быть приличным человеком! Хорошо воспитанным. Добрым.

Нежным.

Таким, каким он никогда не был.

Заставив себя встать, он выбросил старую одежду в мусорное ведро и достал из шкафа новую. По крайней мере, теперь ему не будет дуть в спину. Достал еще одну старую парку — для Астрид.

Что это? — спросила она, когда он накинул парку ей на плечи.

Это потеплее твоей куртки.

Пока она путалась в слишком длинных рукавах, он разыскивал очки, шарфы и перчатки для них обоих.

Скоро рассветет! Куда мы идем?

Увидишь. То есть... ну, поймешь.

Зарек помог Астрид одеться и, натянув высокие ботинки, отодвинул к стене печку. Под ней в полу обнаружился лаз.

Зарек откинул крышку, помог Астрид спуститься вниз по узкой лестнице, спустился сам и захлопнул люк за собой. Затем, используя телекинез, вернул печку на место.

Где мы?

Под землей. Это подземный ход.

Зарек включил фонарик. Здесь было темнее, чем в гробнице, и холоднее, чем в аду. Но здесь они будут в безопасности. По крайней мере, на какое-то время.

Танат может явиться сюда при свете дня: но о существовании подземного хода ему неизвестно. Это секрет Зарека.

Что за подземный ход? Откуда он здесь?

Я его выкопал от скуки. Изрезал вдоль и поперек весь дом, не знал, чем еще заняться. И решил выкопать подземный ход, чтобы легче было передвигаться в светлое время года. Кроме того, летом здесь не так жарко, а зимой не так холодно. Не говоря уж о том, что я параноик. На случай, если Ашерон явится за моей головой, лучше иметь убежище, о котором он не знает.

Но ведь земля здесь твердая, как камень! Как же ты сумел?..

Я сильнее человека, а для работы у меня было девятьсот лет. Заключение от скуки порой

вытворяют удивительные вещи.

Например, пытаются прорыть тоннель в Китай?

Вот именно.

По узкому коридору он довел ее до комнатки, где устроил себе оружейный склад.

Здесь мы пересидим день?

Сгореть заживо в солнечных лучах меня что-то не тянет, так что, думаю, это самое разумное решение. Согласна?

Она кивнула.

Набрав столько оружия, сколько мог унести на себе, Зарек повел ее к дальнему концу длинного тоннеля. Подземный ход выходил в густой лес: здесь можно было скрыться после наступления темноты.

— Теперь ложись-ка и поспи, — приказал Зарек.

И, не раздумывая, скинул с плеч лосиную парку и расстелил ее на земляном полу.

Астрид хотела возразить, но тут же остановила себя. Не так уж часто Зарек проявляет доброту — и, если уж такое случается, не стоит ему перечить.

Она молча легла на парку.

Но, против ее ожидания, Зарек не улегся с ней рядом. Он ходил взад-вперед по тесному пространству, по-видимому, ожидая, когда она заснет.

Любопытствуя, что он задумал, Астрид прикрыла глаза и притворилась, что засыпает.

Зарек подождал несколько минут, затем достал мобильный телефон, оставленный ему Спауном. Поднялся по лестнице, открыл люк, чтобы поймать сигнал.

Небо на востоке чуть посветлело, но до рассвета было еще далеко. Что из этого получится, Зарек не знал, — но решил хотя бы попытаться.

Он набрал номер Эша.

— Давай же, Ашерон! — прошептал он, прислушиваясь к тишине. — Возьми эту чертову трубку!

Астрид лежала неподвижно. Она знала: там, где сейчас Ашерон, телефон никогда не зазвонит. Этого не позволит Артемида.

Но и Артемида не всесильна!

Астрид молча присоединилась к мольбе Зарека. Из всех своих невеликих сил она старалась донести сотовый сигнал до Ашерона — где бы он сейчас ни был.

Зазвонил телефон, и Эш подскочил на кровати. Машинально потянулся к рюкзаку, но тут же

вспомнил, где он. Вспомнил и то, что здесь, в храме Артемиды, он не имеет права отвечать на звонки.

Строго говоря, и телефон здесь звонить не может, ведь на Олимпе нет сотовой связи!

Почему же он звонит? Должно быть, это Астрид...

Но, если Артемида застанет его за разговором с нимфой, как пить дать, разорвет их сделку. То, что она сделает с ним самим, Ашерона не волновало; но он боялся, что она обрушит свой гнев на Астрид.

Стиснув зубы, он потянулся за телефоном, включил автоответчик и стал ждать сообщения.

От того, что услышал Ашерон, у него помутилось в глазах.

Это не Астрид! Это был Зарек.

Черт побери, Ашерон, где тебя носит? — прорычал он. Несколько секунд молчания, а затем: — Я... Мне нужна помощь.

Ашерону показалось, что внутренности его скрутились в тугий узел. Чего-чего, а этих слов он никак не ожидал услышать от Зарека!

Бывший раб скорее умрет, чем признается, что ему что-то от кого-то нужно! Тем более — от атлантйца.

Похоже, ему приходится очень несладко.

Послушай, Ашерон. На себя мне наплевать. Я понимаю, что мне не жить. Но... не знаю, что тебе известно, а что нет... В общем, со мной женщина. Ее зовут Астрид. Говорит, что она нимфа справедливости. За нами гонится эта тварь Танат. Одного Охотника он уже прикончил. Если он доберется до Астрид, убьет и ее. Защити ее, Ашерон! Пожалуйста. Ради меня. Забери ее отсюда и переправь в безопасное место. А с Танатом я разберусь сам. Прошу тебя, Ашерон! Если не ради меня, то хотя бы ради нее! Она не заслужила такой участи. Она просто пыталась мне помочь!

Эш сел в постели. Сжал работающий телефон так яростно, что тот отчаянно запульсировал у него в ладони.

Как он хотел ответить! Но не осмеливался. Боль и ярость раздирали его на части.

Артемида снова его предала!

Будь она проклята!

Надо было догадаться, что она не отзовет Таната, как обещала! Одной жизнью больше, одной меньше, ей-то что за дело?

Когда Артемида интересовалась чем-нибудь, кроме себя и своих желаний?

Но ему, Ашерону, не все равно. Каждая жизнь для него бесконечно драгоценна. Едва ли она когда-нибудь это поймет.

— Я у себя, звоню с телефона Спауна. Свяжись со мной. Астрид нужно вытащить отсюда, и как

можно скорее.

И телефон умолк.

Отбросив одеяла, Эш отдал мысленный приказ, и одежда вернулась на его тело. В ярости он бросил телефон в рюкзак и щелчком пальцев распахнул двойные двери.

Артемид сидела на троне; перед ней стоял ее брат-близнец Аполлон.

При его появлении оба они изумленно обернулись.

Неудивительно, что Артемид приказала ему пойти отдохнуть!

Она прекрасно знала, что с Аполлоном ему лучше не встречаться. Ашерон и солнечный бог «ладили» друг с другом еще хуже, чем сама Артемид с Сими.

Вот и сейчас Аполлон, не раздумывая, бросился на него.

Вытянув вперед руку, Эш отбросил бога к стене.

Держись от меня подальше, Солнечный мальчик! Я сейчас не настроен играть в игры!

И направился к дверям, но теперь путь ему преградила Артемид.

Куда ты?

Ухожу.

Ты не можешь уйти!

Прочь с дороги, Артемид! Я не хочу причинять тебе боль, но, если будешь путаться под ногами, сдерживаться не стану!

Ты поклялся, что останешься здесь на две недели! Если уйдешь с Олимпа, умрешь! Ты же знаешь, что ты не в силах нарушить свою клятву.

Прикрыв глаза, Эш тихо выругался. Об этом он в своем гневе совершенно забыл! В отличие от клятв олимпийских богов, его клятва была действительно нерушима: дав обещание, он был связан им и, как бы ни хотел, не мог его отменить.

Что он вообще здесь делает? — прорычал Аполлон. — Ты говорила, что больше он здесь не появится!

Аполлон, заткнись! — прервали его оба.

Эш бросил на Артемиду такой взгляд, что она невольно отступила на шаг.

Почему ты снова солгала мне о Танате? Ты уверяла, что сможешь его отозвать!

Я не лгала.

Да ну? А почему же он сейчас бродит по Аляске и убивает моих Охотников?

Он убил Зарека?

Эш скривил губы.

Не надо смотреть на меня с такой надеждой. Нет, не Зарека. Другого.

На лице Артемиды отразилось нескрываемое разочарование.

Кого?

Откуда мне знать? Я же заперт здесь, с тобой!

Она расправила плечи.

После того как его выпустил Дион, я приказала Оракулам заточить его снова. Я была уверена, что они это сделали.

Так кто же его освободил на этот раз?

Оба разом повернулись к Аполлону.

Это не я! — запротестовал Аполлон. — Я даже не знаю, где ты держишь эту тварь!

Молись, чтобы это оказался не ты, — зловеще протянул Ашерон.

Аполлон зло усмехнулся.

Ты меня не пугаешь, смертный. Однажды я тебя убил — убью и еще раз.

В ответ Эш широко улыбнулся. То было тогда, а теперь они играют на новом поле и по совершенно другим правилам, с которыми он надменного бога с удовольствием познакомит!

Попробуй.

Артемида встала между ними.

Аполлон, уходи!

А он?

Не твоя забота.

Аполлон смерил их взглядом, полным презрения.

Странно, что ты впускаешь подобных личностей к себе в храм!

Удивительно, но Артемида не нашлась, что ответить: она опустила глаза, и лицо ее запылало.

Иного Эш и не ожидал.

Она стыдилась его, стыдилась их отношений. Всегда старалась держать его подальше от других олимпийских богов. Уже много столетий другие боги знали, что Эш навещает Артемиду. Несомненно, ходили слухи о том, зачем он ходит к ней в храм и почему остается там так долго. Но Артемида никогда не подтверждала, что между ними что-то есть. Даже не прикасалась к нему на глазах у других.

Странно, но и теперь, одиннадцать тысяч лет спустя, он так и не привык к роли «маленького

грязного секрета» богини. После всего, что они пережили вместе, она не смеет даже глаз на него поднять в присутствии посторонних! И при этом привязывает его к себе и запрещает уходить!

Нездоровые у них отношения. Он это знает лучше других.

К несчастью, у него нет выбора.

Но, если когда-нибудь ему удастся освободиться, ни одной секунды он не останется рядом с ней! И им обоим это прекрасно известно.

Вот почему Артемида не жалеет сил, чтобы как можно прочнее привязать Эша к себе.

Цулос! — презрительно скривив губы, процедил Аполлон.

Эш замер, услышав это древнегреческое оскорбление. Не в первый раз его так называли. В далекой смертной жизни, слыша это слово, он с усмешкой отвечал: «Да, я такой!»

Но и теперь, одиннадцать тысяч лет спустя, это словцо подходило ему ничуть не меньше и так же сильно ранило!

Только теперь он не радовался этому.

Теперь оно поражало его в самое сердце.

Артемида схватила брата за ухо и подтолкнула к дверям.

Пошел вон! — прорычала она, вытолкала его и захлопнула за ним дверь.

Затем повернулась к Ашерону.

Эш стоял неподвижно. Оскорбление все еще жгло его, словно кипящая смола.

Не обращай на него внимания. Он просто кретин!

Эш не стал спорить — с этим он был вполне согласен.

Сими! Прими человеческий облик.

Сими выскользнула из-под его рукава и явилась перед ним.

Да, акри?

Охраняй Зарека и Астрид.

Нет! — воскликнула Артемида. — Не отправляй ее к ним! Она все расскажет Зареку!

Пусть рассказывает. Пора ему понять.

Понять что? Хочешь, чтобы он узнал о тебе правду?

Эш ощутил, как где-то в глубине его существа нарастает и рвется на волю жаркая волна гнева. Почувствовал, как серебристые глаза его становятся красными, и, словно подтверждая опасные перемены в облике Ашерона, Артемида отступила на шаг.

Вообще-то я скрывал от него правду о тебе! — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Да неужели, Ашерон? Значит, меня защищал? А мне-то казалось, ты стер его память о той ночи, страшась того, что он узнает именно о тебе!

Новая жаркая волна прокатилась по телу.

Эш поднял руку, призывая Артемиду к молчанию. Пока не поздно. Пока его силы не взяли над ним верх. Давно, слишком давно он в последний раз наедался досыта; и понимал, что еще немного — и он не сможет совладать с собой.

Еще одно ее слово... и даже богам неведомо, к чему это может привести.

Он перевел взгляд на Сими, ожидающую приказаний.

Не разговаривай с Зареком, Сими. Просто проследи, чтобы Танат не убил ни его, ни Астрид.

Скажи, чтобы и она Таната не трогала!

Эш хотел возразить, но остановил себя. Времени у них мало; к тому же споры с богиней грозят ему потерей власти над собой. А если Танат убьет Зарека и Астрид, жизнь чрезвычайно осложнится. Для всех.

Не убивай Таната, Сими. А теперь лети.

Хорошо, акри, я защищу их. — И Сими исчезла.

Артемиде сощурила зеленые глаза:

Не могу поверить, что ты выпустил в мир эту тварь! Она же опаснее Зарека и Таната, вместе взятых!

Арти, а что мне остается? Ты хоть представляешь, что может произойти, если Астрид погибнет? Не думала о том, что сделают тогда ее сестры?

Она может умереть только по их воле.

Не только, и ты это прекрасно знаешь. Даже Судьбы не всевластны. И, уверяю тебя, если твой бешеный пес прикончит их любимую младшую сестренку, они придут за твоей головой!

Продолжать не требовалось. Оба понимали: если Артемиде лишится головы, мир, каким мы его знаем, превратится в куда более неприятное и опасное место.

Пойду поговорю с Оракулами.

Вот это правильно. Иди. И подумай еще вот о чем: может быть, пора тебе отправиться за Танатом и самой вернуть его домой?

Она надула губы.

Я богиня, а не служанка! Я не бегаю по поручениям!

Эш придвинулся к ней вплотную. Воздух между ними дрожал и потрескивал, насыщенный их энергией и едва скрываемыми эмоциями.

Всем нам порой приходится делать то, что мы считаем для себя унижительным. Помни об этом, Артемида.

Он развернулся и отошел к окну.

Ты, Ашерон, продал себя за медный грош, но это не значит, что я должна поступать так же!

Он застыл, не оборачиваясь: злые, жестокие слова Артемиды пронзили его сердце. На кончике языка его уже вертелось проклятие.

Но на сей раз Артемиде чертовски повезло, Ашерон сдержал свой гнев. Вместо проклятия он проговорил холодно, тщательно выбирая слова:

— На твоём месте, Арти, я бы молился о том, чтобы ты никогда не узнала свою истинную цену. Но, если Танат убьёт Астрид, — спасти тебя не смогу даже я.

Глава 12

Зарек сунул телефон в карман и бросил взгляд вниз, на спящую Астрид. Неплохо бы и ему отдохнуть. Но он слишком взвинчен, чтобы спать.

Закрыв люк, он спустился вниз.

При виде Астрид, безмятежно спящей на его парке, на него нахлынули страшные воспоминания.

Он видел себя — в крови, дыму и пламени. Видел объятые огнем хижины, лица людей, искаженные болью и страхом. Ощущал всепоглощающую ярость. Он убил их — тех людей, которых должен был защищать!

Убил...

Злой смех эхом отдался в его голове. Взор заволокло алой пеленой.

А Эш...

Зарек напрягся, пытаясь вспомнить. Почему он не помнит того, что случилось в Нью-Орлеане?

И ещё раньше — в его деревне?

Ни одного связного воспоминания. Все какие-то клочки, обрывки. Словно тысяча элементов головоломки, который он должен сложить воедино.

Он мерил шагами тесное подземелье, тщетно стараясь вызвать из памяти прошлое.

Текли часы; Зарек бодрствовал, прислушиваясь в ожидании звуков, выдающих приближение Таната. Около полудня усталость взяла над ним верх, и он прилег рядом с Астрид.

Сам того не желая, обнял ее, притянул к себе, вдохнул легкий нежный запах ее волос.

Закрыв глаза, и мысленно взмолился о том, чтобы небеса послали ему спокойный сон...

Безжалостная рука толкнула Зарека вперед. Его привязали к столбу для порки, стоящему посреди двора. Сорвали с него изодранный, заплатанный пеплос. Его тощее нагое тело, покрытое шрамами, теперь было обнажено, и мужчина и два мальчишки, пришедшие сюда, чтобы его помучить, со злорадными улыбками взирали на него.

Ему было одиннадцать лет.

Братья Марк и Марий стояли перед ним со скучающими лицами. Отец неторопливо разматывал кнут.

Зарек напрягся, слишком хорошо зная, какая острая боль обожжет сейчас его тело.

— Пори его сколько хочешь, отец, — упрямо проговорил Марий, — а извиняться перед Максимиллом я не буду! И как только встречу его в следующий раз, скажу то же самое!

Отец остановился.

А что, если я скажу тебе, что этот жалкий раб, твой брат? Быть может, тогда ты его пожалеешь?

Мальчишки покатались со смеху.

Этот ублюдок? Да в нем нет ни капли римской крови!

Отец шагнул вперед. Схватил Зарека за волосы, вздернул его голову, чтобы братья взглянули в его изуродованное лицо.

Уверены, что он вам не родственник?

Смех оборвался.

Зарек замер, не в силах даже дышать. Сам он всегда знал, кто его отец. Вспоминал об этом каждый раз, когда другие рабы толкали его, пинали, плевали в его похлебку, не осмеливаясь выместить свой гнев и ненависть на его отца и братьях.

Что ты такое говоришь, отец? — воскликнул Марий.

Отец с силой ударил Зарека лбом о столб и отпустил его волосы.

Я его отец. А мать его — любимая наложница вашего дядюшки. Думаете, почему его мне подбросили?

Марий скривил губы:

Он мне не брат! Я еще согласен считать братом труса и неженку Валерия, но этого...

Он подошел к Зареку и присел, стараясь заглянуть ему в лицо.

Не в силах отвернуться, Зарек зажмурился. Много лет назад он выучил, что взгляд в лицо хозяина влечет за собой суровое наказание.

А ты что скажешь, раб? В тебе есть римская кровь?

Зарек покачал головой:

Ты мой брат?

Зарек снова замотал головой:

Значит, мой благородный отец солгал?

Зарек замер, сообразив, что снова попался в ловушку. В ужасе он начал рваться из опутавших его веревок. Бежать, бежать — куда угодно, лишь бы подальше от того, что сейчас начнется!

Так что же? Мой отец солгал? — допытывался Марий.

Зарек отчаянно замотал головой.

Но было поздно: кнут, просвистев в воздухе, обрушился на его обнаженную спину.

Зарек проснулся в холодном поту. Сел, тяжело дыша и дико озираясь вокруг, словно опасаясь увидеть рядом отца и братьев.

Зарек!

На спину ему легла теплая, нежная рука.

Что с тобой?

Он не мог ответить: в мозгу его проносились воспоминания. С тех пор как Марий и Марк узнали правду, и до того, как отец отдал Зарека с доплатой работоторговцу, в жизни его не было ни единого спокойного дня. Чего только не вытворяли братья, чтобы отплатить Зареку за это позорящее их родство!

Жизнь его превратилась в ад.

Самый последний нищий был счастливее его — бесправного, безгласного, всеми презираемого мальчика для битья!

Астрид, сев, обвила его руками.

Ты дрожишь. Тебе холодно?

Он молчал. Знал, что должен ее отстранить, — но понимал, что сейчас не сможет обойтись без утешения. Он нуждался в сочувствии.

Ему нужен был кто-то, кто сказал бы ему, что он, Зарек, все же чего-то стоит. Что ему нет нужды стыдиться и ненавидеть самого себя.

Прикрыв глаза, он прижал Астрид к себе и положил голову ей на плечо.

Астрид, пораженная столь необычным для него жестом, погладила его по голове и крепче сжала в объятиях. Прижала к себе, как ребенка, даря ему утешение и покой.

Расскажешь мне, что случилось? — тихо спросила она.

Зачем? Это ничего не изменит.

Затем, что я хочу знать, Зарек. Хочу тебе помочь. Если ты мне позволишь.

Он ответил так тихо, что она едва разобрала его слова:

Бывают раны, которые не исцелить.

Она погладила его по колючей щеке.

Например?

Он ответил не сразу.

Знаешь, как я умер?

Нет.

Стоя на четвереньках, как животное. Плача и моля о пощаде.

От этих слов она содрогнулась. Сострадание к нему нахлынуло с такой силой, что у Астрид перехватило дыхание.

Почему?

Он напрягся и тяжело сглотнул. На миг Астрид показалось, что сейчас он отстранится, но Зарек не пошевелился. Оставался рядом, позволял ей сжимать себя в объятиях.

Ты видела, как избавился от меня отец? Как заплатил работоторговцу, чтобы тот меня забрал?

Да.

У этого работоторговца я прожил пять лет. Он сильно, почти до боли, сжал ее плечи.

Астрид почувствовала: ему очень тяжело говорить.

Вряд ли ты можешь себе представить, как там со мной обращались. Что мне приходилось переносить.

Каждое утро, просыпаясь, я проклинал себя за то, что еще жив. Каждый вечер, засыпая, молился о том, чтобы умереть во сне. О том, чтобы изменить свою участь, я и не мечтал. Мысль о бегстве не приходит в голову тому, кто родился рабом. Я никогда не думал о том, что не заслужил такого обращения, ведь никакого иного не знал. И, разумеется, не было надежды на то, что кто-нибудь купит меня и заберет оттуда. Всякий раз, как новые покупатели входили в лавку и видели меня, я слышал, как они фыркают и бранятся себе под нос. Лица их я плохо видел, но мог разглядеть на них ужас и омерзение.

При этих словах глаза Астрид наполнились слезами. Зарек так красив! Любая женщина пошла бы на преступление, чтобы привязать к себе такого красавца! Но людская жестокость отняла у него красоту, изуродовала его и страшно унизила.

Никто не заслуживает таких унижений.

Никто, никогда.

Откинув с его лица спутанные волосы, она поцеловала его в лоб; а он продолжал рассказывать ей то, чем не делился еще ни с одной живой душой.

Голос его звучал бесстрастно; лишь по напряженным мускулам, да еще по тому, с какой силой он сжимал ее плечи, Астрид понимала, как нелегко дается ему этот рассказ.

— Однажды, — шептал он, — в лавку вошла красавица в сопровождении воина. Она остановилась в дверях в своем синем пеплосе. Волосы ее были черны, как полночное небо, кожа — белоснежная, без единого пятнышка. Я не мог как следует ее разглядеть, но другие рабы вокруг меня шептались о ее красоте, а это значило, что она в самом деле необыкновенно хороша собой!

Астрид ощутила укол ревности.

Неужели Зарек ее любил?

Кто она была? — спросила она.

Просто патрицианка, желавшая купить раба.

Теплое дыхание Зарека согревало ей кожу. Кончиками пальцев он играл с прядью ее волос; эта нежданная нежность тронула ее до боли.

Она заглянула в каморку, где я мыл кухонные горшки, — рассказывал он. — Я не осмеливался даже взглянуть на нее. И вдруг услышал, как она сказала: «Хочу вот этого». Разумеется, я был уверен, что она имеет в виду кого-то другого. И онемел от изумления, когда слуги подошли ко мне.

Она разглядела в тебе сокровище? — грустно улыбнулась Астрид.

Нет, — резко ответил он. — Ей нужен был слуга, который предупреждал бы ее и ее любовника о том, что муж возвращается домой. Слуга, абсолютно ей верный. Обязанный ей всем. Я был полным ничтожеством, и она не уставала мне об этом напоминать. Одно ее слово — и я отправился бы обратно в ад.

Он отстранился от Астрид.

Она положила руку ему на плечо.

И что же? Она отослала тебя назад?

Нет. Она держала меня при себе, хотя ее муж терпеть меня не мог. Не выносил даже моего вида. И в самом деле, я был отвратителен. Жалкий калека — хромой, полуслепой, покрытый шрамами. Дети плакали при виде меня, а женщины ахали и отводили глаза. И старались отойти подальше, как будто опасались заразиться моим уродством.

Астрид поморщилась от боли.

И долго ты служил ей?

Шесть лет. Был ей полностью верен. Выполнял все ее приказы.

Она была к тебе добра?

Добра? Да нет... я бы не сказал. Была добрее прочих, это верно. Смотреть на меня ей было так же противно, как и всем остальным. Она поселила меня в каморке и позволяла выходить оттуда, лишь когда к ней являлся любовник. Тогда я должен был сторожить у дверей и

прислушиваться, не закричит ли у ворот стража, приветствуя своего господина. Если господин возвращался, когда они были вдвоем, я должен был бежать к ее спальне и стучать в дверь, чтобы предупредить их.

Это многое объясняло.

За это тебя и убили? Господин застал жену с любовником и узнал, что ты их покрываешь?

Нет. Однажды, прибежав к дверям спальни их предупредить, я услышал из-за двери крики своей госпожи. Она плакала, кричала и умоляла любовника ее пощадить. Я вбежал в спальню и увидел, что он осыпает ее ударами. Я вцепился в него и попытался оттащить. Тогда он набросился на меня. Ударил несколько раз, но услышал шаги мужа за дверью и скрылся. Госпожа приказала мне убираться.

Зарек умолк, снова вспоминая тот страшный день. Аркус, любовник Карлии, избил его до полусмерти. Зарек с трудом дополз до своей каморки и рухнул на пол, невидящим взором уставившись в стену.

Все тело его раздирала невыносимая боль. Он почти не сомневался, что умирает.

И вдруг дверь распахнулась.

Он поднял глаза. На пороге стоял Феодосий, муж Карлии. Как ни слабо было зрение Зарека, он видел, что лицо старика искажено яростью.

В первый миг он предположил: старик узнал о неверности жены и о той роли, которую играл в ее изменах сам Зарек.

Но все оказалось гораздо хуже.

Как ты посмел!.. — Феодосий схватил его за волосы и, подгоняя пинками, потащил за собой через всю виллу назад, в покои Карлии.

Он швырнул Зарека в спальню, к ее ногам. Зарек лежал на полу, избитый, дрожащий, залитый кровью, не понимая, в чем провинился.

Он ждал, когда она заговорит.

Госпожа стояла над ним, словно раненая королева. Лицо ее, бледное как смерть, было покрыто синяками; дрожащими руками она куталась в изорванное покрывало, покрытое пятнами крови. Вокруг нее с причитаниями хлопотала служанка.

Это он тебя изнасиловал? — спросил жену Феодосий.

При этом вопросе у Зарека пересохло во рту. Не может быть! Должно быть, он ослышался!

Карлия отчаянно зарыдала.

Да, это он, это он! — выкрикивала она сквозь слезы.

Зарек осмелился поднять глаза на Карлию, не веря своим ушам.

После всего, что он для нее сделал... После того как пытался ее защитить... Как она может?

Госпожа!..

Но Феодосий прервал его пинком.

Молчать, пес! — Затем он повернулся к жене: — Говорил я тебе, надо было оставить его в выгребной яме! Теперь видишь, что бывает, когда жалеешь таких тварей?

И Феодосий позвал стражу.

Зарека передали властям и отправили под арест. Он кричал, что невиновен; но римский суд придерживался презумпции виновности, особенно когда речь шла о рабах.

Слово раба ничего не значило против слова его госпожи.

Неделя ужасающих пыток, и Зарек признал свою вину.

Он признался бы в чем угодно, лишь бы прекратить свои мучения.

Никогда он не испытывал такой боли, как в эту страшную неделю. Даже жестокость отца не могла сравниться с инструментами римского правосудия.

Затем свершился суд, и он, девственник, ни разу в жизни не прикоснувшийся к женщине, был приговорен к смерти за насилие над своей госпожой.

— Меня вытащили из камеры, привязали к телеге и повезли по городу, — рассказывал он хриплым шепотом. — Весь город собрался, чтобы на меня посмотреть. Люди плевали в меня, бросали огрызками и тухлыми яйцами, обзывали всеми бранными словами, какие только можно себе вообразить. Наконец мы приехали к месту казни. Солдаты сняли меня с телеги и попытались поставить посреди толпы. Но стоять я не мог — в тюрьме мне сломали обе ноги. Я едва мог удержаться на четвереньках, а толпа начала забрасывать меня камнями. Знаешь, я до сих пор чувствую, как со всех сторон на меня сыплются камни. До сих пор слышу голоса, кричащие мне: «Умри! Умри!»

Слушая этот рассказ, Астрид задышалась от горечи и боли.

Зарек, мне так тебя жаль! — прошептала она.

Нечего со мной сюсюкать! — тут же ошетинился он.

Она прильнула к нему, поцеловала в щеку.

Что ты! Я никогда не решилась бы сюсюкать с таким сильным человеком, как ты.

Он попытался отстраниться, но она его не отпускала.

Я совсем не сильный.

Нет, ты очень сильный! Иначе ты не вытерпел бы всю эту боль... Я всегда чувствую себя одинокой; но по сравнению с тобой — это... это...

Кажется, он немного расслабился. Астрид жалела о том, что сейчас его не видит. Не может прочесть те чувства, что отражаются в его черных, как ночь, глазах.

Знаешь, на самом деле я не сумасшедший.

Разумеется, нет! — улыбнулась она.

Он тяжело, устало вздохнул.

Почему ты не уехала с Джессом? Сейчас была бы в безопасности.

Если я покину тебя, не завершив суда, Судьбы тебя уничтожат.

И что с того?

Зарек, я не хочу, чтобы ты умер.

Ты постоянно это повторяешь, но я так и не понимаю, зачем тебе моя жизнь.

Затем, что я тебя люблю. Эти слова комом застыли у нее в горле. Хотела бы она набраться смелости проговорить их вслух! Но понимала: такого признания Зарек не примет.

Любовь — не для ее Прекрасного Принца.

Он просто зарычит и оттолкнет ее, ведь в его мире любви не существует.

Он не понимает, что это такое.

Поймет ли когда-нибудь?

Как хотела Астрид обнять его. Утешить.

Но больше всего — хотела его любить. И эта мысль приносила ей странное чувство — почти невыносимую горечь, смешанную с пьянящим счастьем.

Позволит ли когда-нибудь Зарек ей — или кому угодно еще — полюбить себя?

А что мне сказать, чтобы ты поверил? — спросила она в ответ. — Скажу, что ты мне дорог, — ты рассмеешься. Скажу, что люблю тебя, — ты в гневе уйдешь. Скажи сам: почему я не хочу, чтобы ты умер?

Она почувствовала, как заходили у нее под пальцами желваки на его щеках.

Лучше бы ты уехала с Джессом, принцесса. Не нужно тебе было со мной оставаться.

Быть может, и не нужно. Но, Зарек, я хочу быть с тобой!

Зарек изумленно заморгал. Никогда в жизни ни от кого не слышал он таких прекрасных слов!

Астрид не переставала его поражать. Теперь между ними нет никаких секретов. Все начистоту. Она знает его так, как никто другой.

И он ей не отвратителен?!!

Нет, он не в силах этого понять!

Даже я сам чаще всего не хочу быть с самим собой! Почему же ты?..

Она шутливо толкнула его в плечо.

Честное слово, ты как трехлетний ребенок: почему да почему! Почему небо синее? Почему солнце светит? Зарек, бывают вещи, суть которых трудно объяснить. Они просто существуют. Принимай их как есть.

А если не могу?

Тогда у тебя проблемы посерьезнее Таната, идущего по твоим следам.

Зарек задумался. Сможет ли он принять то, что предлагает ему Астрид?

Осмелится ли?

Он не умеет дружить. Не умеет веселиться. Не умеет смеяться.

Черт побери, а что он вообще умеет? Две с лишним тысячи лет от роду — и такие пробелы в знании жизни!

Скажи мне, принцесса. Только честно. Какой приговор ты мне вынесешь?

Оправдаю, — без колебаний ответила она.

Он горько рассмеялся.

Приговорен за то, чего не делал, — и оправдан за то, что сделал... Все у меня не слава богу!

Зарек...

Но примут ли они твое решение? — прервал он ее. — Ведь ты уже не беспристрастна, ведь так?

Я... — Астрид помолчала, размышляя над его репликой. — Примут. Надо только найти способ доказать им, что ты не опасен для окружающих.

Звучит не слишком уверенно, принцесса.

В самом деле, Астрид была не слишком уверена в успехе.

Впервые в жизни она нарушила обет, который, как полагала, не нарушит ни за что на свете. Обет беспристрастности.

Ложись, Зарек, — предложила она вместо ответа, потянув его за плечо. — Нам обоим нужно отдохнуть.

Зарек молча лег. К его удивлению и удовольствию, Астрид прижалась к нему и положила голову ему на грудь.

Никогда еще женщина не спала у него на плече! Он вдруг обнаружил, что гладит ее белокурые волосы, играет ними, перекидывая их спелые пряди себе на грудь. Он приподнял голову, чтобы взглянуть на Астрид.

Лежа с закрытыми глазами, она рассеянно водила пальцем по его груди — вокруг соска, скрытого под черной фланелевой рубашкой; и сосок набухал и твердел под ее прикосновениями.

Зарек не смог бы описать, что делала с ним ее близость. Если бы он умел мечтать, пожелал бы,

чтобы это длилось вечно. Но мечты и надежды были ему также чужды, как любовь и доброта.

В отличие от нее, он не видел в будущем ничего хорошего.

Только собственную смерть.

Даже если Танат его не убьет, им с Астрид никогда не быть вместе.

Она — богиня.

А он — раб.

В ее мире для него не найдется места, как и в мире смертных.

Один. Он всегда был один. Одиноким и останется.

Неважно, кто выживет в их схватке с Танатом. Зарек будет сражаться лишь для того, чтобы защитить Астрид.

Вздыхнув, он закрыл глаза и заставил себя погрузиться в сон.

Астрид прислушивалась к ровному дыханию Зарека. Рука его по-прежнему зарылась ей в волосы; даже во сне он прижимал ее к себе так крепко, словно боялся отпустить.

Жаль, что она не может снова войти в его сны! Как хотелось бы ей опять обрести зрение: взглянуть в его полные глаза, вновь узреть красоту Темного Охотника!

Однако не тело и не лицо Зарека так властно влекли ее к себе.

Она полюбила человека, что скрывался в глубине его измученного, израненного сердца. Человека, способного создавать прекрасные творения. Прячущего свою ранимость за шипами и колючками.

Да, она его любит! Любит, даже когда он ей грубит или злится, даже когда кажется совершенно невыносимым.

Теперь она поняла и эту его сторону.

Могла ли такая боль, какую ему пришлось пережить, не оставить на сердце ни единого шрама?

Но что будет с ним дальше?

Даже если она добьется оправдания Зарека, едва ли Артемида согласится отпустить его с Аляски.

Он останется в изгнании навеки.

Астрид вздрогнула от мысли о том беспросветном одиночестве, что его ждет.

А что будет с ней?

Как она вернется к жизни без него? С ним так хорошо! Непредсказуемо... но этим-то и интересно!

— Астрид!

Она подняла голову, удивленная тем, что он — впервые, если не считать их общего сна, — назвал ее по имени. А она даже не заметила, что он уже не спит!

— Да?

Займись со мной любовью.

Она прикрыла глаза, впитывая эти слова так же, как свое имя из его уст. Затем лукаво изогнула бровь:

Зачем?

Я хочу тебя. Прямо сейчас. Хочу почувствовать, что мы с тобой связаны.

От этих слов у нее сжалось горло. Можно ли отказать в такой просьбе?

Астрид встала на колени и оседлала его бедра. Он сжал ее лицо в ладонях и, притянув к себе, обжег поцелуем.

Никогда, даже в самых смелых мечтах, она не представляла, что мужчина может быть таким: суровым — и пронзительно нежным.

Она слегка прикусила его губу.

Тебе же нужно отдохнуть!

Не хочу. Я вообще мало сплю.

Это правда: с начала их знакомства Зарек проспал дольше пары часов, лишь когда она опоила его сонным зельем. Судя по тому, что рассказывал М'Адок и что она сама увидела в его снах, Астрид хорошо понимала, почему это происходит.

И ничего так не желала, как подарить ему сладкий отдых!

Она через голову стянула с себя рубашку.

Зарек судорожно втянул воздух сквозь зубы, когда увидел ее обнаженные груди. Естество его мгновенно восстало. А ведь прошло всего несколько часов с тех пор, как они в прошлый раз тра...

Нет! Не так. Надо забыть это грязное слово, — к ней оно неприменимо!

Вот почему он так хотел ее сейчас! Жаждал сжать ее в объятиях, всем телом ощутить ее обнаженное тело.

Нет, они с Астрид совсем не «трахались». Они разделили друг с другом нечто не выразимое, не определенное словами. Простое, как воздух или пища, и бесконечно высокое.

Что же она с ним сделала?

Но в следующий миг он понял.

Астрид совершила невозможное: пробралась в его омертвевшее сердце и вернула его к жизни.

Рядом с ней Зарек вновь испытывал радость и волнение. Вновь желал — и не боялся своих желаний.

Снова стал человеком.

В ее объятиях нашел он и свою человеческую сущность, и потерянную душу.

Она важна для него, а он... он может хотя бы притвориться, что тоже что-то значит для нее.

Медленно, наслаждаясь моментом, он расстегнул на ней брюки и сунул руку внутрь, отодвигая розовый хлопок трусиков, нащупывая жаркую и влажную вагину. Его до сих пор поражало, что Астрид разрешает ему так к себе прикасаться.

Разумеется, Зарек — Темный Охотник вызывал у женщин куда больше интереса, чем Зарек — презренный раб. Но его это не изменило. Он понимал: их влечет к нему лишь оттого, что Ашерон исцелил его тело. Он грубо отталкивал женщин, предлагавших ему свою любовь; лишь изредка, устав от долгого воздержания, равнодушно овладевал ими — и тут же о них забывал.

Ни одна из них не смогла тронуть его сердца.

Астрид застонала от его нежных прикосновений.

О Зарек! — прошептала она, и легкое дыхание ее ветерком скользнуло по его щеке. — Как я люблю, когда ты трогаешь меня вот так!

И тебе неважно, что я раб, а ты богиня?

Я такая же «богиня», как ты «раб»!

Он хотел было возразить, но остановился. Ни к чему портить прекрасный миг — возможно, последний миг его счастья.

В любой момент к ним в укрытие может вломиться Танат, жаждущий их крови. Но, если Зареку суждено умереть, перед смертью он хочет еще раз испытать блаженство.

Ибо Астрид подарила ему такое наслаждение, какого он прежде и вообразить себе не мог!

Рядом с ней он преображался. Как будто внутри его просыпалось что-то, давно забытое и похороненное — радостный ребенок, мечтающий петь, смеяться, летать.

Рядом с ней было тепло.

— Знаешь, — прошептала она, — кажется, я была не права. Ты все-таки сделал из меня нимфоманку!

Улыбнувшись, Зарек расстегнул на себе брюки и спустил их до колен. Совсем снимать не стал, не желая даже на миг расставаться с Астрид.

Затем он приподнял ее и с силой насадил на себя.

Оба застонали от удовольствия.

Что-то невероятно эротичное было в этой сцене: нагая девушка, оседлавшая почти одетого мужчину. Приподнимая бедра, он сильными толчками входил в ее жаркое лоно, а руки его блуждали по ее обнаженной груди.

Астрид ахнула, ощутив, как наполняет ее мощное, твердое, как сталь, естество Зарека. Она расстегнула на нем рубашку, чтобы ощущать под руками его мускулистую грудь. Мягкая кожа его штанов с каждым движением терлась о ее нагие бедра.

Вдруг он убрал руки.

А через несколько секунд Астрид ощутила, как на плечи ей ложится теплая меховая парка.

— Укройся, а то замерзнешь, — негромко объяснил он.

Астрид улыбнулась, тронутая его заботой.

Как я могу замерзнуть, когда ты — во мне?

Тогда он приподнялся и обвил ее руками. Страстно поцеловал. У Астрид перехватило дыхание.

Она громко вскрикнула, достигнув в его объятиях экстаза.

Зарек подождал, пока утихнет последний трепет ее оргазма; затем, не выходя из нее, сел и уложил ее спиной на пол.

Он снова поцеловал ее, а затем ускорил движения, стремясь достичь собственной разрядки.

И, когда это случилось, он не закрыл глаза. Нет, он неотрывно смотрел на женщину, подарившую ему это блаженство.

Она лежала под ним, тяжело дыша, глядя на него невидящими глазами. Прикосновения ее дарили рай.

В этот миг он понял: нет ничего такого, чего он не сделает ради нее. Если она о чем-то попросит, он пройдет сквозь адское пламя лишь для того, чтобы увидеть ее улыбку.

И эта мысль заставила его содрогнуться.

— Зарек!

Стиснув зубы, он отстранился от нее.

— Что?

Она взяла его за подбородок и, повернув лицом к себе, страстно поцеловала.

Не смей от меня отворачиваться!

Он задышался от счастья, ощущая ее каждой клеточкой своего существа. Чувствуя влагу ее чрева, прохладу ее кожи.

Тепло ее дыхания и жар поцелуя.

Огонь ее страсти согревал его, прогоняя прочь столетия одиночества и боли.

«Знаешь... моя роза... я за нее в ответе, — прошептал он ей на ухо, сопроводив свои слова нежным поцелуем. — А она такая слабая!.. У нее только и есть что четыре жалких шипа...»

Астрид улыбнулась, узнав цитату из «Маленького принца».

Почему ты так любишь эту книгу? — спросила она.

Потому что, когда смотрю на небо, хочу слышать там звон колокольчика. Хочу смеяться, но не умею.

Губы Астрид дрогнули. Ей вспомнился главный урок этой книги: любовь драгоценна, даже если приносит боль. Если ты впустил кого-то в свое сердце, ты уже никогда не будешь один. Что-то очень простое — например, взгляд на небо — будет приносить тебе утешение, даже если тот, кого ты любишь, от тебя за тридевять земель.

А что, если я научу тебя смеяться?

Тогда ты сможешь меня приручить.

Вот как? А вдруг ты окажешься тем барашком без привязи, который забирается в чужие сады и ест розы? Сдается мне, от тебя — даже ручного — будут одни неприятности!

И тут Астрид ощутила нечто необыкновенное: губы Зарека под ее пальцами изогнулись, и уголки их поползли вверх.

Ага! Значит, улыбаться ты умеешь?

Улыбаться умею, принцесса. Но не слишком широко. Не показывая зубов.

То есть клыков?

Да, клыков.

Она наклонилась к нему и снова его поцеловала.

Могу поспорить, когда ты улыбаешься, ты просто красавчик!

Зарек что-то пробормотал ей в ответ и получше укутал девушку.

Астрид снова свернулась клубочком рядом с Зареком, положив голову ему на грудь. Ей нравилось слушать биение его сердца. Ощущать его силу.

Странно, но даже сейчас, когда по их следу шел безжалостный убийца, рядом с Зареком она ощущала себя в безопасности.

Но, впрочем...

«Впрочем, кажется, это иллюзия», — сказала себе Астрид, услышав над головой странный скребущий звук.

Зарек вскочил.

Что это? — прошептала она.

Кто-то наверху. В моей хижине.

Ее охватил ужас.

Думаешь, Танат?

А кто же еще?

Он помог ей подняться и поставил ее у стены. Парализованная ужасом, Астрид замерла, прислушиваясь к движениям Зарека и шорохам наверху.

Зарек схватил было гранату, но тут же положил ее обратно. Еще не хватало, чтобы они оказались похоронены заживо! Вместо этого он надел на левую руку свое любимое оружие — пять серебряных когтей — и двинулся назад, к люку, ведущему в его хижину.

Наверху слышались легкие шаги.

И снова тишина.

Зарек застыл, напряженно стараясь уловить хоть малейший звук.

Вдруг по спине его прошла странная дрожь, — как будто сквозняк пробежал по подземелью.

Зарек обернулся, ожидая увидеть Астрид.

Но увидел нечто совсем другое.

Глава 13

За спиной у него стояло престранное существо: девочка-демон с длинными белокурыми волосами, острыми ушками и огромными перепончатыми крыльями. Вид жутковатый, но по своему симпатичный.

Демонесса молча смотрела на него.

Зарек бросился в атаку.

Вместо того чтобы защищаться, она развернулась и с визгом бросилась в глубь подземелья.

Зарек — за ней, чтобы остановить ее до того, как она доберется до Астрид. Но не успел.

Юная демонесса кинулась прямо к Астрид и, к необычайному изумлению Зарека, спряталась у нее за спиной! При этом обернула нимфу своими крыльями, словно хотела ее защитить.

Астрид, — проговорила демонесса, кладя руку ей на плечо и опасливо косясь на Зарека, — скажи ему, чтобы он меня не трогал! А то мне придется сделать из него барбекю, и акри рассердится. А я ужасно не люблю сердить акри!

Астрид накрыла ее руку своей.

Сими, это ты?

Ну, конечно, я! Сими, демон с рожками!

Зарек опустил руку с когтями.

Вы что, знакомы?

Нахмурившись, Астрид повернулась к нему.

А ты ее не знаешь?

Она же демон! Откуда у меня такие знакомства?

Она — спутница Ашерона.

Зарек, совершенно сбитый с толку, смотрел во все глаза на странное существо с серебристыми глазами, чем-то напоминавшими глаза Ашерона — с той лишь разницей, что у Сими они были обведены красным ободком.

У Ашерона есть спутница?

Демонесса фыркнула и, приподнявшись на цыпочки, громко прошептала Астрид в самое ухо:

Знаешь, эти Темные Охотники симпатичные, но ужасно тупые!

Зарек смерил ее убийственным взглядом, а Астрид подавила смехок.

Что ты здесь делаешь, Сими? — спросила она.

Демонесса огляделась вокруг и надула губы — точь-в-точь как избалованный ребенок.

Голодаю! У вас чего-нибудь поесть не найдется? Я бы перекусила чем-нибудь легоньким, например, парой быков...

Нет, Сими, еды у нас нет, — ответила Астрид.

Демонесса разочарованно фыркнула.

«Нет, Сими, еды нет!» — передразнила она. — Ты совсем как акри! «Не ешь это, Сими, ты вызовешь экологическую катастрофу!» Хотела бы я знать, что такое экологическая катастрофа! Я спрашивала акри, а он только улыбается и говорит: «Это ты, когда голодная». Но, мне кажется, это все-таки означает что-то другое, правда?

И, больше не обращая на них внимания, демонесса принялась рыться в оружейном складе Зарека. Достала гранату, попробовала ее на зуб. Зарек поспешно отобрал у нее оружие.

Это не едят!

Демонесса открыла рот, словно собираясь поспорить, но вместо этого спросила:

Астрид, а зачем вы сидите в этой норе?

Прячемся, Сими.

Прячетесь? — Она снова фыркнула. — От кого?

От Таната.

Ф-ф-фу! — Демонесса закатила глаза и презрительно махнула рукой. — Чего от него прятаться? Из этого слабака даже хорошего барбекю не получится — так, на один укус... хм... и все-таки, неужели у вас тут совсем нечего поесть? — И она устремила задумчивый взгляд на Астрид.

Зарек поспешно встал между ними.

Демонесса показала ему язык и снова принялась рыться в его припасах.

Зачем ты здесь? — спросил Зарек.

Не обращая на него внимания. Сими снова обратилась к Астрид:

А Саша где? Вот Сашу я бы съела с удовольствием! Волки очень вкусные, только надо обязательно снимать с них шкуру. Не люблю волосатое барбекю!

Слава богам, Саши здесь нет! Сими, а почему ты здесь, и одна, без Ашерона?

Акри мне приказал лететь к вам.

Кто такой «акри»? — спросил Зарек.

И снова она не обратила на него внимания.

Это Ашерон, — объяснила Астрид. — «Акри» — атлантйское слово, оно означает «господин и повелитель».

Зарек нахмурился:

Ну конечно! Неудивительно, что он так задирает нос! Я бы тоже не отказался иметь ручного демона, именующего меня господином и повелителем!

Астрид бросила на него предостерегающий взгляд.

Ашерон вовсе не задирает нос! И не стоит тебе так говорить о нем при Сими. Нападки на своего повелителя она принимает близко к сердцу; а сейчас, когда его нет рядом и некому ее остановить, она опаснее ядерной бомбы!

Правда? — Зарек с уважением покосился на юную демонессу.

Астрид кивнула:

Когда-то ее раса владела миром. Даже олимпийские боги боялись харонтийских демонов, и лишь атлантйцам удалось обуздать их и подчинить себе.

Сими подняла голову и широко улыбнулась, продемонстрировав зловещие клыки. Затем облизала губы, словно проглотила какой-то вкусный кусочек.

Хотела бы я сделать барбекю из олимпийских богов! Они такие аппетитные! А эту рыжую дуру я обязательно когда-нибудь съем!

Сими не любит Артемиду, — пояснила Астрид.

Зарек разделял ее чувства.

Да Сими ее просто терпеть не может! Но акри говорит: «Сими, не трогай Артемиду! Сими, води себя прилично! Нет, Сими, нельзя плевать в Артемиду огнем, нельзя поджигать ей прическу!» «Нет», «нельзя» — только это я от него и слышу! Терпеть не могу слова «нет»! Даже звучит как-то неприятно. Когда какой-нибудь дурень говорит Сими «нет», — тут она бросила выразительный взгляд на Зарека, — Сими из него сразу делает барбекю! Ну, кроме акри, конечно. Он может говорить мне «нет». Хотя все равно мне это не нравится!

Зарек, нахмурившись, следил, как Сими бабочкой порхает от ящика к ящику. Обнаружив россыпь золота и драгоценностей — ежемесячное жалованье от Артемиды, — она завизжала и захлопала в ладоши, как ребенок.

Ой, надо же! У тебя тоже есть блестяшки, как у акри! Он свои блестяшки дает мне поносить! — И она указала на изумрудное ожерелье у себя на шее. — Говорит, они мне идут! Особенно красненькие, под цвет моих глаз! Астрид, померяй!

И она застегнула второе ожерелье на шее у Астрид.

Я знаю, ты его сейчас не видишь: но, поверь мне: на тебе это так красиво! Тебе тоже обязательно надо носить блестяшки! Вот только жаль, рожек у тебя нет, — продолжала она, переводя критический взгляд на макушку нимфы. — Сделаем тебе рожки, и будешь демоном, как я. Это так весело — быть демоном! Не люблю только, когда люди начинают читать против нас заклятия... или как это называется? Забыла слово. Ну, ты понимаешь, о чем я.

Как ни удивительно, девочка-демон начинала Зареку нравиться. Было в ней какое-то странное очарование... не говоря уже об огромном количестве других причуд!

Она... с ней все в порядке? — вполголоса спросил он у Астрид. — Никого не хочу обидеть, но, по-моему, она еще ненормальнее меня!

Астрид рассмеялась.

Сими просто еще ребенок. И Ашерон, надо тебе сказать, очень многое ей позволяет!

Точно! — подтвердила Сими своим певучим голосом. Говорила она со странным напевным акцентом, какого Зарек никогда прежде не слышал. — Потому что Сими очень много чего нужно! — продолжала она. — Например, пластиковая карта акри. Знаете, какая полезная штука? Я показываю карточку, а мне дают все, что захочу! Недавно он мне подарил новую карточку: она такая голубенькая, вся блестит, и на ней мое имя: Сими Партенопей! — Она звонко рассмеялась от восторга. — Правда, здорово звучит? Мне ужасно нравится! Сими Партенопей! А еще там в уголке моя фотография. Я там настоящая красавица! Ничего, что я сама о себе так говорю? Но акри тоже так говорит. Он говорит: «Сими, ты самый красивый демон на свете!» Мне это так нравится!

А она всегда болтает без умолку? — прошептал Зарек на ухо Астрид.

Та кивнула.

И лучше ей не мешать. Как-то раз, когда один мелкий божок попросил ее помолчать, Сими его съела.

Сими склонила голову набок, словно прислушиваясь к новой мысли.

А еще, кстати, мне очень нравятся мужчины! Только не такие, как этот, — бесцеремонно

ткнула она пальцем в Зарека. — Он брюнет, а глаза черные — это некрасиво. А мне нравятся блондины с глазами, как моя карточка. Вот, например, Трэвис Фиммел, который снимается в рекламе у Келвина Кляйна. Когда акри в прошлый раз брал меня с собой в Нью-Йорк, там на одной стене висела большая-пребольшая реклама джинсов. Ой, знаешь, Астрид, он такой красавчик! Он мне так понравился! У меня совсем не было желания его поджарить и съесть, зато ужасно захотелось чего-то другого! Знаешь, когда я о нем думаю, внутри у меня становится так тепло-тепло, и по всему телу мурашки бегут, а в животе...

Тепло и мурашки, понятно. Сими, может быть, сменим тему? — предложила Астрид.

Зарек не знал, чувствовать ли обиду или облегчение оттого, что Сими он не приглянулся, — но перемене темы был определенно рад.

Астрид повернулась туда, где, по ее разумению, должна была стоять Сими. Впрочем, Сими там уже не было — девочка-демон, кажется, не могла спокойно стоять на месте.

Сими, скажи, зачем Ашерон отправил тебя к нам?

Сими извлекла из ящика нож в ножнах и принялась испытывать его с таким знанием дела, что Зарек удивленно поднял брови. Хотя демонесса выглядела как ребенок, в ее владении оружием явно ничего ребяческого не было. Балансировку ножа она проверяла как умелый профессионал.

Чтобы защищать тебя от Таната. Если Танат тебя убьет, твои сестры страшно рассердятся и устроят конец света — или что-то вроде этого. Не знаю, почему все так боятся конца света? По-моему, это не так уж плохо. Если случится конец света, то мама акри наконец выйдет на свободу и перестанет все время ворчать на Сими...

— Мать Ашерона еще жива? — не веря своим ушам, переспросил Зарек. Сими уронила нож и прикрыла рот ладошкой.

Ой! Каждый раз, когда я говорю об этом, акри ужасно сердится. Плохая, Сими, плохая! Ничего больше не буду говорить!

Сими снова углубилась в изучение оружия, а Зарек устало потер лоб. Ну и ну! Рядом с ним — слепая нимфа, за ними гонится терминатор-психопат, а защищает их сумасшедший демон!

Час от часу не легче!

Он покосился на Астрид. Та, нахмутив брови, размышляла над откровениями Сими.

Астрид, а кто такие твои сестры, что они могут устроить конец света? — спросил Зарек.

Астрид смущенно поежилась. Зарек понял: его ждет новое неприятное открытие.

Судьбы, — прошептала она.

Зарек похолодел. До сих пор он считал, что ему в жизни не везет, но, похоже, и не представлял, как выглядит настоящее невезение!

Твои сестры — Судьбы, — повторил он медленно, выделяя каждый слог, чтобы избежать непонимания.

Она кивнула.

Его охватил гнев.

Так-так! Твои сестры — три Мойры, Судьбы, правящие миром. Лишенные жалости и сострадания. Те, кого боятся сами боги.

Она прикусила губу:

На самом деле они не такие уж плохие.

С ними даже весело, когда они в хорошем настроении...

Ну конечно! — Зарек запустил руку в волосы, стараясь сдержать ярость. Неудивительно, что Эш прислал сюда Сими. Если с Астрид что-то случится, невозможно предсказать, что произойдет дальше. — Пожалуйста, скажи, что вы с сестрами поссорились и не перевариваете друг друга!

Нет-нет, что ты, наоборот. Они меня очень любят. Я в семье младшая, и они опекают меня даже не как старшие сестры, а как матери.

Зарек с трудом удержал стон.

То есть ты хочешь сказать, что я сейчас отвечаю не только за любимую зверюшку Ашерона, но и за обожаемую младшую сестренку Судеб?

Сими расширила глаза.

Эй, Астрид, скажи этому своему, клыкастому, чтобы не смел называть меня зверюшкой! Пусть будет со мной повежливее, а иначе сильно пожалеет!

На самом деле все не так уж плохо, — поспешно проговорила Астрид.

Да? Тогда внимательно слушаю, что в этом хорошего.

Когда я признаю тебя невиновным, сестры, возможно, встанут на мою сторону.

«Возможно»?

Она неуверенно кивнула. Зарек застонал. Да уж, везет ему, как утопленнику!

Астрид повернулась к демонессе:

Сими, а почему ты не разговариваешь с Зареком?

Мне акри так велел. Но он не сказал, что нельзя разговаривать с тобой.

Ты всегда делаешь все, что он тебе говорит? — поинтересовался Зарек.

Сими снова его не заметила.

Так и есть, — ответила за нее Астрид. — И еще одна хорошая новость: Сими не умеет лгать. Верно, Сими?

А зачем? Врать ужасно неудобно, это так все запутывает!

«В самом деле, если бы это безумное создание еще и врать начало...» — мрачно подумал Зарек.

Почему Ашерон велел тебе не разговаривать с Зареком?

Не знаю. Когда он приказал мне лететь защищать тебя, эта рыжая стерва ужасно разозлилась. Вот так...

И демонесса приняла облик Ашерона:

«Сими, — приказала она. — Охраняй Зарека и Астрид».

А затем приняла облик Артемиды:

«Нет! Не отправляй ее к ним! Она все расскажет Зареку!»

Не выходя из «роли» Артемиды, Сими приложила руку ко рту и громко прошептала в сторону Астрид:

Это она про то, что случилось тогда в деревне, которую охранял Зарек. Акри из-за этого ужасно на нее разозлился и расстроился. Не знаю, почему он не позволит мне просто ее съесть и разом со всем этим покончить! Ну, в общем, в конце концов, он сказал...

И, снова превратившись в Ашерона, она закончила:

«Не разговаривай с Зареком, Сими. Просто проследи, чтобы Танат не убил ни его, ни Астрид».

И Сими вернулась к собственному облику — красноглазой девочки-демона.

Я сказала: «Хорошо». Вот почему я не разговариваю с Зареком.

Ух ты! — проговорил Зарек, потрясенный этим зрелищем. — Она еще и живая кинокамера! Как удобно!

Сими смерила его убийственным взглядом, но ответила, обращаясь по-прежнему к Астрид:

Знаешь, Астрид, я жалею о тех временах, когда Сими могла спокойно перекусить Охотником-другим и никто этого не замечал!

Астрид потянулась к Сими. Та сжала ее руку и с сияющей улыбкой повернулась к ней. Сомнений не было: девочке-демону Астрид нравилась.

— Что случилось в той деревне? И почему Артемида не хочет, чтобы Зарек об этом узнал?

Сими пожала плечами:

Не знаю. Она все время чего-то боится. Боится, что акри уйдет и не вернется. Я ему всегда говорю: давно пора! А он только и знает, что отвечать, — следующие слова она проговорила голосом Ашерона: — «Сими, ты не понимаешь. Сими, тебя это не касается». — Она громко фыркнула. — Все я понимаю! Прекрасно понимаю, что эту рыжую стерву надо хорошенько поджарить, чтобы она научилась себя вести как следует! По-моему, жареная она будет гораздо симпатичнее! Я ее...

Сими! — окликнула Астрид, не давая демонессе перейти на другую тему. — Пожалуйста, расскажи мне, что случилось в деревне Зарека!

А, это! Ну, в общем, Танат — не тот, который сейчас, а другой, который был до него, —

взбесился и всех там перебил. У этих бедняг не было ни единого шанса! Акри ужасно рассердился. Так рассердился, что говорил, что вырвет у нее сердце. То есть у Артемиды. Хотя, по-моему, сердца у нее и так нет.

Зарек схватился за стену, словно его ударили со всего маху.

— Что ты говоришь? Значит, я их не убивал?!

От откровений Сими у Астрид голова пошла кругом. Если Зарек невиновен в разрушении деревни, за что же он был наказан?

То есть Зарек их не убивал? — переспросила она.

Конечно, нет! Темные Охотники никогда не убивают тех, кого должны защищать. Иначе акри ужасно разозлится и съест их. Вот Зарек убил аполлитов, и все ужасно рассердились.

Зарек нахмурился. Никаких аполлитов он не помнил, да и не было их там, в деревне.

Каких аполлитов?

Астрид повторила вопрос.

Сими заговорила медленно и четко, словно имела дело с очень непонятливыми собеседниками:

Да тех самых аполлитов, которых Танат собрал и повел на войну. Вы что, ничего не знаете о даймонах и аполлитах? Танат может собрать аполлитов и заставить их делать все, что прикажет. Иногда это ему даже с людьми удается. Так вот: Артемида отправила Таната убить какого-то Темного Охотника в Шотландии. Но после этого он отправился за другими Охотниками. Он хотел перебить их всех, чтобы аполлиты жили в мире и спокойно ели людей, и никто бы им не мешал.

Астрид вздрогнула: слова Сими живо напомнили ей то, что произошло девять столетий назад. — Значит, Танат казнил Майлза в Шотландии?

Ну да, — подтвердила Сими.

А потом отправился за Зареком?

Сими нетерпеливо вздохнула:

Ну конечно! Он же Темный Охотник, правильно? Вы что, оба заболели этим... ну, этой человеческой болезнью, когда люди не понимают, что им говорят?

Астрид успокаивающе похлопала Сими по руке.

Извини, Сими. Просто ты говоришь о таких вещах, о которых мы ничего не знаем.

Склонив голову, Сими уставилась на Зарека.

Ну ладно. Хотя странно: о Танате вы уж точно кое-что знаете! Ну, что он может вас убить, и так далее.

Почувствовав, что Зарек готов заговорить, Астрид сделала ему знак молчать и продолжала расспрашивать Сими:

Сими, почему Зарек не помнит, что за ним гнался тот, первый Танат?

Потому что не должен помнить. Акри пришлось убить Таната прямо у него на глазах. Вот он и сделал так, чтобы Зарек об этом забыл.

Зарек медленно выдохнул. Смысл слов Сими доходил до него постепенно. И так, Эш сделал так, что Зарек все забыл.

Ашерон промыл мне мозги?!

Лицо Астрид озарилось радостью.

Зарек, ты невиновен!

Значит, за то, что Ашерон убил Таната, меня загнали в эту проклятую дыру? Что за дерьмо?! — взорвался Зарек. Он вскочил и начал мерить шагами подземелье. — Я убью этого ублюдка!

Сими мгновенно преобразилась в дракона. Не слишком большого — такого, чтобы поместился в подземелье. Глаза ее засверкали.

Ты хочешь обидеть акри?! — гневно прошипела она.

Зарек, готовый к схватке, хотел уже открыть рот, чтобы сказать «еще как!», — но Астрид, шагнув вперед, загородила его собой.

Нет, Сими! У Зарека есть полное право злиться. Его отправили в изгнание за то, чего он не совершал!

Сими приняла прежний облик.

Неправда. Его отправили в изгнание за то, что он убил аполлитов.

Она превратилась в Артемиду:

«Я же говорила тебе, Ашерон, он безумен! Зачем он перебил их всех? Неужели нельзя было без этого обойтись?»

И снова от лица Ашерона:

«А что ему оставалось? Они набросились на него, пытались убить — это была самозащита!»

«Нет, убийство!»

«Артемиде, если ты казнишь Зарека, — клянусь тебе, я выйду в эту дверь и никогда не вернусь назад!»

И, снова приняв свой обычный вид, Сими заключила:

Вот поэтому его и изгнали. Рыжая стерва не хотела, чтобы акри ушел, так что согласилась оставить Зарека в живых. Только с условием, чтобы он жил там, где нет людей.

Сими досадливо оглядела темное и тесное подземелье.

Честно говоря, я и сама скорее бы умерла, чем жить вот так! У вас тут еще скучнее, чем в

Катотеросе! А я думала, скучнее, чем в Катотеросе, быть не может. В следующий раз, когда акри скажет, что дома не так уж плохо, я, пожалуй, поверю. У вас тут не то что приличной еды — даже телевизора нет!

Зарек прислонился к стене и, не слушая больше болтовню Сими, невидящим взором уставился в пространство. Он старался вспомнить прошлое.

Кажется, и сейчас в ушах его звучали крики жителей деревни. Но теперь он задумался...

Чьи же крики слышал он на самом деле?

Астрид ощупью пробралась к нему, взяла за руку. От ее близости Зареку сразу стало теплее, а прикосновение ее, как обычно, зажгло в нем огонь. Что такое скрыто в этой женщине, что одно ее касание сводит его с ума?

И пробуждает в нем безумное желание.

С тобой все в порядке? — спросила она.

По правде сказать, нет. Я хочу знать, что произошло той ночью!

Астрид кивнула.

Сими, скажи, есть ли какой-нибудь способ вернуть Зареку память, которую стер Ашерон?

Никакого! — помотала головой Сими. — Акри непогрешим! То есть никогда не ошибается. Ну, почти никогда. Только об этом лучше не говорить, а то он очень расстраивается. Но обычно он непогрешим. Совсем как я. «Непогрешим» — правда, здорово звучит?

Все безнадежно, — прошептал сквозь стиснутые зубы Зарек. — Доказательств моей невиновности нет, и я никогда не узнаю, что же там произошло.

А я так не думаю, — улыбнулась ему Астрид. — Не сдавайся, Зарек! Если мы докажем то, о чем говорит Сими, я смогу вынести обоснованное оправдание. Я заявлю, что ты невиновен, и никто не сможет с этим спорить. Мои сестры не допустят осуждения невинного.

Зарек нахмурился:

Когда меня забили камнями, принцесса, я тоже был невиновен. Прости, но что-то я не слишком верю в справедливость твоих сестер.

Астрид вздохнула. Это верно: в жизни часто страдают невинные. Ее мать стремится со всеми поступать по справедливости, но ни она, ни сестры не могут идти против законов вселенной.

А вселенная полна несправедливости и жестокости.

Зарек — тому прекрасный пример.

И все же нужно выяснить правду о том, что с ним произошло! Хотя бы этого он заслуживает.

Скажи, Сими, а ты не можешь как-нибудь показать Зареку, что случилось той ночью?

Сими задумалась, приложив палец ко лбу.

Пожалуй, могу. Акри велел мне не разговаривать с ним, — но он ведь не сказал: «Ничего ему не показывай!»

Астрид улыбнулась. Сими всегда понимала и исполняла приказы Ашерона буквально.

Пожалуйста, Сими, покажи!

Сими подошла к Зареку. Взяла его за подбородок.

Зарек хотел отстраниться, но вдруг ощутил, что не может пошевелиться. Какая-то сила, истекающая из ее детской ладошки, приковала его к месту.

Сими повернула его голову так, чтобы он смотрел ей в глаза, теперь — кроваво-красные, сверкающие отблесками нездешнего пламени.

И он увидел прошлое.

Все померкло перед ним, кроме сверкающих алых глаз Сими. В зрачках их показались образы, а в следующий миг они выстроились перед его внутренним зрением в полную картину. Зарек ничего не помнил. Он как будто смотрел фильм о собственной жизни.

Он видел горящую деревню. Тела, разбросанные повсюду. То, что преследовало его все эти столетия. Но теперь — не только это...

Видел он и кое-что еще.

Забытые образы, стерты из его памяти.

Он видел себя. Вот он бродит по пожарищу, обуреваемый бессильным гневом. Он не сумел спасти этих людей! Но в том, что случилось, нет его вины.

Кто-то побывал здесь до него.

Вот он видит умирающую старуху. Склоняется над ней. Но на этот раз она говорит ему больше, чем он помнил:

— Сама смерть явилась сюда в обличье свирепого воина. Он искал тебя. Спрашивал всех, где тебя найти. Никто не знал, и тогда он разъярился и убил всех, а деревню предал огню. — Глаза ее вспыхнули гневом и презрением. — Почему ты не пришел? Как ты мог... как мог бросить нас на растерзание?

Зарек вновь ощутил ярость. Но не на себя, — на даймонов, совершивших это злодеяние.

Когда он осознал правду, сердце его гулко забилося.

В убийстве Зарек неповинен. Он не убивал тех, кого клялся защищать. В ту ночь он совершал свой обычный обход. Увидев пламя пожара, поспешил в деревню, но было уже поздно.

Танат явился в деревню при свете дня и уничтожил всех, кого там нашел. Зарек никак не смог бы их защитить.

Глядя в глаза Зареку, Сими провела его по забытому пятидневному пути к селению аполлитов, куда он отправился, ища виновников разорения Таберли.

На каждом шагу приходилось ему сражаться со спати, даймонами-воинами. Один из них рассказал Зареку о Дневном Убийце, который собирает свой народ, чтобы идти войной на Темных Охотников. Перед смертью спати смеялся и кричал Зареку, что с владычеством Темных Охотников скоро будет покончено.

Дневной Убийца покорит мир смертных, — а потом они доберутся и до олимпийских богов!

Ночь за ночью спати становилось все больше, и Зарек все лучше осознавал, какая опасность грозит миру. На пути ему не встречалось ни одного живого человека, только сожженные деревни, только мертвые, обескровленные тела. Пожранные даймонами, не желающими умирать.

Никогда он не видел такого ужаса, такого опустошения.

Будь у него Оруженосец, Зарек отправил бы его предупредить других Охотников или позвать на помощь Ашерона. Но он был один.

Всегда один. И должен был в одиночку противостоять беде.

Голодный и продрогший до костей, Зарек добрался до селения аполлитов, где скрывалось таинственное существо, именуемое Дневным Убийцей.

Он прибыл туда через час после заката. Аполлиты, как обычно, селились под землей. В холодных темных подземельях они чувствовали себя как дома. Часто они устраивали свои жилища вблизи кладбищ, чтобы иметь возможность утолить голод душой какого-нибудь свежего покойника. Кроме того, кладбища служили им защитой. Поскольку Темные Охотники лишены душ, бестелесные души стараются вселиться в них и овладеть ими, поэтому на кладбищах Охотникам находиться опасно. Катакомбы и гробницы — вот любимые укрытия аполлитов и даймонов.

Однако в этих катакомбах не было ни единой души, живой или мертвой, поэтому Зарек прошел сквозь них без приключений.

Обойдя все комнаты и коридоры подземного логова, он не нашел в них ни аполлитов, ни даймонов, лишь следы, подтверждающие, что обитатели этого мрачного дома покинули жилище в спешке.

Только в одной дальней комнате он обнаружил женщину с плачущим младенцем на руках. Когда она увидела его, в глазах ее отразился ужас.

— Я тебя не трону, — попытался он ее успокоить.

Женщина завизжала.

Зарек выбежал из комнаты и захлопнул за собой дверь.

Все его мысли были сосредоточены на одном существе.

На Танате.

Умиравший спати поведал ему, что Танат создан Артемидой для расправы с непокорными Охотниками. Она, создательница Охотников, предала их, настав на них непобедимое чудовище.

И теперь он, Зарек, должен его остановить. Как он ненавидел Артемиду! Не только за то, что

она создала Таната, но и за то, что выпустила его в мир, никого не предупредив.

В одном темном проходе даймоны и аполлиты набросились на него. Зарек зарубил их всех, не разбирая, кто перед ним — демон или аполлит. Неважно.

Он хотел отомстить.

Таната он нашел в конце длинного коридора, в покое, где аполлиты хранили ткани. С Танатом были его люди.

Зарек насчитал пять аполлитов и восемь даймонов.

Внимание его привлекла единственная женщина-аполлитка, стоящая рядом с Танатом. Она была одета как спати и готова к бою.

Танат зловеще усмехнулся.

Посмотрите на него! — обратился он к аполлитам и даймонам. — Он один, а нас много! Поистине, Темные Охотники не так уж страшны. Они не могут объединять свои силы, это их ослабляет; а поодиночке перебить их нетрудно. Пронзите клеймо Охотника, и он умрет так же, как любой из вас.

И враги бросились на Зарека.

Зарек пытался пробиться сквозь толпу. Но аполлиты и даймоны сражались с такой силой и яростью, какой он никогда прежде не встречал. Казалось, присутствие Таната придает им сверхъестественную силу.

Они одолели его: повергли наземь, разорвали на нем одежду в поисках клейма, поставленного Артемидой, — знака Темных Охотников.

Зарек, ослабленный голодом и ранами от предыдущих боев, сопротивлялся как мог.

На нем нет клейма Артемиды! — воскликнул кто-то из даймонов.

Как нет? Не может быть! — Танат шагнул к нему, чтобы взглянуть на тело Зарека своими глазами.

В этот миг Зарек вырвался из рук врагов и взмахнул над головой Таната мечом.

Танат быстро шагнул назад и загородился женщиной.

Зарек не успел отдернуть руку, его меч пронзил женское тело.

Женщина не рассыпалась прахом, и Зарек понял: она — это не демон! Она была живая!

С ужасом он наблюдал, как ее прекрасное лицо искажается болью, как глаза наполняются слезами. Как он хотел бы ей помочь!

Никогда в жизни Зарек не причинял и не хотел причинять вреда женщинам. Даже той, чья клевета его погубила.

Теперь самого себя он ненавидел еще сильнее, чем Артемиду, — за то, что не успел отдернуть меч, за то, что вместо Таната убил невинную.

Один из аполлитов вскрикнул.

Бросился к женщине, подхватил ее на руки. В его объятиях она испустила дух.

Аполлит поднял голову. Глаза его, устремленные на Зарека, сверкали гневом и ненавистью.

Зарек узнал его лицо — лицо нового, нынешнего Таната!

Увидев это, он попытался вырваться из рук Сими. Но она крепко держала его.

Картины прошлого продолжали разворачиваться перед ним.

Схватив Зарека за горло, Танат прижал его к стене.

— Есть клеймо или нет, ты умрешь, если отрубить тебе голову!

Зарек, подавленный чувством вины, не сопротивлялся. Он хотел лишь одного — чтобы все это поскорее закончилось.

Но в этот миг за спиной у Таната, словно из ниоткуда, возник Ашерон.

Отпусти его!

Даймоны и аполлиты в ужасе бросились кто куда. Остался лишь один, склонившийся над мертвым телом своей возлюбленной.

Танат медленно повернулся к Эшу:

А что, если не отпущу?

Ашерон метнул в него молнию. Танат мгновенно выпустил Зарека; тот рухнул на пол, задыхаясь и хватая воздух открытым ртом.

Как видишь, выбора у тебя не было, — заметил Ашерон.

Танат бросился на него.

Серебристые глаза Эша налились багрянцем. Стали темно-красными, темнее крови. В глубинах их, казалось, бушевало пламя.

Он не двинулся. Даже не шевельнул рукой. Но непобедимый убийца, занеся над ним меч... вдруг рассыпался в прах.

Теперь на него бросился единственный оставшийся аполлит. Ашерон схватил его за руку, развернул и прижал спиной к себе. Аполлит пытался вырваться, но Ашерон удерживал его без усилий, как ребенка.

Тише, Калликс! — прошептал он ему на ухо. — Усни...

Аполлит обмяк в его руках.

Ашерон уложил его на пол.

Зарек смотрел на все это, не веря своим глазам. Он не понимал, откуда Эш знает имя аполлита. Не понимал и того, как ему удалось с такой легкостью убить Таната.

Все это казалось каким-то причудливым сном.

Эш присел с ним рядом.

Как ты?

Почему Артемида хочет истребить нас? — не отвечая на его вопрос, прорычал Зарек.

О чем ты? — нахмурился Эш.

Так мне сказали спать. Она собрала армию против нас. Я...

Эш поднял руку, и слова застыли в горле Зарека, словно что-то парализовало его голосовые связки.

Ашерон задумался, глядя на Зарека. Он, казалось, в чем-то сомневался. Зарек мог поклясться, что атлантиец проник в его сознание и что-то там ищет.

Наконец он вздохнул.

Ты видел слишком много. Посмотри на меня, Зарек.

Зареку оставалось лишь повиноваться.

Глаза Эша вновь приобрели обычный вид и цвет, напоминающий расплавленное серебро. Затем все вокруг затуманилось, померкло. Воздух стал тяжелым и горячим.

Последнее, что слышал Зарек, были слова Эша:

Сими, отнеси его домой. Ему нужно отдохнуть.

В этот миг Сими отпустила Зарека.

Он стоял неподвижно, снова и снова перебирая в памяти все детали забытого прошлого.

До глубины души потрясенный тем, что увидел. Тем, что узнал.

Как ты мне все это показала? — спросил он.

Демонесса только пожала плечами.

Это уже начинало раздражать. Какого черта Эш приказал ей с ним не разговаривать?

Астрид, пожалуйста, спроси ты.

Астрид повторила вопрос Зарека.

Сими посмотрела на него, словно на дурачка.

Вот глупый! Из человеческого мозга ничего не исчезает. То, что он забыл, акри просто переложил из одного места в другое. — И она выразительно пробежала пальцами по голове Зарёка. — А я нашла, где лежит этот забытый кусок, посмотрела сама, а потом и ему показала. Очень просто!

Зарек, оупевший от всего, что узнал, перевел взгляд на Астрид.

Кто такой Ашерон? — спросил он.

Не знаю, — ответила она.

Зарек отступил на шаг. Теперь он пытался припомнить то, что произошло в Нью-Орлеане.

В Нью-Орлеане он тоже что-то сделал с моей памятью, верно?

Сими принялась что-то насвистывать, оглядывая подземелье.

Сими, в Нью-Орлеане Ашерон сделал то же самое? — повторила Астрид.

Акри так делает, только когда иначе поступить нельзя. В Нью-Орлеане случилось кое-что плохое. Такое, о чем лучше не знать ни Охотникам, ни олимпийским богам.

Зарек стиснул зубы.

А именно?

Астрид повторила вопрос.

Я же сказала: лучше не знать. Ни ему, ни тебе.

Зареку хотелось придушить юную демонессу. Но после того, что он только что увидел, он счел за благо не сердить Ашерона.

Почему Ашерон скрывается?

Сими сердито зашипела. В гневе она забыла приказ Ашерона и ответила Зареку:

Акри никогда ни от кого не скрывается! Зачем это ему? Если кто-нибудь обидит акри, я его съем!

Он человек? — не обращая на нее внимания, обратился Зарек к Астрид.

Та тяжело вздохнула.

Честно говоря, понятия не имею. Я пыталась расспрашивать об Ашероне сестер, но они отмазываются или уходят от ответа. Такое впечатление, что он их пугает, а ведь Судьбы не боятся ничего во вселенной! И другие олимпийцы тоже стараются не говорить об Ашероне. В самом деле, все это очень странно.

С задумчивым лицом она повернулась к демонессе:

Сими, расскажи мне об Ашероне.

Он лучше всех на свете! И со мной обращается, как с богиней! Богиня Сими — вот я кто!

Астрид слегка поморщилась:

Расскажи, где и когда он родился.

А, вот ты о чем! Ашерон родился в 9548 году до новой эры на греческом острове Дидимос.

А кто были его родители?

Царь Икарион и царица Аара, повелители Дидимоса и Лигоса.

Астрид, кажется, такой ответ удивил. Зарека — нисколько. Он всегда подозревал, что Ашерон благородных кровей. Было в нем что-то царственное. Что-то говорящее: «Я — повелитель, ты — слуга. Склонись передо мной и целуй мои башмаки!» Это его качество Зарек терпеть не мог.

Он не полубог? — спросила Астрид.

Сими от души расхохоталась.

Акри — полубог?! Ну, ты даешь!

Зарек нахмурился: до него дошло то, что сказала Сими.

Подожди-ка. Я всегда считал, что Эш — атлантиец?

Астрид покачала головой:

Из тех немногих слухов об Ашероне, что до меня доходили, я поняла, что он родился в Греции, но вырос в Атлантиде. Говорят еще, что он сын Зевса. Но, как я уже сказала, боги о нем предпочитают молчать.

Сими снова рассмеялась.

Сын Зевса? Он что, похож на этого старикашку с молниями? Брось, Астрид, перестань обижать акри!

Зарек подумал с минуту. К нему пришла новая мысль.

Может ли Сими связаться с Эшем прямо сейчас?

Да.

Так пусть скажет ему, чтобы тащил сюда свою задницу, да поживее!

Сими сверкнула глазами. Крылья ее гневно затрепетали.

Сими, не обращай внимания, — быстро проговорила Астрид. — Он просто неудачно выразился. Скажи, Эш может явиться сюда?

Нет, — немного успокоившись, ответила Сими. — Он пообещал этой злющей рыжей стерве, что две недели никуда не уйдет с Олимпа. Он не может нарушить клятву.

Тогда как мне убить Таната? Судя по тому, что я видел, Эш — единственный из нас, кто может просто взглядом разнести его на мелкие клочки!

Его убьет Сими.

Нет, я не должна его убивать. Так сказал акри.

Как же нам его остановить? — спросила Астрид.

Сими пожала плечами:

Если бы акри мне разрешил, я бы из него барбекю сделала. Но вам это будет трудновато, вы

ведь не умеете выдыхать пламя.

У меня есть огнемёт.

Астрид обернулась к нему.

Что-что у тебя есть? — переспросила она.

На этот раз пожал плечами Зарек:

Ну, знаешь, запаса на всякий случай.

Огнемётом хорошо тосты поджаривать, — сообщила Сими, — а вот Таната он только разозлит. Обычный огонь его не возьмёт. У меня, видите ли, огонь особенный: я вместе с пламенем выдыхаю такую клейкую пленку, которая опутывает жертву и не даёт ей уйти. Хотите посмотреть?

Нет! — воскликнули оба.

Сими напряглась.

Нет? Я не люблю, когда мне говорят «нет»!

Сими, мы тебя очень любим, — быстро проговорила Астрид, выразительно ткнув Зарека локтем в живот, чтобы он не вздумал спорить. — Мы просто боимся этой твоей клейкой пленки.

А, понятно, — успокоилась Сими. — Ну ладно, живите.

Окончательно удостоверившись, что еды здесь нет, Сими уселась на пол по-турецки и принялась что-то напевать себе под нос, наматывая на палец прядь белокурых волос.

А «Магазин на диване» у вас тут есть? — поинтересовалась она.

Боюсь, что нет, солнышко, — ответила Астрид.

А канал мультиков?

Зарек покачал головой.

Что, вообще телевизора нет? — простонала Сими.

Извини.

Вы что, издеваетесь? Да как вы тут вообще живёте? И что я тут буду делать без телевизора? Акри меня не предупредил, что у вас телека нет, а то я бы ни за что не согласилась. Неужели вообще никакого нет, даже на батарейках?

Зарек кивнул и попытался отвести Астрид в сторонку.

Не сработает, — прошептала она.

Что не сработает?

Ты напрасно думаешь, что Сими тебя не услышит. Она слышит все.

Он остановился.

Неудивительно — уши у нее будь здоров!

Несколько секунд Зарек молча смотрел на Астрид. Запоминал каждую черточку ее лица, каждый изгиб тела.

Он не знал, как ее защитить. Джесс не сможет приехать сюда при свете дня; Оруженосцам Зарек не мог доверить безопасность Астрид.

Не говоря уж о том, что Оруженосцы мечтают его убить, и, значит, открывать им свое укрытие не самая лучшая идея.

Он не может никому довериться. Поэтому единственный способ защитить Астрид — вызвать Таната на бой и покончить со всем этим раз и навсегда.

Сегодня после захода солнца они с Танатом встретятся — и выживет в этой битве только один.

Но Астрид он об этом не скажет. Ни к чему ей знать, что он задумал.

Нам нужно поесть. Когда зайдет солнце, оставлю вас с Сими здесь, а сам пойду поищу что-нибудь.

Почему бы не послать Сими? Ей никто не сможет причинить вреда.

Зарек бросил взгляд на девочку-демона. Та, сидя на полу, играла с собственными пальцами, приговаривая себе под нос: «Этому дала, этому дала, а этому не дала...»

Может быть... но, мне кажется, ее не стоит выпускать на улицу одну.

Пожалуй, ты прав, — поколебавшись, согласилась Астрид.

Зарек опустился на пол и потянул ее за собой. Взглянул на часы: меньше чем через два часа — закат.

Меньше двух часов осталось ему провести с женщиной, которая так много для него значит.

Зарек растянулся на полу и прикрыл глаза. Астрид свернулась рядом, положила голову ему на грудь.

Скажи мне что-нибудь хорошее, принцесса. Расскажи, чем займешься, когда все это закончится.

Этот вопрос заставил Астрид задуматься. Единственное, чего она хотела, — остаться с Зареком. Но как?

Для этого Артемида должна освободить его душу. А Астрид слишком хорошо знала свою кузину и могла сказать точно: со своими игрушками Артемида по доброй воле не расстанется.

Буду скучать по тебе, мой Прекрасный Принц.

Она почувствовала, как он напрягся.

Правда?

Правда. А ты?

Буду жить дальше. Как обычно. Ты ведь знаешь, я мастер выживания.

Это правда — Астрид не уставала изумляться тому, сколько он способен перенести.

Она погладила его по щеке.

Тебе надо отдохнуть.

Я не хочу отдыхать. Хочу еще немного побыть с тобой.

Она улыбнулась в ответ.

Вы что там, целоваться собрались? — поинтересовалась Сими. — Может, мне выйти?

Астрид рассмеялась.

Не беспокойся, Сими. При тебе мы целоваться не будем.

Она когда-нибудь спит? — спросил Зарек.

Не знаю. Сими, ты когда-нибудь спишь?

Конечно. У меня и своя кровать есть. Такая миленькая! По сторонам вырезаны драконы, а сверху балдахин из слоновой кости. Ее для меня сделал акри давным-давно. А над головой повесил танцующую балерину, такую беленькую и блестящую. Когда я была маленькая, акри всегда сам укладывал меня в постель, укрывал одеяльцем, потом трогал балерину, и она начинала качаться, а я смотрела на нее и засыпала. А еще он мне колыбельные пел. Акри такой хороший папочка! Он любит свою Сими!

А ты, принцесса? — спросил Зарек. — Когда ты была маленькой, мать укладывала тебя в постель?

Да, каждый вечер. А если она была занята, меня укладывала сестра Атти.

Кто укладывал в постель Зарека, Астрид не спрашивала. Ответ ей был известен.

Никто.

Она крепче прижалась к нему.

Зарек смотрел в неровный земляной потолок. Забавно: пятьдесят лет назад, когда он выкопал это подземелье, он и вообразить не мог, что однажды будет здесь прятаться со своей возлюбленной.

С Астрид.

Они не должны быть вместе. У него нет права к ней прикасаться.

Она — рай для него, но такому, как он, не место в раю.

И все же он не хотел от нее отказываться.

Ни за что.

Она — единственный в мире человек, за которого он готов умереть.

И это произойдет очень скоро. Сегодня ночью.

Глава 14

Танат лежал в теплой и мягкой постели в доме воина-спати. Сам спати и его родичи (как даймоны, так и аполлиты), отдыхали в своих спальнях, ожидая заката, когда сумерки позволят им выйти из лома.

Прошлой ночью, потеряв след Зарека, Танат разыскивал его, пока усталость не подкосила его.

Даймоны привели его в свой дом и предложили отдохнуть. Но, несмотря на полное изнеможение, Танат не мог уснуть. Страшные видения гнались за ним по пятам.

Даже сейчас он слышал голоса Оракулов, призывающих его вернуться назад, в мрачную темницу Тартара.

Но Танат не желал им повиноваться.

Долгих девять столетий он ждал этой возможности. Ждал отмщения.

Создавая его, Артемида пообещала, что позволит ему убить Зарека из Мезии. Но затем почему-то изменила свое решение.

Все пошло не так, как она обещала.

Вместо роскошной и беспечальной жизни Танат оказался заточен в тесной камере, одинокий, всеми забытый.

— Никто не должен знать, что ты жив, — объясняла Артемида. — Во всяком случае, пока ты мне не понадобишься.

И он ждал. Год за годом, столетие за столетием метался в своей клетушке, проклинал богиню, требовал, чтобы она освободила его или положила предел его мучениям.

Она молчала.

Так он узнал, что есть на свете кое-что похуже незаслуженно короткой жизни, проклятия аполлитов.

Бессмертие в этой мрачной дыре оказалось куда страшнее.

Нет, он туда не вернется. Никто больше не лишит его свободы. Скорее он сровняет с землей весь Олимп!

Страшась потерять контроль над Темными Охотниками, Артемида не дала себе труда подумать на шаг вперед. Танат остановит Охотников — допустим. Но кто остановит Таната?

Что-то мелькнуло в его мозгу. Обрывок воспоминаний.

Он видел себя еще живым... видел...

Видел, как Зарек вонзает меч в его жену!

Танат испустил гневный рев.

Убить Зарека? Нет, это чересчур просто!

Пусть страдает так же, как страдал он сам!

Пусть испытает невыносимую муку.

Боль потери...

В первый раз за девятьсот лет Танат улыбнулся. Вот оно! Прошлой ночью с Зареком была женщина. Он увез ее на снегоходе, бережно прижимая к себе.

Его женщина!

Танат вскочил на ноги и накинул плащ. Как он ни устал, — понимал, что заснуть уже не сможет. Он торопливо и тихо оделся.

Надо найти Охотника. И его женщину.

Она умрет. А Зарек... Зарек пусть остается жить. Пусть живет вечно, как сам Танат, в бесконечном одиночестве, боли и тоске по той, кого утратит навеки.

Зарек взглянул на Астрид. Она мирно спала — заснула, сморенная усталостью, посреди разговора.

Посреди разговора...

Не думал он, что вообще способен с кем-то разговаривать! Впрочем, за последние дни Зарек только и делает то, на что прежде считал себя неспособным.

Даже во сне Астрид выглядела измученной. Под прекрасными глазами залегли глубокие тени.

Зарек запечатлел на ее губах поцелуй и осторожно отодвинулся, стараясь ее не потревожить.

Демонесса тоже сладко спала, свернувшись клубочком, подложив ладонь под щеку. Сейчас она очень напоминала маленькую девочку. Неудивительно, что Эш ее балует!

Он снова взглянул на Астрид.

Свою силу. Свою слабость.

Так же, как Сими, — сила и слабость Эша.

И он теперь отвечает за них обеих.

Чувствуя груз ответственности, Зарек достал еще одно одеяло и укрыл спящую Сими.

Она улыбнулась во сне и нежно пролепетала:

— Спасибо, акри!

Зарек бросил тоскливый взгляд на свою парку, на которой устроилась Астрид.

Подумав, укрыл ее вторым одеялом. Затем порылся в карманах. Несколько минут назад он поднимался наверх, в хижину, — взял там еды для Сими... и кое-что еще.

Вещицы, принесенные из хижины, он расставил рядом с Астрид. Прямо у нее под рукой, — чтобы она смогла их «увидеть», как только проснется.

Долго сидел над ней, не отрывая взгляда от ее лица.

Мне будет не хватать тебя, — прошептал он. Зарек знал: даже став Тенью, он не сможет ее забыть.

В Астрид он нуждается сильнее, чем в еде или в воздухе.

Она — его жизнь.

Глубоко вздохнув, он запустил руку в ее золотистые волосы. Вспомнил, как она извивалась в его объятиях. Как смотрела на него в миг наивысшего блаженства.

Как звучало его имя в ее устах.

Да, ему будет ее страшно не хватать!

Поэтому он должен ее защитить.

С болью в сердце Зарек повернулся спиной к двум спящим женщинам и двинулся прочь.

Он направлялся к дальнему выходу из подземелья — тому, что вел в девственный лес.

Зарек откинул крышку люка, поежился от ледяного ветра. Жизнь его осталась позади; впереди ждала встреча с Танатом.

Астрид проснулась от какого-то странного звука.

Знаешь, а этот твой Зарек мне нравится! Он добрый!

Астрид заморгала, узнав голос Сими. Хотела встать — и тут же нащупала что-то возле своего локтя.

Деревянные фигурки Зарека. Ощупав их, она мгновенно поняла, что это.

Каждая фигурка — персонаж «Маленького принца». Всего их было шесть: сам Маленький принц, Барашек, Слон в Удаве, Лис, Роза, Змея.

Даже на ощупь Астрид поняла, что скульптуры выполнены с необыкновенным мастерством — тоньше и тщательнее, чем все «виденные» ею прежде.

Он мне даже открывашку принес, чтобы я не вскрывала консервы клыками! — радостно сообщила Сими. — Здорово! Не люблю железо, оно портит зубы. — Она громко причмокнула. — Свинина с бобами — моя любимая!

Сими! — позвала Астрид, садясь. — Где Зарек?

Не знаю. Я всего несколько минут назад проснулась. Он принес мне вкусенькое!

Зарек! — позвала Астрид.

Зарек не отвечал.

Впрочем, это еще ничего не значило.

Сими, он в хижине?

Не знаю.

Ты не можешь пойти посмотреть?

Зарек! — пронзительно завопила Сими.

Сими, кричать я и сама умею.

Демонесса раздраженно вздохнула.

Ну ладно, ладно! Дай хоть доест! — Помолчав, она добавила: — Знаешь, Астрид, акри велел мне тебя защищать, а не бегать по твоим поручениям. Зарек уже большой Охотник, присматривать за ним не обязательно.

Но Астрид почувствовала, что Сими исчезла.

Через несколько минут она появилась снова.

Не-а. Его там нет.

Сердце Астрид сильно забилося.

Может быть, он пошел раздобыть еды?

Сими, а записку он не оставил?

Не-а.

Добравшись до первого же дома аполлитов, Зарек распахнул дверь ногой.

Небольшое поселение существовало на задворках Фэрбенкса уже несколько столетий. Зарек их не трогал: Кодекс Темных Охотников запрещал причинять вред аполлитам, пока они не превращаются в даймонов, питающихся людскими душами. Аполлиты, не вредящие людям и спокойно проживающие свою короткую жизнь, пользовались такой же защитой Охотников, как и обычные смертные.

Вот почему, если верить Сими, был изгнан Зарек. Убийство аполлита — в глазах Артемиды и других богов — преступление такое же серьезное, как убийство человека.

Но сейчас Зарек готов был нарушить любой закон, лишь бы защитить Астрид.

Дверь с треском слетела с петель. Женщины — обитательницы дома с визгом бросились врассыпную; мужчины поспешили навстречу Зареку.

С помощью телекинеза Зарек пригвоздил их к стенам.

Даже и не думайте! — прорычал он. — Я не настроен играть. Мне нужен Танат!

Его здесь нет, — проговорил один из мужчин.

Это я уже понял. И еще я понял, что вы можете кое-что ему передать. Так?

Нет!

Он нас убьет! — слышался из задней комнаты испуганный детский голос.

Страх в голосе ребенка помог Зареку взять себя в руки. Хотя бы отчасти.

Взмахнув рукой, он освободил аполлитов.

Скажите Танату: я жду его за городом, в Медвежьей Берлоге. Если не появится через час, вернусь сюда и прикончу всех даймонов.

Он повернулся и вышел.

Но у дверей остановился, ожидая реакции аполлитов.

Они вылетели вслед за ним, на ходу выясняя, кто из них передаст Танату вызов Зарека.

Удовлетворенно усмехнувшись, Зарек зашагал обратно к снегоходу.

Добравшись до места встречи, он заглушил мотор и приготовился ждать.

Достал мобильник Спауна, набрал номер Джесса. Ковбой взял трубку после третьего звонка.

Это ты, Снеговик?

Я. Послушай, я оставил Астрид в своей хижине.

Что? Да ты...

Сумасшедший, знаю. Но там они в безопасности. Сделай вот что: выжди три часа, а потом отправляйся за ними. Трех часов мне хватит.

Хватит для чего?

Об этом не беспокойся. Войди в хижину и громко скажи Астрид, кто ты. Она выйдет из укрытия вместе с еще одной... женщиной. С малышкой будь поласковее, она любимица Эша.

С какой еще малышкой?

Увидишь.

Через три часа? — повторил Джесс.

Да.

Джесс немного помолчал.

А как же ты. Снеговик?

Что — я?

Ты... ты не будешь делать глупостей, верно?

Нет. В кои-то веки я собираюсь поступить разумно. — И Зарек дал отбой.

Сунув телефон в рюкзак, он достал сигареты и зажигалку. Закурил, дрожа от холода и с сожалением вспоминая о своей парке, которая осталась в подземелье.

Но от парки мысли его перешли к Астрид, и воспоминание о ней сразу его согрело.

Зарек жалел об одном: что, перед тем как уйти, не мог заняться с ней любовью в последний раз.

Не ощутил слияния тел. Ее дыхания на своем лице. Ее нежных рук, блуждающих по его плоти.

Никогда за две с лишним тысячи лет не встречал он никого и ничего, ей подобного. И неудивительно: она ведь нимфа, особенное существо.

Он все еще не мог поверить тому, что она с ним сделала.

Как сумела усмирить его боль — боль, с которой он сроднился так, что считал ее неотделимой от себя самого.

Как помогла ему забыть о прошлом. Забыть обо всем.

Неудивительно, что Тейлон готов был умереть за Саншайн!

Теперь Зарек прекрасно понимал его чувства.

Но сам умирать за Астрид не хотел. Он хотел жить ради нее. Остаться с ней навсегда.

Но... это невозможно.

Глядя на далекие заснеженные горы, он задумался об Олимпе, родном доме Астрид.

Смертные не могут жить на Олимпе, а богам не место на земле.

Значит, им не быть вместе.

В этом Зарек не сомневался, он был реалистом. Щенячьи мечты о том, что вдруг что-нибудь как-нибудь все же позволит им соединиться, не для него. Если когда-нибудь ему и был присущ оптимизм, он весь улетучился задолго до того, как на подбородке у него пробилась первая щетина.

Все так. Он ни на что не надеялся, но все же внутри его что-то разрывалось от боли.

Будьте прокляты, Судьбы! Будьте вы все прокляты!

Но проклят только он сам.

Вдали послышался рев приближающегося снегохода.

Зарек не трогался с места. Он сидел на своей машине боком, скрестив ноги, сложив руки на груди. Терпеливо ждал, когда его противник подъедет и сойдет на землю.

Танат сдернул шлем и уставился на него так, словно не мог поверить своим глазам.

Ты действительно здесь!

Зарек наклонил голову, холодно и зло усмехнулся в лицо чудовищу.

Привет, малыш. Каждому из нас когда-нибудь приходится плясать с дьяволом, и сегодня — твоя очередь.

Высокомерный ублюдок! — зло прищурился Танат.

Зарек бросил окурок в снег, придавил его ботинком. Горько рассмеялся, шагнув прочь от снегохода.

Ошибаешься. С чего мне быть высокомерным? Я просто ублюдок, которому посчастливилось дотянуться до звезды. — Он выхватил из наплечной кобуры два «глока». — А теперь я — тот сукин сын, который положит конец твоей жалкой жизни!

С этими словами Зарек открыл огонь.

Он знал, что это не сработает. Так и вышло.

Пули не убили Таната, лишь заставили пошатнуться. А Зареку помогли почувствовать себя немного лучше.

Он перезарядил револьверы и снова начал стрелять.

Пулями меня не убьешь! — расхохотался Танат.

Знаю. Мне это просто нравится!

Если повезет, думал Зарек, пулевые ранения ослабят его врага, и тогда у Зарека появится хоть какой-то шанс выжить.

Надежда слабая. Но другой нет.

Выпустив в Таната последний заряд, он швырнул в него свои револьверы, а следом за ними пару фанат.

Никакого результата.

Танат их едва заметил.

С ревом Зарек бросился на него.

Враги сцепились. Из многочисленных ран Таната хлестала кровь, но и Зареку приходилось несладко.

Ты не можешь убить меня, Охотник! Ты умрешь, если истечешь кровью.

Танат покачал головой:

Это утешительный миф, придуманный смертными.

Зарек пнул его ногой и выхватил из ножен свой складной меч. Нажал на кнопку, спрятанную в рукояти, — и скромный на вид нож вырос в грозное двуручное оружие почти полутора метров длиной.

Темные Охотники — тоже миф. Однако мы умираем, если отрубить нам голову. А ты? Давай проверим!

В глазах даймона мелькнул страх.

Похоже, и тебе отрубленную голову назад не приставишь. — Зарек занес над ним меч.

Танат, пригнувшись, ушел от удара. Выхватил из ножен на поясе большой кинжал с лезвием странной формы и причудливым орнаментом на рукояти.

Уже очень давно Зареку не приходилось сражаться мечом, но во время боя к нему возвращались старые навыки.

Да, такое не забывается!

Он полоснул Таната по груди. Даймон пошатнулся, зашипев от боли.

Что, не по нраву? Что-то у тебя испуганный вид!

Даймон скривил губы.

Я не боюсь никого и ничего — тем более, тебя!

С этими словами он бросился в атаку. Зарек не успел уклониться: даймон схватил и выкрутил его руку, сжимающую меч. Зарек зашипел от острой боли.

Но эта боль не могла сравниться с той, которую он ощутил в следующий миг, когда Танат ранил его в левое плечо.

Зарек выругался.

Левая рука от плеча до кисти мгновенно онемела. Он больше не мог держать меч.

Танат опрокинул его наземь.

Придавил Зарека коленом к земле, вздернул за волосы его голову, обнажая горло.

Зарек пытался скинуть его с себя, но тщетно. Он ничего не мог сделать. Оставалось лишь ждать, пока Танат отрежет ему голову.

Холодное лезвие кинжала коснулось его горла.

Зарек затаил дыхание, боясь даже пошевелиться.

Но, едва кинжал прорезал его кожу, ослепительная молния, сверкнувшая в ночной тьме, ударила Таната и заставила его отлететь на несколько метров.

Зарек повалился лицом в снег.

— Нельзя! Нельзя! — послышался мелодичный детский голосок, и рядом с Зареком материализовалась Сими. — Акри сказал, тебе нельзя убивать Зарека! Плохой Танат!

Зарек с трудом перекатился на спину. Все тело его разламывалось от боли. Чуть поодаль поднимался на ноги Танат.

Это еще что за чертовщина? — проговорил он. — Ты кто такая?

Не твое дело, — отрезала она. Присела над Зареком, потрогала его рассеченную бровь, взглянула на кровоточащую руку и шею. — Ух ты! Здорово он тебя отделал! Сими очень, очень тебя жаль. Мы думали, что ты вернешься, но потом Астрид забеспокоилась и попросила меня тебя искать. Ух, какой ты сейчас страшный! Раньше ты был гораздо симпатичнее.

Танат неторопливо направлялся к ним.

Зарек заставил себя встать и помог Сими подняться на ноги.

Сими, уходи. Он может сделать тебе больно.

Она фыркнула, как лошадь.

Мне нельзя сделать больно!

Танат бросился на нее, выставив вперед кинжал.

Вот, смотри! — Сими повернулась и подставила Танату грудь.

Он вонзил кинжал ей в грудь по самую рукоять, затем выдернул.

Глаза девочки-демона широко раскрылись. Она ахнула от боли.

В первый миг Зарек подумал, что она притворяется. Но Сими медленно осела на снег; глаза ее были полны боли и недоумения.

Как же так? — простонала она. — Так нечестно! Акри говорил, я неуязвима! Мне никто не может сделать больно!

Сердце его отчаянно забилося.

На губах у Сими выступила кровь.

Зарек пнул Таната, заставив его отступить на шаг, подхватил Сими на руки и побежал к снегоходу. Раненая рука нестерпимо болела, но он не обращал на это внимания.

Танат не спешил за ним в погоню.

Отлично, Зарек, — проговорил он, провожая взглядом исчезающий вдаль снегоход. — Езжай напрямик к своей женщине. Покажи мне, где ты ее спрятал.

На Олимпе землетрясений не бывает. Однако дворец Артемиды затрясло, словно земля под ним ходила ходуном.

Непонятно откуда — словно со всех сторон сразу, — раздавался мощный гневный рык.

Прислужницы Артемиды, побелев от страха, смотрели на свою госпожу.

Богиня привстала с трона. Что это? Можно подумать... да нет, невысказано!

Дверь в покои богини взорвалась. Обломки ее закружились по залу, словно подхваченные мощным смерчем.

Служанки с визгом бросились к выходу, ища укрытия от взбесившейся стихии. Артемида тоже хотела бежать, но страх парализовал ее.

Нечасто, очень нечасто случалось ей видеть Ашерона в таком состоянии.

И сейчас она была в ужасе. Что произошло?!

Он выплыл по воздуху из ее спальни. Длинные черные волосы его змеями извивались в воздухе, глаза сверкали багровым огнем. На лице, искаженном гримасой боли, обнажились огромные клыки. Воздух вокруг него трепетал и искрился, напоенный силой.

Именно такого Ашерона она боялась больше всего на свете. В таком состоянии он мог уничтожить ее одной мимолетной мыслью.

Артемида запаниковала. Если не удастся его успокоить, другие боги ощутят его присутствие, и тогда развернется ад, за который придется заплатить всем.

И прежде всего ей самой.

Она постаралась замаскировать его силу своей. Если повезет, другие боги решат, что это она сама в ярости крушит все вокруг.

— Ашерон!

Он выругался по-атлантски. Артемида попыталась подойти к нему, но наткнулась на невидимую стену. Она чувствовала его боль. Страшная, мучительная боль снедала Ашерона, но Артемида не понимала, что произошло.

Все в храме срывалось с места, кружилось, летало, повинуюсь его ярости. Неподвижны оставались лишь они двое.

«Артемида! У нас возникла проблема!»

Артемида поморщилась, услышав мысленный зов Астрид.

Астрид, подожди! Не до тебя. У меня здесь тоже проблем хватает.

«Кажется, догадываюсь. Ашерон разозлился?»

Не «разозлился», Астрид. Это называется иначе. — Голос Ашерона звучал низко, глухо и зловеще, словно доносился из каких-то подземных глубин. Глаза его, налитые кровавым огнем, не отрывались от Артемиды. — Как случилось, что Сими ранена?

Страх Артемиды возрос многократно.

Твой демон ранен?!

Она умирает, — выдохнули хором Астрид и Ашерон.

Артемиде прикрыла рот рукой. Ее охватила слабость и тошнота, ноги подкосились от ужаса.

Если что-то случится с его любимицей...

Тогда Ашерон ее убьет.

Невидимая сила встряхнула ее и грубо подтащила к Ашерону.

Артемиде, откуда у Таната мой кинжал?

При этом вопросе Артемиде содрогнулась от чувства вины. Семь тысяч лет назад, создав первого Таната, она даровала ему оружие, способное убивать Темных Охотников. В то время ей казалось, что лучше всего подойдет для этого атлантический кинжал Ашерона. В этом она видела какую-то божественную справедливость.

Обнаружив, что один кинжал исчез, Ашерон собрал все свое оружие и уничтожил. И теперь она поняла почему!

Он хотел защитить своего демона.

Я не знала, что твой кинжал может причинить ей вред!

Будь ты проклята, Артемиде! Ты все отнимаешь у меня! Все!

Она чувствовала его боль и скорбь, и в сердце ее кипела ревность.

Плачет о своем демоне! А о ней?.. Умри она завтра, он даже не заметит!

Почему ее он так не любит, не защищает?

Ашерон, я заберу ее и принесу сюда.

Но Ашерон не дал ей уйти.

Я слишком хорошо тебя знаю, Артемиде! Никакой самостоятельности. Не пытайся ее исцелить, не пытайся им помочь. Возьми ее и принеси сюда, ко мне. Поклянись водами Стикса!

Клянусь.

Ашерон отпустил ее.

Артемиде исчезла — и миг спустя материализовалась в подземелье, где Зарек и Астрид склонились над распростертой на полу Сими. Девочка-демон отчаянно рыдала.

Я хочу к акри! — восклицала она сквозь слезы.

Ш-ш-ш! — успокаивал ее Зарек. Он пытался наложить жгут на рану. И повязка, и руки его были в крови. — Успокойся, Сими! Ты делаешь себе хуже!

Хочу к папочке! Астрид, отнеси меня домой! Я хочу домой!

Не могу, Сими. Я не в силах вернуться домой, пока не увижу свою мать и не объявлю ей приговор.

Хочу к акри! — горько плакала Сими. — Я не хочу умирать без него! Я боюсь! Пожалуйста, пожалуйста, отнесите меня домой, к папочке!

Тень упала на лицо Зарека, и он поднял глаза.

Эту величественную фигуру он не видел с того дня, как стал Темным Охотником.

Артемида!

Ее белоснежное одеяние не скрывало идеальных, скульптурно четких форм тела. Волосы цвета осенней листвы рассыпались по плечам. Изумрудные глаза сверкали недобрым огнем.

Зарек затаил дыхание, почти уверенный, что пришла его смерть. Темным Охотникам не позволено общаться с богами.

Сими, узнав Артемиду, пронзительно завопила:

Только не она! Она злая! Она меня убьет!

Заткнись! — рявкнула Артемида. — Поверь, ни о чем я так не мечтаю, как свернуть тебе шею, но, если ты сдохнешь, мне тоже недолго жить останется!

Она схватила Сими, несмотря на ее отчаянное сопротивление. Затем перевела взгляд на Зарека и Астрид.

— Ты вынесла приговор?

Ответить Астрид не успела, люк за их спиной распахнулся.

Зарек выругался, увидев, что к ним спускается Танат.

Он повернулся, чтобы попросить Артемиду вместе с Сими забрать и Астрид, но богиня уже исчезла.

Будь она проклята! Теперь жизнь Астрид — в его руках.

Беги! — крикнул он Астрид и подтолкнул ее ко второму люку, ведущему в хижину.

Что случилось?

Здесь Танат! Если у тебя нет божественной силы, способной его убить, — беги!

А Артемида?

Испарилась.

На лице Астрид ясно отразилось, что она думает о своей кузине; затем она бросилась бежать.

Зарек помог ей добраться до люка и подняться по лестнице. В этот миг внизу появился Танат.

Он полез за ними. Ударом ноги Зарек сбросил его вниз.

Тебе не уйти, Охотник! Но я пришел не за тобой.

От этих слов кровь у Зарека застыла в жилах. Посмотрев вниз, он увидел, что взгляд Таната

прикован к Астрид.

Танат облизнулся.

Месть — это блюдо, которое лучше всего подавать холодным!

Едва Астрид скрылась наверху, Зарек опрокинул лестницу и бросился на Таната.

Мы на Аляске, кретин! — прорычал он, осыпая его градом ударов. — Здесь и без того холодно!

Он впечатал его в стену и бросился к люку.

Поднявшись в хижину, Зарек захлопнул и запер люк. Придвинул печурку. Затем заглянул внутрь, извлек оттуда норку и ее семейство. Мамаша кусалась как бешеная, но Зарек даже не моргнул.

Осторожно, как только мог, он спрятал зверьков в рюкзак — и бросился прочь из хижины.

Астрид ждала его за дверью.

Зарек, это ты?

Вместо ответа он ее поцеловал.

Не теряя времени, Зарек бросился к снегоходу Таната. Оторвал шланг радиатора. Затем подвел Астрид к своей машине, усадил на сиденье.

— Принцесса, тебе надо ехать. Я не смогу задержать его надолго.

Но я не смогу вести эту штуку!

Бесконечно долгое мгновение Зарек всматривался в ее лицо.

Старался навсегда запомнить, как выглядит она сейчас, в неверном свете выглядывающей из-за гуч луны. Она прекрасна, его звезда.

Самая прекрасная на свете.

Позади них слышался грохот и рев — Танат рвался на свободу.

Сейчас Зареку предстояло сделать то, чего он не делал никогда в жизни. Много столетий назад Эш научил его этим чарам. Но Зарек даже не подозревал, что они ему пригодятся.

До сегодняшней ночи.

Он склонился к Астрид и страстно поцеловал ее.

Астрид ощутила тепло его губ. Языки их соприкоснулись... и вдруг у нее страшно защипало глаза.

Охнув от боли, Астрид оторвалась от губ Зарека. Что это? К ней вернулось зрение!

В этот миг, казалось, она забыла, как дышать.

Перед ней стоял Зарек. Его полночные глаза изменили цвет: теперь они были бледно-бледно-

голубыми — такими же, как у нее, когда она теряла зрение.

Лицо его было черно от синяков, губы разбиты в кровь. Один глаз заплыл. Возле носа и уха — запекшиеся кровоподтеки.

Одежда изорвана — и тоже вся в крови.

Танат избил его до полусмерти, но ни словом, ни движением Зарек не дал ей об этом догадаться!

Она ахнула, увидев, что из рваной раны у него на плече все еще сочится кровь.

Он протянул ей свой рюкзак. Затем неуклюже, ощупью подошел к снегоходу, завел его.

Езжай, Астрид. Фэрбенкс в той стороне. — Он махнул рукой в сторону колеи, вьющейся среди сосен. — Не останавливайся, пока не доберешься до города.

А ты?

Обо мне не беспокойся.

Зарек! — закричала она. — Я тебя здесь не брошу! Это же верная смерть!

Грустно улыбнувшись, он сжал ее лицо в ладонях.

Все нормально, принцесса. Я не против того, чтобы умереть за тебя.

И легко, едва ощутимо поцеловал ее в губы.

Дверь хижины с грохотом ударилась о бревенчатую стену. Танат вырвался на свободу.

Зарек! Сюда, быстрее!

Он покачал головой.

Нет, Астрид. Так будет лучше. Если погибну я, у него не будет причин гнаться за тобой.

Астрид казалось, что сердце ее рассыпается на тысячу осколков. Какую жертву он приносит ради нее!

Она хотела возразить, но снегоход уже сорвался с места. Пыталась затормозить, — но он, видимо, повинувшись телекинезу Зарека, не сбавлял скорость. Последнее, что она видела, — как Зарек повернулся к Танату, глядя ему в лицо невидящими глазами.

Едва Артемида материализовалась перед Ашероном, он выхватил у нее Сими.

Бережно прижав свою малютку к груди, Эш перенес ее на постель Артемиды.

Акри! — простонала Сими, прижимаясь к нему. — Мне так больно! Ты же говорил, что мне никто никогда не сможет сделать больно!

Знаю, Сими, знаю... — Он бережно уложил ее на кровать, страхась снять импровизированную повязку и увидеть рану, скрывавшуюся под ней.

По щекам Сими струились слезы. Эш чувствовал, что и сам вот-вот заплачет. Он начал напевать атлантйскую колыбельную, которую пел Сими, когда она была еще младенцем.

Сими притихла.

Эш вытер с ее холодных щек слезы и размотал повязку.

Кинжал прошел в опасной близости от сердца; однако рана была чистой, и кровотечение почти унялось — без сомнения, благодаря Зареку.

Теперь Ашерон у него в долгу. Как же он сможет отплатить Зареку?

Собрав свои сверхъестественные силы, Эш накрыл рану ладонью и исцелил ее.

Сими оглянулась вокруг. Затем перевела взгляд на него:

Сими уже лучше?

Он улыбнулся и кивнул:

Сими совершенно здорова.

Сими взглянула на свою грудь. Оттянула ворот платья и заглянула себе за пазуху, чтобы удостовериться, что все в порядке.

И, рассмеявшись, бросилась в его объятия.

Эш прижал ее к груди, переполненный радостью и счастьем.

Она жива! Ей ничего не грозит! В порыве нежности он сжал Сими так крепко, что она захныкала и потребовала ее отпустить.

Поцеловав ее в лоб, Зарек поставил ее на пол.

Сими, а теперь вернись ко мне!

На этот раз Сими не стала спорить: она быстро превратилась в дракончика и, влившись в его тело, свернулась над самым сердцем.

Там, где ее место.

Эш медленно повернулся к Артемиде.

Та ждала в напряженной позе, положив руки на бедра.

— Ну? А теперь на что злишься? Я же все сделала правильно! Принесла тебе эту твою тварь...

Сими! — рявкнул он так, что она подпрыгнула. — Ее зовут Сими, Артемида! И будь любезна называть ее по имени!

Артемида упрямо вздернула подбородок, сощурила зеленые глаза и нехотя процедила:

— Сими.

Он одобрительно кивнул.

А насчет «все сделала правильно»... Нет, Арти. Правильно было бы не воровать у меня оружие. Правильно было бы прислушаться к моему совету и не создавать нового Таната. А сегодня ты поступила разумно. Поэтому я, в свою очередь, поступлю правильно и оставлю тебя в живых. Тебя. Танат — другое дело.

Ты не сможешь его убить! Ты же не можешь выйти отсюда!

А это и не обязательно.

Ублюдок! — взревел Танат, ударом опрокидывая Зарека наземь.

Зарек попытался подняться на ноги, но тело ему больше не повиновалось.

Кажется, в нем не осталось ни единой клеточки, не парализованной болью.

Всю свою сверхъестественную силу Зарек тратил на то, чтобы не дать снегоходу остановиться или сбиться с пути.

Он остался безоружен. Не говоря уже о том, что даже не видел своего врага.

Удары сыпались на него со всех сторон.

Совсем как в далекие дни смертной жизни.

Зарек расхохотался.

Что тебя так насмешило?

Зарек лежал в снегу, истекая кровью, но смеялся так, что не мог остановиться.

Ты. Я. Вся эта гребаная жизнь.

Танат злобно пнул его ногой в бок.

Ты ненормальный!

Да, конечно. Но еще он очень устал. Слишком устал, чтобы встать. Чтобы сражаться дальше.

Зарек подумал об Астрид.

Сражаться ради нее...

Впервые у него появилось что-то такое, ради чего стоит жить. Стоит оторвать задницу от снега и продолжать бой.

Зажмурившись, он попытался собрать те немногие силы, что у него еще остались.

Над головой у него послышался шорох: Танат извлекал из ножен свой кинжал.

«Зарек...»

Голос Эша у него в мозгу!

А в следующий миг Зарек изумленно заморгал, к нему вернулось зрение!

Что за черт?

На левой руке сверкнули пять серебряных когтей.

Зарек, ухмыльнувшись, сжал руку в кулак. Пять смертоносных лезвий впились ему в ладонь.

Эш всегда хорошо его знал. Слишком хорошо.

«У любого создания Артемиды есть слабое место, — прошептал у него в голове Эш. — У Таната между лопатками знак полумесяца. Ударь туда — и он умрет».

Зарек медленно поднялся на ноги.

Танат удивленно поднял бровь.

Оказывается, у тебя еще остался боевой дух?

Иди сюда, сволочь! — прохрипел Зарек. — Попляши с дьяволом!

Он сделал выпад, но Танат уклонился.

Похоже, Эш вернул ему не только зрение и когти. С каждым мгновением Зарек становился сильнее. В нем бурлила такая мощь, какой он никогда прежде не ощущал.

Он глубоко вздохнул, и боль, переполнявшая его, исчезла.

Танат с размаху ударил его по лицу.

Зарек расхохотался. Он ощутил боль, но лишь на одно мгновение. Даже моргнуть не успел.

Танат побледнел.

Боишься? Правильно! — Мощным ударом Зарек опрокинул его на снег. — Не нравится, что ты здесь не самый крутой, а?

Он схватил Таната, поднял в воздух и с размаху швырнул наземь.

Танат перекатился на живот, попытался подняться. Снова упал.

Зарек неторопливо подошел к нему.

Пора заканчивать.

Придавив Таната ногой, он разорвал на нем куртку и рубашку.

Вот и полумесяц. Эш не солгал.

Можешь убить меня, Охотник, — прохрипел Танат, — но это ничего не изменит. Ты заслужил смерть за убийство Дирки! Она не сделала ничего дурного, а ты зарубил ее, как мясник на бойне!

Зарек остановился.

Дирки?

Ты ее даже не помнишь?! — В ярости, напрягшись всем телом, Танат попытался изогнуться так, чтобы взглянуть ему в лицо. — Ей было всего двадцать лет!

Перед глазами Зарека замелькали картины прошлого, показанные ему Сими...

Вот и она — золотоволосая женщина, которую предыдущий Танат насадил на его меч.

Она была твоей...

Она была моей женой, ублюдок!

Зарек посмотрел на полумесяц — уязвимое место на спине Таната.

И вдруг понял, что не может его убить.

Это несправедливо. Они оба — товарищи по несчастью, жертвы грязных игр Артемиды. И что же, он убьет Таната за то, что тот жаждет справедливой мести?

Слишком хорошо Зарек понимал, как это тяжело: желать отомстить, но не сметь этого сделать. Сам он за возможность отомстить продал душу. Можно ли карать Таната за то же самое? За спиной у него послышался рев снегохода.

Зареку не нужно было оборачиваться. Он знал: это Астрид. Видимо, как только он перестал телекинетически управлять машиной, она повернула назад.

Силой, данной ему Эшем, Зарек пригвоздил Таната к земле.

Даймон выл, рычал и грыз землю. Требовал свободы — или смерти.

Все это было очень понятно Зареку. Много ночей он провел без сна, моля богов о том же.

Прикончить Таната было бы, пожалуй, милосердно. Но это не его работа.

Он — Темный Охотник, а Танат...

Пусть с ним разбирается Ашерон.

Астрид остановила снегоход и бросилась к нему.

Глаза ее теперь были ярко-голубыми, как небо или южное море.

Ты его обезвредил?

Зарек кивнул.

Астрид бросилась к нему в объятия. Зарек пошатнулся.

Осторожнее, принцесса! Я держусь на одной силе воли.

Астрид взглянула на Таната, тот бился в своих невидимых цепях, проклиная их обоих.

Почему ты его не убил?

Это не входит в мои обязанности. Да и надоело мне быть цепным псом Артемиды. Пусть рыжая стерва сама разбирается со своими проблемами.

Астрид побледнела.

Зарек, ты не можешь бросить службу! Артемида тебя уничтожит!

Зарек мрачно усмехнулся.

Пусть попробует. Я как раз в настроении подраться. — Он фыркнул. — А впрочем, драться я всегда готов.

При этих словах Астрид затаила дыхание. В них ей почудилась надежда.

А что же будет с нами? — спросила она.

В первый раз она увидела на его лице тоску.

Принцесса, нет никаких «нас». И никогда не было.

Астрид открыла рот, но возразить не успела: перед ними неторопливо материализовались ее мать и Саша, на сей раз в человеческом облике.

Ты, мамочка, немного запоздала, — с упреком сообщила ей Астрид.

Вини своих сестер. Атти сказала, чтобы я не вмешивалась. Как только она разрешила, я стремглав бросилась сюда.

Саша скривил губы при виде Зарека. Тот ответил ему не менее «нежным» взглядом.

Извини, Тузик, собачьего печенья я с собой не захватил.

Чтоб ты сдох! — процедил Саша.

Похоже, наши чувства взаимны, — ухмыльнулся Зарек.

Не обращая на них внимания, Фемида обратилась к Астрид:

Дочь моя, ты вынесла приговор?

Да. Зарек невиновен. — Она указала на корчащегося в снегу Таната. — Вот доказательство его невиновности — и его человечности.

Где-то в отдалении раздался и смолк пронзительный гневный визг.

Это что за чертовщина? — поинтересовался Зарек.

Артемида, — ответили хором Астрид, ее мать и Саша.

Не хотела бы я сейчас оказаться на месте Ашерона, — вздохнула Фемида.

Почему? — спросил Зарек.

Сердить богиню — себе дороже, — объяснил Саша. — Ты сорвался с крючка, и теперь она выместит злобу на нем.

Зареку стало не по себе. Вспомнилось, как он нарушал приказы Ашерона в прошлом, что говорил ему тогда Эш... да, похоже, атлантийцу приходилось расплачиваться за его грехи.

Это серьезно?

Все трое молчали, — но их лица подсказали Зареку ответ.

Зарек поморщился, вспомнив, как Эш много раз просил не подставлять его. И как Зарек неизменно посылал его ко всем чертям.

Саша двинулся к Танату.

А с ним что будет? — спросил Зарек.

Фемида пожала плечами:

Решать Артемиде. Он принадлежит ей.

Наверное, все-таки надо было его убить, — вздохнул Зарек.

Астрид рукавом отерла кровь с его лица.

Нет, — проговорила ее мать. — Ты спас Сими и мою дочь, а еще и пощадил Таната. Поэтому, хоть моя дочь и нарушила обет беспристрастия, — я принимаю ее приговор.

Астрид улыбнулась ему. Но Зарек не радовался своему избавлению.

Пойдем, Астрид, — позвала ее мать. — Нам пора домой.

Эти слова вонзились в сердце Зарека, как острый нож. Он не мог оторвать глаз от Астрид.

Отпустить ее...

Да, придется отпустить.

И все же каждая клеточка его тела требовала схватить Астрид за руку, прижать к себе и никуда не отпускать!

Хочешь что-то сказать, Охотник? — спросила ее мать.

Он и хотел бы, — да не доверял своему голосу.

Всю свою жизнь Зарек был сильным. Будет сильным и впредь. Он не станет привязывать Астрид к себе. Она этого не заслуживает.

«Порой звезды падают на землю».

Снова голос Ашерона в мозгу. Верно, порой звезды падают на землю. В земную грязь. Тускнеют, меркнут... сами становятся грязью.

Астрид — его звезда.

Он не позволит ей стать такой же, как все прочие женщины. Не позволит померкнуть и запачкаться.

Нет, ее место — на небесах. Там, где ее дом.

С матерью, сестрами.

Даже с этим поганым волчарой.

Но не с ним.

Удачи тебе, принцесса. Пусть у тебя все будет хорошо.

Губы Астрид дрогнули. Глаза наполнились слезами.

И у тебя, Прекрасный Принц.

Мать взяла ее за руку, Саша подхватил на руки Таната, и в мгновение ока они исчезли.

Все стало как прежде.

И в то же время совсем по-другому.

Зарек стоял в одиночестве посреди своего двора. Было абсолютно тихо, ни ветерка. Лес вокруг притих, словно ждал чего-то.

Тишина.

Спокойствие.

Вокруг него, но не в нем самом. Сердце его рвалось на части.

Астрид ушла.

Конечно, для нее так лучше.

Но почему же ему так больно?

Опустив голову, Зарек заметил, что из левого плеча его до сих пор сочится кровь.

Надо промыть рану и остановить кровотечение, пока запах крови не привлек волков и медведей. Вздохнув, он вернулся в хижину, закрыл и запер на засов дверь. Открыл шкаф.

В сущности, лечиться ему нечем. Новый генератор он так и не купил, так что вся вода замерзла, и разогреть ее было не на чем.

Замерзла даже перекись водорода.

Чертыхнувшись себе под нос, Зарек отставил перекись и достал вместо нее бутылку водки. Она, по крайней мере, не замерзла.

Снаружи слышался какой-то звук. Мобильник! Астрид оставила ему рюкзак. Зарек выбежал во двор, открыл его. Норка и ее потомство были здесь — живые, невредимые и очень-очень недовольные.

Не обращая на них внимания, Зарек нашарил в рюкзаке телефон.

— Да?

Это Джесс. Ашерон приказал нам с Энди возвращаться домой. Я решил сперва убедиться, что ты жив.

Зарек внес рюкзак в дом и осторожно пересадил норку и ее детенышей обратно в печку.

Ну, раз я по телефону говорю, значит, жив.

Очень остроумно. Мне подъехать, забрать Астрид?

Нет, она... — Слова застряли у него в горле, и, откашлявшись, он выдавил из себя: — Она ушла.

Жаль.

Чего жаль?

Воцарилось молчание.

Несколько секунд спустя Джесс снова заговорил:

Кстати, тебе никто не сказал про Шерон? Я хотел рассказать, но просто не успел в этой сутолоке.

А что с ней? — спросил Зарек.

Танат сильно избил ее, когда искал тебя. Но сейчас она в безопасности. Отто задержится здесь еще на пару дней — проследит, чтобы она нашла себе новую квартиру и чтобы кто-нибудь присмотрел за ней, когда она выйдет из больницы. Я просто подумал, что тебе стоит об этом знать. Я... э-э... знаешь, я ей послал цветы от твоего имени.

Зарек медленно выдохнул. Больно было сознавать, что Танат едва не убил Шерон, а он об этом даже не знал. Похоже, он губит все, к чему прикоснется.

Спасибо, Джесс. Я тебе очень благодарен.

На том конце что-то грохнуло так, что у Зарека зазвенело в ушах.

Прошу прощения? — изумленно переспросил Джесс. — С кем я говорю? Это наш Зарек Холодное Сердце — или какой-то самозванец занял его место?

Зарек покачал головой. Вряд ли Джессу удастся сейчас его развеселить.

Да я это, чучело гороховое, я!

Охотно верю, что ты чучело гороховое. Но, знаешь, такую информацию лучше держать при себе.

Зарек не выдержал и улыбнулся.

Заткнись.

Ладно-ладно. Ну, мне пора в вертолет. Пусть Майк вытащит меня отсюда, пока я не отморозил себе все на свете. Кстати, Спаун уже отбыл. Просил тебе передать, что телефон можешь оставить себе. Знаешь, для аполлита он не так уж плох — и, между прочим, живет недалеко от тебя. Почему бы тебе не звонить ему время от времени?

Решил поработать свахой?

Кем-кем? Да уж, каждый понимает сказанное в меру своей испорченности! Я про вас, греков, слышал разные истории — говорят, к вам лучше спиной не поворачиваться... Ладно, забудь все, что я сказал о Спауне. Все, я пошел. Будь здоров. Встретимся в Интернете.

Зарек дал отбой и выключил телефон. Зачем ему мобильник? Все равно никто, кроме Джесса, никогда ему не позвонит.

Он стоял посреди своей хижины. Боль, невыносимая боль раздирала его на части; Зарек всерьез удивлялся тому, что еще способен дышать.

Что же ему теперь делать? Зачем жить?

Ему нужна Астрид!

Не думая о том, что делает, Зарек отодвинул печь, откинул люк и спустился в подземелье. Здесь, в темноте, где еще совсем недавно они обнимали друг друга, можно хотя бы вообразить, что она еще с ним.

Если закрыть глаза — может быть, она ему приснится?

Нет. Ему нужна Астрид. Живая. Настоящая.

Устало вздохнув, Зарек подобрал с земли парк. В ноздри ему ударил знакомый аромат роз.

Астрид!

Он прижал парк к себе, зарылся лицом в густой мех, вдыхая ее запах.

Руки его дрожали. В голове вихрем проносились чувства и воспоминания.

Астрид!

Боги, как же он ее любит! Никогда не думал, что можно так любить. Помнит каждое ее прикосновение. Каждую улыбку.

Она сделала его человеком.

И он не хочет жить без нее — ни одной минуты, ни единого мгновения!

Мысль о том, что он никогда больше ее не увидит, буквально подкосила Зарека.

Он рухнул на колени и зарыдал, зарывшись лицом в мех, еще хранящий ее аромат.

Эш незаметно покинул сознание Зарека, не желая быть непрошеным свидетелем его горя.

Он был в тронном зале один. Артемида бушевала снаружи, во дворе, разгневанная приговором Астрид. Сими свернулась клубочком у него на груди — в покое и безопасности.

Что за глупцы эти смертные! — выдохнул Ашерон.

Впрочем, разве ему самому не случалось глупеть от любви? Любовь делает глупцами и смертных, и богов.

И все же он не мог поверить, что Астрид ушла, — и еще более, что Зарек позволил ей уйти!

Ох уж эти смертные!

Перед ним материализовалась Артемида.

Разве это возможно? — прорычала она. — Ни разу за всю свою жизнь она никого не оправдала!

Только потому, что ей еще не приходилось судить невинного, — спокойно ответил Ашерон.

Я тебя ненавижу!

Ашерон горько рассмеялся.

Опять ты тешишь меня ложными надеждами! Сделай милость, пообещай, что на сей раз твоя ненависть продлится дольше пяти минут!

Она хотела дать ему пощечину, но Ашерон перехватил ее руку. Вместо удара она прильнула к его губам, а в следующий миг оторвалась от него и с криком ярости растворилась в воздухе. Ашерон покачал головой.

Успокойся, конечно. Она всегда в конце концов успокаивается.

А ему сейчас стоит подумать о другом.

Прикрыв глаза, он мысленно перенесся с Олимпа в мир смертных.

Мгновение спустя он нашел то, что искал.

Зарек поднял голову. Подземелье исчезло: он сидел посреди огромного белокаменного зала. Стены его были отделаны золотом, на мозаичном панно на потолке резвились олени и козули. Мраморные колонны поддерживали свод, а в центре расположилось роскошное ложе из слоновой кости.

Но больше всего поразило его то, что перед этим ложем стоял Ашерон и смотрел ему в лицо своими удивительными серебристыми глазами.

Волосы атлантйца были сейчас золотистыми. Он был одет в облегающие кожаные брюки и расстегнутую черную рубашку с длинными рукавами. Странно сказать, но Ашерон выглядел удивительно беззащитным.

Спасибо тебе за Сими, — проговорил он, склонив голову. — Ты спас ее, и я благодарю тебя от всего сердца.

Зарек прочистил горло и, поднявшись на ноги, смерил Ашерона гневным взглядом.

Какого дьявола ты промыл мне мозги?

Я не мог поступить иначе. Есть то, чего людям лучше не знать.

Ты заставил меня поверить, что я убил своих людей!

Думаешь, правда была бы для тебя легче? Вместо лица старухи тебя преследовали бы лица молодой красавицы и ее мужа. Кроме того, тогда ты узнал бы, как убить любого Темного Охотника. Например, Валерия. Если бы тебе пришло в голову это сделать, никто и ничто не смогло бы тебя спасти. Даже я.

Зарек поморщился, вспомнив о своем брате. Приходилось признать правоту Эша: будь у него такое знание, очень вероятно, что он попытался бы применить его в отношении Валерия.

Ты не имеешь права копаться в чужих мозгах!

К его изумлению, Ашерон с этим согласился.

Верно. И, веришь или нет, я это делаю очень редко. Только когда нет другого выхода. Но ты ведь не поэтому злишься, ведь так?

Не понимаю, о чем ты, — напрягся Зарек.

Прекрасно понимаешь, Зет. — Ашерон прикрыл глаза и склонил голову набок, словно к чему-то прислушиваясь. — Я знаю все твои мысли. Так же, как в ту ночь после Таберли, когда ты истребил даймонов и аполлитов. Я пытался дать тебе покой, стерев твои воспоминания, но ты не хотел покоя. То, о чем ты забыл наяву, снова и снова возвращалось к тебе во сне. Я не мог прекратить эти сны, и даже М'Адок был бессилен тебе помочь. За это я прошу прощения. Но сейчас тебя беспокоит не то, что я сделал с твоим сознанием, а нечто совсем иное.

Вот как? И что же?

Ашерон протянул к нему руку ладонью вверх. Расширенными от удивления глазами Зарек следил за тем, как на его ладони вырастает трехмерная «картинка».

У него перехватило дыхание, когда он увидел Астрид. Она сидела в античном дворике и горько плакала, а вокруг суетились, утешая ее, три незнакомки.

Зарек бросился вперед, но тут же остановился, сообразив, что это всего лишь изображение. Он не сможет к нему прикоснуться.

Мне так больно! — рыдала Астрид.

Атти, сделай же что-нибудь! — воскликнула блондинка, обращаясь к рыжеволосой женщине, по-видимому, старшей из трех. — Ну, пойд и убей этого мерзавца, который так обидел нашу крошку!

Не смей! — вскричала Астрид. — Не надо! Если вы что-нибудь с ним сделаете, я никогда вам этого не прощу!

Кто они? — спросил Зарек.

Три Судьбы. Рыжеволосая — Атти или Атропос. Светловолосая, та, что обнимает Астрид, — Клото. Темноволосая — Лахезис, для родных Лейси.

Зарек наблюдал за этой сценой, не отрывая глаз. Сердце его разрывалось от того, какую боль он причинил Астрид. Меньше всего на свете он хотел сделать ей больно!

Зачем ты мне это показываешь?

На этот вопрос Ашерон ответил вопросом:

Помнишь, что я сказал тебе в Нью-Орлеане?

Ты мне там много всякой ерунды наговорил, — сухо ответил Зарек.

«С прошлым покончено, — повторил Ашерон. — А будущее зависит от того, какое решение ты примешь».

Огненный взгляд его впился в Зарека.

Первый свой шанс ты продул, не без помощи Диониса, когда напал на полицейских. Но, когда спас от смерти Саншайн, получил второй шанс. — Эш указал на Астрид. — Теперь, Зет, тебе предстоит принять решение. Что ты выберешь?

Ашерон сжал кулак; Астрид и ее сестры исчезли.

Все мы заслуживаем любви, Зарек. И ты тоже.

Заткнись! — взревел Зарек. — Откуда Твоему Высочеству об этом знать! — Титул Ашерона он выплюнул, словно ругательство. Зарек устал от поучений, особенно от учителей, не имеющих ни малейшего представления, о чем они говорят!

Легко парню, вроде Ашерона, рассуждать о любви! Откуда высокородному принцу знать, каково это — когда люди тебя презирают? Гнушаются тобой?

В него небось никто никогда не плевал!..

Ашерон не ответил.

Точнее, ответил не словами.

В мозгу Зарека возник образ. Греческий дом. Белокурый юноша, почти мальчик, в оковах. Избитый, покрытый кровью.

Молящий о милосердии.

У Зарека перехватило дыхание — этого мальчика он узнал...

Я понимаю тебя так, как не понимает никто другой, — тихо проговорил Ашерон. — Судьба дарит тебе редкий шанс. Постарайся его использовать.

На этот раз Зарек к нему прислушался — и взглянул на своего наставника с уважением.

Как видно, у них было гораздо больше общего, чем он считал до сих пор. Зарек невольно задумался о том, как удалось атлантийцу сохранить человечность, которую он сам до последних дней считал для себя навеки потерянной.

Что, если я причиню ей боль? — спросил Зарек.

А ты хочешь причинять ей боль?

Конечно, нет! Но я не могу жить здесь, а она...

Зет, почему бы тебе просто ее не спросить?

А ее мать?

Что — ее мать? Совсем недавно ты был готов сражаться с Артемидой. Неужели Астрид не стоит того, чтобы за нее бороться?

Стоит. Она стоит гораздо большего. — Он встретил взгляд Ашерона решительным взглядом. — Где она?

Не успел Зарек моргнуть, как оказался в том самом дворике, который показывал ему Ашерон.

Это еще что такое?! — вскричала, увидев его, Атти. — Людям здесь не место!

Та женщина, которую Ашерон назвал Киото, приготовилась на него броситься, — но остановилась, когда за спиной Зарека бесшумно возник Ашерон.

Зарек не обращал на них внимания. В сущности, он их и не заметил — он смотрел только на Астрид. А та, с блестящими от слез глазами, взирала на него так, словно увидела привидение.

С колотящимся сердцем он подошел к ней и опустился на колени перед ее креслом.

Звезды не должны плакать, — прошептал он так тихо, что услышать его могла только она. — Дело звезд — смеяться.

Как мне смеяться, когда сердце мое разбито?

Он взял ее руку, поцеловал кончик каждого пальца.

Я принес тебе взамен другое. — Он накрыл ее руку своей. — То, что бьется лишь ради тебя, принцесса.

Она улыбнулась дрожащими губами.

Зарек, зачем ты пришел?

Он нежно стер слезы с ее щек.

Чтобы забрать свою розу. Если, конечно, она согласится пойти со мной.

Даже и не думай! — вскричала Атти. — Астрид, ты же не собираешься верить этим глупостям?

Он — мужчина, — поддержала ее Лейси, — а мужчины, сестренка, лгут без зазрения совести!

Может быть, вам не стоит лезть не в свое дело? — проговорил Ашерон.

О чем ты говоришь?! — воскликнула Атти. — Мы — Судьбы, а это значит...

Но косой взгляд Ашерона заставил ее замолчать и сменить тактику.

В самом деле, пусть сами разбираются, — проговорила Атропос, и все три сестры исчезли. Ашерон, скрестив руки на груди, наблюдал за влюбленной парой.

Любишь подглядывать, Эш? — поинтересовался Зарек, не отрывая глаз от Астрид.

Зависит от того, интересное ли это зрелище.

Если немедленно не исчезнешь, — зрелище будет хоть куда! — И Зарек оглянулся через плечо.

Ашерон кивнул и, повернувшись, пошел прочь. Порыв ветра, играя рубашкой, обнажил его плечо, — и Зарек вдруг увидел на нем тонкий белый шрам.

Зарек сразу понял, что это такое, — ему такие шрамы были слишком хорошо знакомы. Подобные рубцы оставляет кнут.

Подожди! — окликнула Ашерона Астрид. — А как же душа Зарека?

Ашерон немного напрягся, а затем негромко позвал:

Артемида!

Богиня тут же возникла из воздуха.

Чего тебе? — нелюбезно поинтересовалась она.

Он кивнул в сторону влюбленных.

Астрид хочет получить душу Зарека.

Вот еще новости! Почему он вообще здесь? — Она недобро прищурилась. — Астрид, если это ты его сюда притащила...

Вообще-то Зарека привел сюда я, — сообщил Эш.

Ах вот что! — Артемида мгновенно успокоилась. — А зачем?

Затем, что они должны быть вместе. — Он иронически усмехнулся. — Так предназначено судьбой.

Артемида закатила глаза:

Даже не проси!

Астрид поднялась на ноги.

Артемида, мне нужна душа Зарека! Верни ее!

А у меня ее нет.

Это заявление поразило всех троих.

Что значит «у тебя нет»? — резко спросил Ашерон. — Только не говори, что ты ее потеряла!

Нет, разумеется! — Артемида переводила взгляд с Зарека на Астрид и обратно. Если бы Зарек не знал богиню, он мог бы поклясться, что она смущена. — Видите ли... дело в том, что у меня ее никогда и не было.

Все трое в изумлении уставились на нее.

А если поподробнее? — попросил Эш.

Я просто не смогла забрать у него душу, — скорчив брезгливую гримасу, объяснила Артемида. — Для этого нужно прикоснуться к смертному, — но он был такой мерзкий, от него так воняло... — И она передернула плечами.

Ашерон посмотрел на Зарека, открыв рот.

Ну и повезло же тебе, парень! — Он повернулся к Артемиде. — Если ты к нему не прикасалась, как же он стал бессмертным Темным Охотником?

Та смерила его надменным взглядом.

Ага! Как видно, ты не все на свете знаешь, да, Ашерон?

Ашерон сделал шаг по направлению к ней, — и Артемида с визгом отпрянула.

Хорошо, хорошо! Я впрыснула ему ихор.

Зарек онемел от изумления. Ихор? Вещество, содержащееся в крови богов, — то, что, как говорят, делает их бессмертными!

А силы и способности Охотника? — продолжал допрос Ашерон.

Силы я дала ему отдельно. Вместе с клыками и всем прочим, — чтобы никто не заподозрил, что он не такой, как все.

Ашерон смерил ее взглядом, полным усталого отвращения.

Догадываюсь, что ответ мне совсем не понравится, но все же спрошу. Артемида, а как насчет солнечного света? Если душа осталась при нем, значит, солнечный свет ему не страшен?

Артемида молчала, но ответ можно было понять, глядя на ее лицо.

Ах ты, сука! — взревел Зарек и бросился на нее.

Как ни странно, Ашерон его остановил.

Пусти меня! Я ей глотку перерву!

Ашерон оттащил его назад.

Оставь ее, Зарек. У нее сейчас другие проблемы.

Зарек зашипел на Артемиду, обнажая клыки.

И вдруг... они исчезли.

Зарек остановился, провел языком по новым, человеческим зубам.

— Это подарок, — проговорил Ашерон.

Это немного успокоило Зарека; но окончательно он забыл о ярости, когда Астрид, подойдя сзади, обняла его за пояс и прижалась к нему всем телом. Спинай он ощущал ее мягкие нежные груди.

Прикрыв глаза, он наслаждался этим ощущением.

Ты свободен от Артемиды, Зарек, — прошептала ему на ухо Астрид. — Ты невиновен и бессмертен. Скажи, как бы ты хотел провести вечность?

На пляже в каком-нибудь жарком местечке.

У Астрид упало сердце. Как ни глупо, но она ждала, что он скажет: «С тобой».

Понятно.

Но больше всего, — проговорил он, повернувшись к ней и сжав ее лицо в ладонях, — я хочу всех разозлить!

Всех разозлить? — Астрид совсем сникла.

Вот именно! — ответил он, одаривая ее редкой улыбкой. — Подумай сама: если я уйду мы с тобой будем несчастны, но все остальные только обрадуются. А если возьму тебя с собой, мы будем счастливы, но все остальные страшно разозлятся! Особенно эта твоя шелудивая псина, по недоразумению считающая себя волком. Знаешь, для меня это большой соблазн!

Астрид подняла брови.

Если ты надеешься этим меня соблазнить, Прекрасный Принц, то...

Договорить она не успела, он прервал ее поцелуем, от которого внутри у нее все растаяло.

Не вскоре он оторвался от ее губ и взглянул в лицо своей возлюбленной.

Астрид, идем со мной.

Зачем я тебе?

Он смотрел на нее, и глаза его сияли, как звезды.

Затем, что я тебя люблю. Без тебя я умру от холода даже на самом жарком пляже. Ты нужна мне, моя звезда.

Смеясь от счастья, она прильнула к нему.

Тогда — нас ждет Бора-Бора! [15]

вернуться

15

Бора-Бора — один из островов архипелага Острова Общества во Французской Полинезии в Тихом океане, расположенный в 241 км к северо-западу от Таити.

Зарек снова не дал ей договорить, он вновь поцеловал любимую.

И поцелуй этот длился целую вечность.

Глава 15

Эш отворил дверь в тесную мрачную камеру — место заточения Таната.

В сердце его боролись противоречивые чувства. Какая-то его часть жаждала крови Таната — за

смерть Бьерна, за всех, кому он причинил боль. И более всего — за Сими.

Но в то же время он понимал, почему Танат обезумел.

Разве ему самому не знакомо подобное безумие? Что же еще заставляет его жить?

Танат поднял голову. Бледное, измученное лицо.

Кто ты?

Эш сделал еще шаг, и свет, сочащийся из дверного проема, осветил скорчившегося на полу узника.

Зови меня судьбой, брат мой. Я пришел дать тебе успокоение.

То есть убить?

Эш покачал головой. Приблизившись к Танату, извлек из ножен у него на поясе свой кинжал. Поднеся его к глазам, всмотрелся в древние клинописные значки, покрывающие лезвие. Как все атлантйские кинжалы, этот был волнистым от острия до рукояти. Перекрестье его было сделано из чистого золота, а в центре сверкал огромный рубин.

Кинжал давно погибшего народа, ныне почти забытого и превратившегося в миф. Бесценное сокровище.

В руках злодея или глупца это оружие может не только ранить Сими, оно может уничтожить мир.

Ашерон ощутил прилив ярости. Порой все силы, весь самоконтроль едва удерживали его от того, чтобы свернуть Артемиде шею.

Но его задача — в другом. Нравится ему это или нет, но он призван охранять ее. В том числе и от ее собственной глупости.

Призвав свою сверхъестественную силу, Ашерон приказал кинжалу распасться на молекулы.

Теперь ничто и никогда не причинит вреда Сими.

И ничто не уничтожит мир. По крайней мере, пока Ашерон стоит на страже.

Он протянул Танату руку.

Встань, Калликс. Я хочу предложить тебе сделать выбор.

Откуда ты знаешь мое имя?

Эш подождал, пока Танат, приняв его помощь, поднимется на ноги, и лишь затем ответил на его вопрос:

Я знаю о тебе все. Скорблю о том, что ты потерял, и еще более о том, что я не сумел это предотвратить.

Это сила Таната, верно? — тихо спросил Калликс. — Другой Танат, а не Зарек убил мою жену?

Эш кивнул. Тогда, много столетий назад, он попытался стереть и воспоминания Калликса, но Артемида вернула аполлиту память, чтобы сделать его своим слугой. Люди говорят: абсолютная сила разрушает абсолютно.

Нет! — прошептал Калликс. — Разрушает не сила, а месть.

Эш рад был видеть, что аполлит, низверженный в Тартар, начал лучше понимать, что довело его до такого состояния.

Ты сказал, что предложишь мне сделать выбор? — поколебавшись, спросил Калликс.

Могу предложить тебе два пути освобождения. Ты получаешь свободу и обретаешь вечный покой в полях Элизиума [16]— или отправляешься жить в Цинциннати, штат Огайо.

Что за Цинциннати? — нахмурился Калликс.

Симпатичный город в стране под названием Америка.

И что мне там делать?

В Университете Огайо учится одна первокурсница, с которой, мне кажется, ты захочешь познакомиться.

Раскрыв ладонь, Эш показал своему собеседнику юную девушку — красивую голубоглазую блондинку; она выходила из аудитории вместе с веселой стайкой подруг.

Дирка! — выдохнул Калликс; голос его дрогнул и прервался.

Сейчас ее зовут Эллисон Грант. Она человек.

Калликс поднял на Эша полные муки глаза.

Но ведь я — аполлит! Через несколько лет мне предстоит умереть.

Ашерон покачал головой:

Если ты выберешь ее, то тоже станешь человеком. О том, как был Калликсом и Танатом, ты забудешь. В твоём мире не будет больше ни даймонов, ни аполлитов. Ни Темных Охотников, ни древних богов. Все это будет тебе неведомо.

Как же я найду ее, если не буду ее помнить?

Эш сжал ладонь, и изображение Дирки исчезло.

Не беспокойся, найдешь. Обещаю. Ты сам будешь учиться в этом же университете.

А как же семья?

Ты будешь сиротой. Твой богатый дядюшка Эш умер и завещал тебе все свое состояние. Его хватит, чтобы вы безбедно прожили до конца своих дней.

У Калликса задрожали губы.

Ты все это сделаешь для меня, после того как я убил твоего человека?

При упоминании Бьерна на щеке у Эша дернулся желвак.

Неблагодарен тот, кто не умеет прощать.

Я всегда считал прощение слабостью.

Эш покачал головой.

Нет. Чтобы простить — и других, и самого себя, — нужно много силы и мужества.

Несколько минут Калликс в молчании размышлял над этими словами.

Ты мудрый человек.

Сомневаюсь, — усмехнулся Эш. — Итак, ты принял решение?

Он уже знал, каким будет ответ.

Для меня нет выбора. Как я могу блаженствовать в раю, если рядом не будет Дирки? Я хочу жить в Цинциннати.

Я не сомневался, что ты сделаешь правильный выбор.

Отступив на шаг, Эш исполнил желание Калликса.

Камера Таната опустела. Эш долго стоял один, глядя на сырые темные стены, борясь с собственными демонами.

Какое право имела Артемида по своей прихоти приговорить этого несчастного к вечному заточению? Когда-нибудь ей придется заплатить — и за это, и за многое другое.

Но сначала надо позаботиться о Дионисе. В следующий раз, когда богу вина захочется выпустить кого-нибудь из любимчиков Артемиды и натравить его на людей Эша, пусть сначала хорошенько подумает!

Есть и еще одно дело: стереть из памяти Джесса, Сайры и Оруженосцев информацию о предназначении меток в виде лука и стрелы.

Следовало бы и Зарека заставить об этом забыть... но этого Эш делать не станет. Зареку он и без того причинил достаточно вреда.

Зарек никому не скажет. Сейчас у него совсем другие заботы.

Кроме того, если все пойдет так, как планирует Эш, — со временем Зареку предстоит узнать и о нем, и о Темных Охотниках много тайн, куда более серьезных, чем тайна клейма.

Артемида в одиночестве полулежала на своем троне, рассеянно играя подушками. Ашерона не было уже довольно долго, и она начинала беспокоиться.

Он не может покинуть Олимп; но, и не уходя с Олимпа...

Мало ли что придет ему в голову! А ей потом придется отдуваться перед Зевсом.

Возможно, напрасно она разрешила ему сегодня свободно бродить по священной горе?

Она уже готова была отправиться на поиски, но двери храма вдруг распахнулись.

В тронный зал влетел Ашерон.

Ее великолепный Ашерон!

Его длинные белокурые волосы струились по плечам, черная кожа плотно облегла безупречное тело. Тело, созданное для соблазна и наслаждения.

Двери за его спиной закрылись.

Артемиды приподнялась в сладком предвкушении. С первого взгляда она распознала знакомый хищный огонь в его глазах.

Пламя голода.

Желание вспыхнуло в ее крови, и между бедер стало жарко и влажно.

Больше всего она любит Ашерона именно таким!

Хищником. Тем, кто берет все, что ему приглянется, не спрашивая разрешения.

Он направился к ней. На ходу одежда его растворялась в воздухе.

Миг — испарилось и белое платье Артемиды.

Она вздрогнула, ощутив его могучую силу, рядом с которой терялась ее собственная.

Оба они знали: он слишком долго пробыл без пищи. На определенной стадии голод лишает его сострадания, превращает в безжалостного хищника.

Теперь он достиг этой стадии.

Она застонала, когда он схватил ее и прижал к своему сильному, мускулистому телу. Его возбужденный член обжег ей бедро.

— Чего ты хочешь, Ашерон? — эти слова она попыталась произнести спокойно и небрежно, но голос ее дрогнул.

Горячим взглядом он окинул ее нагое тело—и она затрепетала еще сильнее.

— Ты знаешь, чего я хочу, — хрипло ответил он по-атлантйски. — Я голоден, а ты... ты — моя пища!

Глаза его вспыхнули алым огнем, и он резко раздвинул ей бедра.

вернуться

16

Элизиум (Элисий) — в древнегреческой мифологии страна сказочного блаженства; то же, что Елисейские поля.

Артемиде громко застонала. Едва он ворвался в нее одним мощным движением, как ее настиг оргазм. Она вскрикнула и прижала его к себе, лаская его гладкую, мускулистую спину; голова ее кружилась, все плыло перед глазами, — а он вторгался в нее снова и снова, в едином грохочущем ритме.

Да, этого она и хотела! Такого Ашерона она полюбила! Ради этого мужчины она готова идти даже против богов!

Нет закона, который бы она не нарушила ради того, чтобы навеки привязать его к себе.

Он брал ее яростно и страстно, его огонь воспламенялся от ее огня.

Артемиде склонила голову к плечу, зная, что сейчас произойдет.

Глаза Ашерона сверкнули багровым пламенем, а в следующий миг он наклонился к ней и впился клыками в ее шею, утоляя свой голод.

Артемиде вскрикнула: оба они одновременно достигли вершины блаженства. Она прикрыла глаза, чувствуя, как пульсирует в ней его сила, забыв обо всем, кроме всепоглощающего ощущения Ашерона внутри себя. Сколько бы богиня ни притворялась госпожой Ашерона, рано или поздно наступал миг, когда она более не могла скрывать от себя правду.

Она — его раба.

И — о, как она его за это ненавидит!

Эпилог

Бора-Бора

Зарек лежал на пляже. Лучи солнца и легкий ветерок ласкали его обнаженное тело. Что за наслаждение!

Они провели здесь уже почти месяц, а он все не мог насытиться солнцем и теплом.

И Астрид.

Вдруг на грудь ему капнуло что-то холодное.

Открыв глаза, он увидел Астрид: с улыбкой на лице, с кувшином в одной руке и со стаканом в другой.

— Осторожнее, принцесса! Ты же знаешь, я терпеть не могу холода!

Астрид присела рядом с ним, отставив кувшин, вытерла с его груди пролившуюся воду. Прикосновение ее согревало, как солнце, и зажигало в его теле ответный огонь.

Взгляд ее скользнул по его телу — вплоть до плавок, под которыми сейчас вздулся заметный бугор.

Астрид лукаво усмехнулась.

Знаешь, я видела в одном фильме...

Что? — подозрительно поинтересовался Зарек.

Она достала из стакана кубик льда и взяла его в рот.

Зарек, словно замороженный, следил затем, как она его посасывает.

Вот она вынула оплывшую ледышку... и положила ему на грудь.

Астрид!

Ш-ш-ш! — проговорила она, обводя льдом вокруг соска Зарека, пока он не затвердел. Она дыхла на лед, и от ее горячего дыхания он почти растаял. — Знаешь, чем хорош холод?

Чем же?

То, что замерзло, можно растопить. И это очень, очень приятно!

Зарек застонал, когда она склонилась над ним и принялась дразнить его сосок языком.

Но вдруг Астрид отстранилась.

Зарек издал протестующий стон и потянулся к ней, но она отвела его руки.

Подожди-подожди, пока не забыла... нет, не трогай меня, а то забуду... у меня для тебя сюрприз!

Зарек приподнялся на локтях.

Только не говори, что твой Тузик приедет погостить!

Астрид закатила глаза.

Нет! Саша сейчас в «Убежище» в Нью-Орлеане. Говорит, что скорее выколет себе глаза, чем станет любоваться на твою голую задницу!

Судя по лицу Зарека, он ничего смешного в этом не нашел.

Тогда что?

Она протянула ему кувшин.

Заглянув в него, Зарек увидел что-то вроде лимонного желе.

Что это?

Амброзия. Съешь кусочек — и сможешь отправиться со мной домой, на Олимп. Иначе мне придется через три дня тебя покинуть.

Почему?

Она разгладила пальцами морщинку между его бровей.

Ты же знаешь, я не могу жить на земле. Я здесь лишь гостя. Если хочешь, оставайся, а я буду

навещать тебя, когда смогу...

Он прервал ее поцелуем.

Но что скажут твои близкие, когда увидят рядом с тобой раба?

Ты не раб, Зарек. И мне плевать на то, что они скажут. А тебе?

Он фыркнул:

Мне — тем более!

Она поднесла амброзию к его губам.

Зарек быстро поцеловал ее, затем проглотил амброзию и запил ее нектаром. Он ожидал боли или жжения внутри, но ничего такого не произошло. Пища богов проскользнула в желудок легко, словно сахарная вата, которой когда-то угощала его Астрид, оставив легкий, тающий сладкий привкус.

И все? — недоверчиво спросил он.

И все, — кивнула она. — А что, ты ждал фейерверка?

Фейерверка я жду, только когда занимаюсь с тобой любовью.

Ах, как мне нравится, когда ты говоришь комплименты! — прошептала она и потерлась носом о его нос.

Зарек поцеловал ее руку... и вдруг расхохотался, вспомнив все, что произошло с ним со времени встречи с Астрид.

Что тебя так развеселило? — спросила девушка.

Просто подумал: нечасто случается, чтобы раб дотянулся до звезды и стал полубогом! Похоже, я самый везучий парень на свете!

Так оно и есть, мой Прекрасный Принц, — пристально глядя ему в глаза, ответила Астрид. — Никогда не забывай об этом.

Поверь мне, принцесса, не забуду!